

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 3
Общественные науки

2016

№2 (152)

IZVESTIA

Ural Federal University

Journal

Series 3

Social and Political Sciences

2016

№ 2 (152)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- Э. Э. Сыманюк**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- В. А. Виноградов**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнёв**, чл.-корр. РАН
- С. В. Гольнец**, акад. РАН
- К. Н. Любутин**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- К. Кроо**, проф. (Венгрия)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Н. В. Сулов,
канд. филос. наук, доц.

Заместитель главного редактора
по международным связям

А. С. Меньшиков,
канд. филос. наук, доц.

Ответственный секретарь

Е. С. Ковалева

Члены редколлегии

Философия

А. Г. Кислов,
канд. филос. наук, доц.

Т. А. Круглова,
докт. филос. наук, проф.

В. В. Макерова,
канд. филос. наук, доц.

Е. Г. Трубина,
докт. филос. наук, проф.

Д. М. Федяев (Омск),
докт. филос. наук, проф.

Е. С. Черепанова,
докт. филос. наук, проф.

Социология

Е. В. Грунт,
докт. филос. наук, проф.

А. В. Меренков,
докт. филос. наук, проф.

Р. Р. Муслумов,
канд. психол. наук

Л. Л. Рыбцова,
докт. социол. наук, проф.

Политология

В. Д. Камынин,
докт. ист. наук, проф.

А. А. Керимов,
канд. полит. наук., доц.

Н. А. Комлева,
докт. полит. наук, проф.

В. И. Михайленко,
докт. ист. наук, проф.

О. Ф. Русакова,
докт. полит. наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ КОНФЛИКТА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	
<i>Черепанова Е. С., Циплакова Ю. В.</i> Конфликт как условие исторического и личностного развития в контексте немецкой философии жизни 5	
<i>Давлетшина А. М., Мельник Н. Б.</i> Педагогический конфликт: философско-правовой анализ 20	
<i>Батюта Е. А.</i> Медиарепрезентации социального конфликта сквозь призму «иллюзорной демократии» 32	
<i>Пацокова Ю. А., Черняева Н. А.</i> «Право смотреть» и «право быть видимым»: конфликты визуального 40	
ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ	
<i>Клёцкин М. В.</i> Ценностное отношение в научном познании 49	
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ	
<i>Мосиенко Л. И.</i> Мать-героиня: многодетное материнство в контексте героического дискурса 60	
ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ	
<i>Керимов А. А.</i> Избирательные системы: проблемы выбора для современной России 70	
<i>Мухаметов Р. С.</i> Эволюция избрания глав регионов в России 80	
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
<i>Валиахметова Г. Н.</i> Обеспечение национальной кибербезопасности в усло-	виях виртуальных войн XXI в.: опыт Исламской Республики Иран 87
<i>Шлапек Е. А.</i> Опыт регионостроительства в Северной Европе с позиций теории конструктивизма и парадипломатии 98	
<i>Муратшина К. Г.</i> Партнеры России в Азии и 70-летие Победы в Великой Отечественной войне 104	
<i>Папоян А. Р.</i> Политическое и экономическое сотрудничество между Арменией и Европейским союзом 115	
<i>Кириченко В. П.</i> Политика дискриминации в отношении шиитов со стороны властей в Саудовской Аравии в начале XXI в. 124	
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ	
<i>Герт В. А.</i> К онтологии свободы человека ... 131	
<i>Пырина М. В.</i> Онто-гносеологические основания субъекта права в их историческом развитии 140	
ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ	
<i>Круглова Т. А.</i> Проблема политизации искусства: теоретические подходы и исторические версии (советский опыт) 152	
<i>Устюгова Е. Н.</i> Бидермайер как культурно-стилевой феномен 161	
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ	
<i>Мухутдинов О. М.</i> О мнимом правде и праве скрывать правду 175	
Авторы номера 181	
Summa 183	

ФИЛОСОФИЯ КОНФЛИКТА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В июне нынешнего года кафедра философской антропологии департамента философии ИСПН нашего университета проводит круглый стол, посвященный теоретическому анализу актуальных проблем конфликта. Ниже мы публикуем подборку статей, написанных авторами для журнала в рамках подготовки мероприятия.

УДК 316.24:141.32 + 316.35 + 008 + 316.285

**Е. С. Черепанова
Ю. В. Циплакова**

КОНФЛИКТ КАК УСЛОВИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО И ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ

В статье исследуется тема конфликта в немецкой философии жизни второй половины XIX — начала XX в. Описываются историко-философские истоки появления проблематики конфликта в связи с изменением философского поиска, переходом от метафизической установки к установке социальной философии. Подробно рассматривается тематика становления конфликта в философии Ф. Ницше, борьбы мировоззрений в философии В. Дильтея, а также раскрывается понимание конфликта между индивидами, сообществами, социальными группами, нациями в теории Г. Зиммеля.

К л ю ч е в ы е с л о в а: философия жизни, борьба, конфликт, жизнь, противоборство, конкуренция, культура, индивидуальность, мировоззрение, социальные группы.

Пожалуй, не будет преувеличением утверждение, что философствование, как особым образом организованная смысловая деятельность человека, изначально имеет полемическую, агональную природу. Это может быть выявлено уже на уровне абсолютно любой сложившейся философской системы, в которой понятия, категории, экзистенциалы сталкиваются друг с другом. Если в произведениях

искусства (например, романе или кино) авторы сталкивают друг с другом героев, образы, то в философии противодействуют абстракции, образуя тем не менее интеллектуально-эмоциональное напряжение.

Особым образом сказанное относится к историко-философскому направлению XIX — начала XX в., которое получило название «философия жизни». Придя на философскую сцену после немецкой классической философии, с одной стороны, и вместе с позитивизмом и марксизмом, с другой, она специфически проинтерпретировала тематику конфликта, противостояния, конкуренции индивидуальностей и общественных субъектов. Философия жизни предложила новое осмысление феномена конфликта в культуре и обществе, основанное на глубинной игре жизненных сил.

Безусловно, в рамках немецкой классической философии также был заложен и обусловлен определенный категориальный конфликт. В критической философии И. Канта он был заявлен как конфликт разума и человеческой свободы. В «Критике чистого разума» Кант противопоставлял волю, основанную на чувственности, и волю, основанную на разуме. Он писал: «Воля имеет чисто *животную* природу (*arbitrium brutum*) и может определяться только чувственными побуждениями, т. е. *патологически*. А воля, которая может определяться независимо от чувственных побуждений, стало быть, мотивами, представляемыми только разумом, называется *свободной волей* (*arbitrium liberum*), и все, что стоит с ней в связи как основание и как следствие, называется *практическим*» [6, 470].

Философ настаивал, что свободная воля может быть доказана опытом: «...Мы обладаем способностью посредством представлений о том, что полезно или вредно даже весьма отдаленно, преодолевать впечатления, производимые на наши чувственные склонности; но эти соображения о том, что желательно для всего нашего состояния, т. е. что приносит добро или пользу, основываются на разуме. Поэтому разум дает также законы, которые суть императивы, т. е. объективные *законы свободы*...» [Там же]. Законы свободы являются непротиворечивыми и вполне «познанными на опыте», когда речь идет о повседневном человеческом поведении, практике. Но в сфере «трансцендентальной свободы» за пределами человеческой межличностной практики, по И. Канту, свобода «идет вразрез с законом природы, стало быть со всяким возможным опытом, и потому остается проблемой» [Там же].

Кант отказался от решения вопроса трансцендентальной свободы как вопроса, касающегося исключительно «спекулятивного знания» [Там же, 471]. Предстояло решить, однако, как соотносится спекулятивное знание с миром исторического и природного развития. К этому подталкивала И. Канта и предыдущая философская полемика, в особенности полемика с И. Гердером. Философия, основанная на рациональности, трудно мирилась с тем, что чистый разум сталкивается с неразрешимыми антиномиями.

Решить заявленную проблему основателю немецкой классики удалось только на уровне разума практического, действующего в общественной сфере. Другие представители немецкой классики, предлагая свои способы решения, также приходили к необходимости преодоления социальных задач. И И.-Г. Фихте, пришедший к идее разумной преобразовательной деятельности, и Г. В. Ф. Гегель, приведший

в своих берлинских лекциях развивающийся Мировой Дух к детальной апологии прусской монархии и, далее, отказавший истории в развитии, и Ф. Й. В. Шеллинг, который перешел в «Философии откровения» от разрешения исходного конфликта к откровенной мистике, точно так же стихийно вынуждены были разбираться в вопросах истории, культуры, языка, общества, т. е. реалий, всецело находящихся в области разума практического.

В этом естественном, стихийном переносе акцента с метафизики на социальную философию и можно увидеть выход темы конфликта, противостояния в европейской философии на новый уровень.

До 30-х гг. XIX в. действующими силами в философии выступали абсолютные субъекты, сравнимые либо с Лицами (Ипостасями) Святой Троицы в христианском богословии, либо с демиургами и богами, стихиями или началами философии древности. Таковы и «трансцендентальный субъект» Канта, и «Я» Фихте, и «Мировой Дух» Гегеля. Философы если и интересовались историческими субъектами, то лишь по мере того, как эти субъекты проявляли следы основного, абсолютного субъекта, великой идеи. Гегель писал: «Частное в большинстве случаев слишком мелко по сравнению со всеобщим: индивидуумы приносятся в жертву и обрекаются на гибель. Идея уплачивает дань наличного бытия и бренности не из себя, а из страстей индивидов» [3, 84].

А. Шопенгауэру, чтобы сказать новое слово в указанной игре и столкновении трансценденций, пришлось перейти от рациональных категорий к категориям, находящимся за пределами разума. Он при этом отдает Канту должное за его внимание к теме интеллекта. Априорные формы чувственности, рассудка и разума, выведенные Кантом, оказались Шопенгауэру достаточными для описания мира явлений. Однако «великой ошибкой великого ума» Шопенгауэр назвал невнимание кёнигсбергского мыслителя к тому, что лежит за непознаваемым миром ноуменов, — к Мировой Воле. «Кант, как я уже сказал, отделив несомненный и великий этический смысл поступков от области явления и его законов, признал в нем нечто, относящееся к вещи в себе, подлинной реальности мира, тогда как явление, т. е. пространство, время и все, что их наполняет и связывается в них по закону причинности, он изобразил хрупким и пустым сновидением», — указывал автор «Мира как воли и представления» [13, 358]. Тем не менее Мировая Воля, при всем новаторстве Шопенгауэра и при всех новых возможностях, которые она предоставляла философу в сравнении с предшественниками, не сокращала разрыв между спекулятивным и практическим разумом.

В конце 30-х гг. XIX в. и потом все чаще и чаще трансцендентальный субъект уступает место не только субъекту эмпирическому, но и субъекту историческому, общественному, стремящемуся к развитию, изменению действительности. Пришедшие следом мыслители постепенно отказываются от трансцендентализма как философского стиля. Самым ярким примером такого отказа, конечно, является Людвиг Фейербах. «Воля — это не колдун или волшебник, — писал он, — это не способность, готовая в любое время и в любом месте к каким угодно фокусам; воля связана с пространством и временем, как и вообще человек, ибо что такое воля, как не желающий человек?» [12, 330].

Таким образом, философов нового поколения гораздо больше интересует бытие здесь и теперь, живой, «желающий», человек, который хочет быть счастливым в том мире, в том обществе, в котором он живет.

Ф. Ницше: зарождение конфликтологии философии жизни

П. Слотердайк отмечал: «...Достижение Ницше состоит в возвращении в культуру идеи соревнования и eo ipso в восстановлении понимания того, что добро и зло — это полюса; можно также сказать — в восстановлении понимания многовалентности моральных обстоятельств дел» [11, 36]. Ницше указал на то, что господствующая в светской среде, считающаяся безусловной и объективно непротиворечивой, мораль не является единственной и безусловной. Кантовские «законы свободы» как основания практического разума после погружения их в контекст «представления» А. Шопенгауэра были осознаны Ницше как проблема. Душа, предоставленная сама себе и лишенная возможности трансцендировать, оказывается «связанной душой... навсегда прикованной к своему углу и столбу» [10, 234]. Автор «Человеческого, слишком человеческого» с прискорбием обнаруживает и констатирует, что считающийся передовым и перспективным концепт практического разума выдохся, ослаб. Императивы уже не могут руководить субъектами. Внутри мира, в котором соседствуют остановленная разумность и схематизм Гегеля, имплицитно содержащее в себе стихию воли представление Шопенгауэра, довольство и стремление к земному счастью Фейербаха, скрывается немало противоречий.

То, что раньше у Фихте и Гегеля было связано с усердной деятельностью и напряженным познанием, духовной работой, к концу 70-х гг. XIX в. утратило напряженность и энергию. Человеческий дух «крепко связан» обязанностями. Молодыми людьми руководит теперь не поиск истины, но «робость и нежность ко всему издревле почитаемому и достойному, благодарность почве, из которой они выросли, руке, которая их вела, святилищу, в котором они научились поклоняться...» [Там же]. Все это, полагал философ, будет «крепче всех связывать и дольше всех обязывать». Вместе с тем, отмечал он, на фоне пустой салонной риторики умами повсеместно правят апатия и скука. «В усталости нами овладевают и давно преодоленные понятия», — отмечал он в «Злой мудрости» [8, 730].

Но вместе с тем человек, вопреки всеобщей усталости, парадоксальным образом «сопротивляется направлению гравитации: ему постоянно хочется падать — вверх» [Там же, 746]. Поэтому Ницше констатирует противоречие: с одной стороны, налицо безжизненная слабая оболочка, «пустой панцирь» общественных установок, с другой — желание полноценной жизни и творчества.

Гипостазирования трансцендентальных мировых сущностей было для Ницше уже недостаточно, и он решительно отказался от помощи метафизики. Это не означало, конечно, его согласия с методами позитивизма. Но в современных ему условиях победившей позитивной науки и поставленной под вопрос обобщающей философии нужно было найти новые методы. «Мы видим, — писал Ницше в «Человеческом, слишком человеческом», — все вещи сквозь человеческую голову

и не можем отрезать этой головы; а между тем все же сохраняет силу вопрос: что осталось бы от мира, если отрезать голову? <...> Ибо о метафизическом мире нельзя было бы высказать ничего, кроме того, что он — иной мир, что это есть недоступное, непостижимое иное бытие; это была бы вещь с отрицательными качествами. — Если бы существование такого мира было доказано совершенно точно, то все же было бы несомненно, что самое безразличное из всех познаний есть именно его познание; еще более безразличное, чем моряку среди опасностей бури — познание химического анализа воды» [10, 243–244].

Как видно, Ницше не хотел уходить за рамки, очерченные практическим разумом Канта, однако его категорически не устраивало, что мир человеческой практики подается многими как бесконфликтный мир, в котором императивы управляют максимами, а нормы и догмы — человеческими страстями. Однако взыскующий к истине Ницше понимает, что эта утвердившаяся иерархия не может быть абсолютной. Разум частного лица, основанный на принципах свободы, должен также уметь управлять установками и императивами. Поэтому в «Человеческом, слишком человеческом» он противопоставляет метафизической философии философию историческую, «которую вообще нельзя уже мыслить отдельно от естествознания и которая есть самый новый из всех философских методов...» [Там же, 239].

Тот же, кто догматически, бездумно относится к распространенной метафизике и морали, показывает свою скованность, ограниченность, неспособность мыслить, слабость. Здесь в рассуждениях Ницше появляется тема *здоровья, здоровой мысли*.

Уже в ранних работах философа наметилось понятийное противостояние: Ницше стал противопоставлять силу жизни, здоровье, мощь, потенцию слабости и умиранию, характерным для тенденции мысли, символом которой Ницше выбрал Сократа. Сама оппозиция «живое, здоровое, сильное, легкое — отмирающее, скывающее, тяжелое» подсказала форму изложения. От метафизических концептов Ницше обратился к мифологемам, образам, чтобы подчеркнуть свой разрыв с современной метафизикой и свою связь с конфликтологией живого и умирающего. «Философские проблемы, — напишет он позднее, — принимают теперь почти во всех областях ту же форму, какую они имели две тысячи лет назад...» [Там же].

Сочетание в культуре мифологических сил Диониса и Аполлона олицетворяло энергетику, великое, большое, но одновременно сосредоточенное в индивидуальном, конкретном. Ницше пишет: «*Диониса*, доподлинного героя сцены и средоточия видения, соответственно этому анализу и сообразно преданию вначале, в наидревнейший период трагедии, в действительности нет налицо, он лишь предполагается как наличный, т. е. первоначально трагедия есть только “хор”, а не “драма”» [9, 87]. Также и современного мыслящего человека, с одной стороны, Ницше призывает освободить свой ум от господствующих над ним императивов, но с другой стороны — вернуться свободным умом к переживанию этих норм. Так, внимая хору в греческой трагедии, зритель может подумать о том, насколько то, что поет хор, затрагивает его лично.

Итак, конфликт философии жизни, впервые выявленный и наглядно показанный Ницше, это не конфликт самостоятельной проактивной личности и сытого большинства, как это было в философии романтизма. И не конфликт мировой и случайной сил, как это было в немецкой классике и у А. Шопенгауэра. Но это и не человеческие конфликты противостояния сильного и слабого, подлинного и испорченного, духовного и материального, здорового и больного, волевого и немощного, что встречалось уже у древнегреческих гностиков и что так часто стараются найти у Ницше поспешные интерпретаторы. При этом необходимо уточнить, что Ницше часто пространно описывает и играет со всеми тремя конфликтами, часто предлагает читателю сбивающий с толку разнообразный образный коллаж, к тому же раскрашивает его большим количеством метафор, парадоксов и пафоса.

Подлинный конфликт тем не менее выражен как конфликт ума незрелого и любопытного («изнеженного темного празднотворца») и *ума свободного*. В более поздних произведениях Ницше этот конфликт предстанет как противостояние человека и сверхчеловека. Однако личность, обладающая свободным умом, еще не сверхчеловек. Можно сказать, что «свободный ум» — это промежуточная стадия между скованным обязательствами, моралью, метафизикой и религией обычным человеком и загадочным, полностью освобожденным сверхчеловеком, образ которого принадлежит будущему.

Вот что сам Ф. Ницше пишет об этом: «Так, однажды, когда мне это было нужно, я *изобрел* для себя и “свободные умы”... таких “свободных умов” нет и не было — но, повторяю, общение с ними мне было нужно тогда, чтобы сохранить хорошее настроение среди худого устройства (болезни, одиночества, чужбины, *acedia* (т. е. уныния. — *Авт.*), бездеятельности); они были мне нужны как бравые товарищи и призраки, с которыми болтаешь и смеешься, когда есть охота болтать и смеяться, и которых посылаешь к черту, когда они становятся скучными, — как возмещение недостающих друзей» [10, 233]. Как раз таким воображаемым свободным умам Ницше и адресует свою знаменитую книгу «Человеческое, слишком человеческое». Это они бросают вызов рутине общества, нарушая мораль и становясь «по ту сторону добра и зла».

Ницше надеется, что таких людей будет значительно больше: «Что такие свободные умы *могли бы* существовать, что наша Европа будет иметь среди своих сыновей завтрашнего и послезавтрашнего дня таких веселых и дерзких ребят во плоти и осознательно, а не, как в моем случае, в качестве схем и отшельнической игры в тени — в этом я менее всего хотел бы сомневаться. Я уже вижу, как они *идут*, медленно-медленно; и, может быть, я содействую ускорению их прихода, описывая наперед, в чем я вижу условия и пути их прихода?» [Там же].

Что же нужно сделать, чтобы освободить свой ум? Ницше дает конкретный совет. Прежде всего, нужно испытать *великий разрыв*, т. е. решительно порвать с нерелексивно взятыми на себя обязательствами. Что характерно, чем более человек связан, тем больше вероятность, что великий разрыв произойдет сам собой. В результате человек на какое-то время перестанет осознавать себя должным своему государству, народу, вере, даже близким. Вот как это происходит: «Великий разрыв приходит для таких связанных людей внезапно, как подземный

толчок: юная душа сразу сотрясается, отрывается, вырывается — она сама не понимает, что с ней происходит. Ее влечет и гонит что-то, точно приказание; в ней просыпается желание и стремление уйти, все равно куда, во что бы то ни стало; горячее опасное любопытство по неоткрытому миру пламенеет и пылает во всех ее чувствах» [10, 234].

При этом Ницше подчеркивает, что великий разрыв сопровождается потерей интереса к тому, что ты любишь и к чему привязан. Он является серьезным испытанием для души, которая должна «созреть», чтобы воспринять его. «Лучше умереть, чем жить *здесь*» — так звучит повелительный голос и соблазн; и это “здесь”, это “дома” есть все, что она любила доселе! Внезапный ужас и подозрение против того, что она любила, молния презрения к тому, что звалось ее “обязанностью”, бунтующий, произвольный, вулканически пробивающийся порыв к странствию, чужбине, отчуждению, охлаждению, отрезвлению, оледенению, ненависть к любви, быть может, святотатственный выпад и взгляд *назад*, туда, где она доселе поклонялась и любила, быть может, пыл стыда перед тем, что она только что делала, и вместе с тем восторженная радость, что *она* это делала, упорное внутреннее радостное содрогание, в котором сказывается победа — победа? над чем? над кем? загадочная, чреватая вопросами и возбуждающая вопросы победа, но все же *первая* победа — такие опасности и боли принадлежат к истории великого разрыва» [Там же].

Далее Ницше подчеркивает, что человеком данный разрыв воспринимается как «болезнь», жестокость, «неудовлетворенность вождлений», «сумасшествие», словом — «возмездие за опасное напряжение его гордости» [Там же]. На этом этапе человек становится нестерпимо одинок, старается порвать со всем светлым в своей жизни и испытывает опасные соблазны: «Со злобным смехом он опрокидывает все, что находит скрытым, защищенным какой-либо стыдливостью; он хочет испытать, каковы все эти вещи, *если* их опрокинуть. <...> В глубине его блужданий и исканий — ибо он бредет беспокойно и бесцельно, как в пустыне, — стоит знак вопроса, ставимый все более опасным любопытством. “Нельзя ли перевернуть все ценности? И, может быть, добро есть зло? А Бог — выдумка и ухищрение дьявола? И, может быть, в последней своей основе все ложно? И если мы обмануты, то не мы ли, в силу того же самого, и обманщики? И не *должны* ли мы быть обманщиками?” — такие мысли отвращают и совращают его все дальше и дальше в сторону. Одиночество окружает и оцепляет его...» [Там же, 234–235].

Оказавшись в полнейшем одиночестве, «болезненной уединенности», «пустыне», человек сильно рискует и, конечно, страдает. Из этого состояния, подчеркивает Ницше, до «зрелой свободы духа», здоровья, исполненного оригинальностью и «авантюра», еще очень далеко. Но вместе с тем человек уже стал свободным. Страдания неожиданно раскрываются новыми гранями, одна из которых — счастье: «Среди этого развития встречается промежуточное состояние, о котором человек, испытавший такую судьбу, позднее не может вспомнить без трогательного чувства: счастье окружает его, подобно бледному, тонкому солнечному свету, он обладает свободой птицы, горизонтом и дерзновением птицы, чем-то третьим, в чем любопытство смешано с нежным презрением» [Там же, 235].

Данная стадия становления свободного ума представляется Ницше очень значимой. С ней у философа связаны такие проявления, как болезненность, преступление, сумасшествие, агрессия, жестокость, резкость по отношению к ближнему. И вместе с тем на этой стадии ум холоден и расчетлив, находится «вне оков любви и ненависти, вне “да” и “нет”» [10, 235], чувствует себя «избалованным», равнодушным к большинству вещей. Это состояние свободного ума «вне себя» Ницше часто красочно описывает в своих афоризмах и шокирует публику.

Ницше вовсе не является проповедником сумасшествия и безумной силы. Описанное состояние свободного ума временно. Свободный ум дает оценку проделанным действиям, радуется. Что происходит дальше? Он снова начинает «приближаться к жизни». Но благодаря своему путешествию он по-новому оценивает свое окружение: «Он чувствует себя так, как будто теперь у него впервые открылись глаза для близкого. В изумлении он останавливается: где же он был доселе? Эти близкие и ближайши́е вещи — какими преобразенными кажутся они ему теперь! Какую пушистость, какой волшебный вид они приобрели с тех пор! Благодарный, он оглядывается назад, — благодарный своим странствиям, своей твердостью и самоотчуждению, своей дальностью и своим птичьим полетам в холодные высоты. Как хорошо, что он не оставался, подобно изнеженному темному праздлюбцу, всегда “дома”, “у себя”! Он был *вне* себя — в этом нет сомнения. Теперь лишь видит он самого себя, — и какие неожиданности он тут встречает! Какие неизведанные содрогания! Какое счастье даже в усталости, в старой болезни и ее возвратных припадках у выздоравливающего! Как приятно ему спокойно страдать, пряхть нить терпения, лежать на солнце! Кто умеет, подобно ему, находить счастье зимой, наслаждаться солнечными пятнами на стене!» [Там же, 236].

Помимо прочего счастье заключается в том, что свободный ум знает теперь цену своим добродетелям, справедливости и несправедливости и умеет распоряжаться ими. Он становится господином морали и знает, во имя чего в мире допускаются та или иная несправедливость, долженствование, иерархия. И конечно, свободный ум понимает, что то, что «случилось со мной... должно случиться теперь со всяким, в ком воплощается и “хочет явиться на свет” *задача*. Тайная сила и необходимость этой задачи будет властвовать над его судьбой и ее частными событиями, подобно неосознанной беременности — задолго до того, как он уяснит самое эту задачу и узнает ее имя» [Там же, 237]. Ницше призывает осознать становление свободного ума, преодоление им иерархии обязательств новой важной проблемой: «Здесь длинная лестница, на ступенях которой мы сами сидели и по которой мы поднимались, — какими мы некогда сами *были*. Здесь есть высота и глубина, есть мир под нами, есть огромный длинный порядок и иерархия, которую мы видим; здесь — *наша* проблема!» [Там же, 238].

Множество освободившихся умов, по мысли Ницше, должны приблизить, подготовить приход сверхчеловека. Однако его учение о свободном уме отозвалось у последующих представителей философии жизни не так, как это предполагал Ницше. Гораздо более привлекательной показалась им вторая, разрушительная стадия преодоления великого разрыва, когда «развязавшийся» ум стремится

к «самоопределению, самоустановлению ценностей» [10, 234]. На этой стадии возникает ситуация конкуренции мировоззрений.

Конфликт как следствие борьбы мировоззрений. В. Дильтей

Ярко выразить роль конфликта в философско-методологическом поиске смогут уже более поздние представители немецкой философии жизни — О. Шпенглер, В. Дильтей, Г. Зиммель. Поскольку главным субъектом общественной жизни стал конкретный исторический субъект, «свободный ум», представитель своей эпохи, то и конфликтность уже не могла остаться только в области чистого (или даже практического) разума. Она вышла в многообразное поле социальной жизни. По-новому было осмыслено и представлено понятие «мировоззрение». В своей знаменитой статье «Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах» Дильтей отмечал: «Основанное на свидетельствах истории сознание беспредельного многообразия... систем находится в полном противоречии с притязанием каждой из них на общезначимость, и это противоречие гораздо сильнее питает дух скептицизма, чем какая бы то ни было систематическая аргументация. Оглянемся ли мы назад или вокруг себя, везде мы видим в хаотическом беспорядке беспредельное многообразие философских систем. И всегда, с самого своего зарождения, они исключали и опровергали друг друга. И проблеска надежды не видно на победу той или другой из них» [4, 213].

Создатель концепции наук о духе, Дильтей предельно диалогически подходит к феномену противостояния мировоззрений. Если полвека назад Фейербах или Маркс старались, в духе немецкой классики, найти философскую истину, по крайней мере приблизиться к ней, то Дильтей констатирует противоречивость философствования с абсолютным спокойствием: «Одна система исключает другую, одна другую опровергает и ни одна не в состоянии доказать свою непогрешимость. В свидетельствах истории философии вы не найдете и следа той мирной беседы, которая изображена у Рафаэля в его “Школе в Афинах”, явившейся выражением эклектической тенденции того времени. Так все резче и резче обозначилось противоречие между все возрастающим историческим сознанием, с одной стороны, и притязаниями философских систем на общезначимость — с другой, все большие и большие круги стали привлекать к себе вновь возникающие философские системы, какова бы ни была публика, которую привлекала к себе та или другая система, и насколько прочно она ни овладевала бы ее симпатиями» [Там же, 214]. Эта ситуация представляется ему абсолютно нормальной, потому что противостояние мировоззрений связано с противоречиями, проявлениями жизни конкретных людей. А закон живого — многообразие.

В отличие от философских абстракций начала XIX в. «жизнь», какой она представляется Дильтею, Бергсону, Зиммелю, Шпенглеру, а через них — Э. Гуссерлю, М. Хайдеггеру, З. Фрейду и многим другим, вовсе не является абстракцией. Живут конкретные люди в конкретных обстоятельствах. С ними происходят различные события, кто-то или что-то помогает им в жизни, кто-то или что-то, напротив, мешает. Помощь и конфликты накапливаются, осмысливаются. В итоге появляется

очень важная инстанция, которую Дильтей называет *жизненным опытом*. Это своего рода мерило, камертон, в котором индивидуальности становятся целым. Жизненный опыт конкретного человека хранит в себе не только воспоминания об ошибках и удачах конкретной персоны, но содержит в себе в сжатом виде опыт всех поколений: «В неразрывно связанной цепи индивидуумов возникает общий жизненный опыт. Регулярное повторение отдельных опытов в смене людей приводит к ряду определенных выражений, которые с течением времени становятся все более и более точными, и определенными. Определенность эта основывается на все возрастающем числе случаев, из которых мы выводим свои заключения, на подведении этих случаев под существующие обобщения и на постоянной проверке. Эти выводы из жизненного опыта действуют на нас даже там, где они не доходят вполне ясно до нашего сознания. Опыт жизни лежит в основе всего того, что мы называем обычаем, традицией» [4, 218].

В то же время Дильтей подчеркивает, что ценности, получаемые из жизненного опыта, не связаны с научными картинами мира: «Но во всех положениях жизненного опыта, как отдельного человека, так и общего значения, характер достоверности их, как характер их формулировки, совершенно отличается от общезначимых научных знаний. Научное мышление может проверить свои рассуждения, на которых зиждется правильность конечного вывода; оно может точно формулировать и обосновать свои положения. Другое дело — наше знание жизни: оно не может быть проверено, и точные формулы здесь невозможны» [Там же].

Мировоззрение, по Дильтею, всегда вызов. Это попытка каждого конкретного индивида разгадать «загадку жизни», объяснить непонятную, но остро переживаемую наличность своего бытия и соотнести свои переживания со всеобщим жизненным опытом. Помимо чужих влияний и собственных размышлений мировоззрение формируется также под воздействием ситуативных или повторяющихся в похожих ситуациях «настроений». В своей структуре любое мировоззрение имеет не только понятия и идеалы и проистекает не только из познавательной деятельности людей, но благодаря целостности психической жизни: «Мировоззрения не являются созданием мышления. Они не являются в результате одной лишь воли познания. Постигание действительности есть важный момент в их образовании, но только один из моментов. Они являются в результате занятой в жизни позиции, жизненного опыта всей структуры нашего психического целого» [Там же, 225].

Поскольку переживающих индивидов много и каждый постоянно проделывает внутреннюю мировоззренческую работу соотнесения своего и чужого опыта, то власть одного мировоззрения, одной системы норм или догм не может быть абсолютной. Конфликтов всегда огромное количество, и когда разрешаются одни, обостряются другие. Это связано прежде всего с имманентными противоречиями самих мировоззрений. Таким образом, конфликтная обусловленность, борьба мировоззрений — явление объективное и неизбежное.

Роль конфликта в концепции развития культуры Г. Зиммеля

Понимание конфликта Георгом Зиммелем стало предметом обсуждения еще в первой половине XX в. Так, известный теоретик Л. Козер в своей работе о социальном конфликте постоянно цитирует Зиммеля, во многом разделяя его идеи. Л. Козер указывает социологам, в частности Т. Парсонсу, на недостаточное понимание роли конфликта в социальной жизни и отсутствие трудов, где бы специально рассматривались функции социального конфликта. Именно этим он аргументирует тот факт, что не рассматривает труды современников. «Эссе Г. Зиммеля о конфликте, основанное на его представлениях об обществе как процессе взаимодействия, представляет собой один из самых плодотворных анализов социального конфликта в целом» [7, 49]. Правда, работа американского социолога Л. Козера раскрывает лишь один из аспектов теории Г. Зиммеля. Он не углубляется в тонкости интерпретации самого понятия «конфликт». Более того, сам Г. Зиммель применительно к социальному конфликту чаще говорит о противоборстве (*Streit — Widerstreit*) и конкуренции, отсылая скорее к ницшеанскому толкованию этого понятия. Конфликтом он скорее называет противоречия, которые возникают в сфере культуры: столкновение идеалов и ценностей.

На протяжении своей жизни Зиммель в самых разнообразных аспектах обращался к теме конфликта, что определялось его приверженностью в разные годы то социологии Спенсера, то философии жизни. Обширное наследие мыслителя, которое включает труды по социологии, философии культуры, свидетельствует о том, что он видел противоречие, конкуренцию, противоборство условием развития как человека, так и культуры.

Противоречие как условие развития понимается Зиммелем в духе Гегеля, как единство и борьба противоположностей. Но, в отличие от этого мыслителя, диалектика не представляется Зиммелю чисто логической схемой. Под влиянием ницшеанского толкования жизни как стихии и основания всех процессов Зиммель считает необходимым представлять историю как процесс преодоления потоком жизни формирующихся под ее влиянием неких культурных форм. Энергия жизни нарастает, а исторические формы ее воплощения не поспевают за всей многомерностью и разнообразием жизненного потока, что, естественно, приводит к внутреннему напряжению, составляющему условие развития истории и культуры.

В ходе исторического развития изменения носят стадийный характер и соответственно переживают все этапы становления и проявления противоположностей. Первоначально формирующиеся культурные формы соответствуют содержанию, т. е. жизни, но становление формы приводит к ее «застыванию», а постоянно обновляющееся жизненное содержание вступает в противоречие со сложившимися формами, и это становится фактором движения исторического процесса. При этом культурные формы не могут быть чем-то внежизненным и внешним по отношению к жизни, они есть порождение того же жизненного потока. В соответствии же с гегелевской логикой «содержание не бесформенно, а форма в одно и то же время и содержится в самом содержании, и представляет собой нечто внешнее ему» [2, 298].

Так понимая историю, Зиммель вместе с тем в некоторой степени испытывал влияние марксистской теории. В числе факторов жизни он видит способ производства материальных благ, который, так же как и культурные формы, формируется в соответствии с жизнью, но в большей мере воплощает ее. Однако можно отметить, что влияние Маркса на Зиммеля остается достаточно ограниченным.

Ведущей культурной формой Зиммель считает религию, которая возникает как воплощение определенного состояния жизни. Поэтому развитие культуры вне религии невозможно, а доминирование какой-либо религии в определенном регионе и в определенный период отражает жизненные устремления.

Зиммель понимает жизнь как стихийный процесс, который проявляет свою иррациональную силу во всем многообразии деятельности отдельных индивидуумов. Борьба и двойственность проявляются на всех уровнях индивидуальной жизни, постоянно воспроизводят себя в сфере самопознания и самоопределения: «...мы как бы распространяем в выше вскрытый расщеп наше собственное бытие и созерцаем самих себя как существа, расколотые на природу и дух; как существа, душа которых отличает свое бытие от своей судьбы, в видимости которых уплотненная и вниз тяготеющая субстанция постоянно борется с текущим, играющим и вверх поднимающимся движением» [5, 163].

Воля отдельного человека, противоборство и конфликты в повседневных отношениях — это проявление жизни, поэтому нельзя рассматривать историю и культуру вне факторов личностного развития. Таким фактором является религиозное чувство, которое присуще каждому человеку и реализация которого воплощает своевременность религиозной культуры. В том случае когда религия не соответствует потребностям людей, культура входит в фазу религиозных исканий. Наступает время критического отношения к господствующей религии и культурным формам, с ней связанными.

Анализируя культуру начала XX в., Зиммель указывает на ситуацию религиозного кризиса и смену культурных форм. Признаком этого он считает и манифестацию новой мистики, и появление новых сект, и внеконфессиональное удовлетворение потребности в реализации религиозного чувства. Налицо, как полагает мыслитель, конфликт ценностей, который можно видеть во всех сферах культуры, где вновь и вновь актуализируется вопрос о сущности религии и церкви в жизни человека. Происходящие политические и экономические изменения не могут быть вписаны в имеющуюся картину мира, в сложившуюся систему ценностей, т. е. не соответствуют религиозной культуре. Поэтому отдельный человек переживает некий индивидуальный религиозный кризис и пускается в поиски Бога, не принимая помощь посредников в лице церкви.

Особенностью современного ему общества Зиммель считает конкуренцию и погоню за прибылью, чему не соответствует христианская религия с ее призывом к согласию и единению в лоне церкви всех верующих. Человек находится в ситуации культурного конфликта духовных ценностей, когда альтруизм и солидарность противоречат индивидуализму капиталистического предпринимательства. К тому же научная картина мира, которая меняется и дополняется очень динамично и продуктивно, привносит значительный скептицизм в пантеон

формирующихся ценностей индивида. От этого популярными становятся многочисленные секты, предлагающие в условиях такого культурного кризиса новые мистические практики, в которых человек надеется разрешить свои сомнения и обрести твердые убеждения.

Новой формой культурного единства, характерной для формирующейся культуры, Зиммель считает деньги. Мыслитель пишет о том универсальном смысле денег, который они имеют для человека, подчеркивая, что именно деньги формируют столь важный для человека трансцендентальный смысл единства людей, предметов и процессов. По сути, именно деньги наделяются мистическим значением и занимают место Бога. В отличие от христианской религии деньги всегда в контексте культуры, всегда «на слуху», всегда в центре социальных событий, значение которых оценивается в денежном эквиваленте. Христианские ценности уходят на периферию, уступая место новой культурной форме.

Такое понимание роли денег в культуре не означает критики. Зиммель подчеркивает, что новая роль денег в жизни человека дает ему небывалую прежде свободу. И эта свобода в первую очередь касается тех старых сдерживающих форм культуры, которые ранее, казалось бы, конституировали жизнь: это традиции, моральные нормы, идеалы, обязанности и родственные связи. Индивидуальность человека может развиваться вне и даже против этой системы как никогда свободно. Деньги оказываются универсальным средством связи всего со всем, так как в денежном эквиваленте могут быть оценены и произведения искусства, и труд, и свобода, и жизнь. И поэтому универсальным основанием конфликта в данный период развития культуры также оказываются деньги. Столкновение финансовых интересов может оказаться фатальным для человека, который при недостатке ресурсов будет пытаться апеллировать к ценностям прошлого культурного периода, например к христианским религиозным идеалам. Аргумент денег будет воспринят как более убедительный и надежный.

Такая утрата прежних идеалов воспринимается как кризис духовности и переживается индивидом как эмоциональная пустота. То, что представлялось результатом жизненного багажа — статус, друзья, идеалы, принципы, — теперь не востребовано. Деньги, оказавшись простым эквивалентом жизненного успеха, требуют от человека как раз принести в жертву все прежние ценности. Получив богатство и свободу, человек не может обрести ту же духовную полноту, которую формировала прежде религиозная культура прошлого

Жизнь как стихийный процесс проявляется не только в противоречивом историческом и культурном развитии, но и в постоянных конфликтах между людьми. Так, к примеру, самыми стабильными конфликтующими группами являются мужчины и женщины, этот конфликт воспроизводится на всех уровнях. В разные исторические периоды конфликт полов приобретает разные формы, порождает новые правила реализации этой вражды.

Противоречия и противоборство являются фактором личностного развития и являются свидетельством огромного ресурса жизни. Поэтому социальные конфликты имеют положительный смысл, люди не должны их страшиться. «Наше противодействие дает нам чувство того, что в этом отношении мы не полностью

угнетены, позволяет проявиться нашей силе и наделяет живостью социальные отношения, которые без этой коррективы не имели бы никакой цены» [1, 252].

В качестве убедительного аргумента положительной роли конфликта в межличностных отношениях Зиммель приводит противоречивые отношения влюбленных. Мыслитель подчеркивает, что пара иногда даже не понимает, насколько для нее важны ссоры и конфликты. Отношения, как правило, оказываются «сотканными из любви и внимания, или невнимания; из любви и чувственной гармонии натур и одновременного осознания дополнения, а также противоположности друг друга; из любви и властолюбия или потребности подчиняться» [Там же].

Межличностные конфликты, в свою очередь, порождены внутренним противоречивым единством человека, который по своей природе находится в постоянном внутреннем диалоге между Я и Ты. То есть даже наедине с самим собой человек не избавлен от необходимости разрешать противоречие и тем самым формировать новое. В этой борьбе и комплексе противоречий проявляется индивидуальность человека. В некоторых случаях это противоборство эгоизма и любовного восхищения, и поэтому нельзя считать любовь альтруистическим чувством. Точно так же и дружба, и уважение по своей природе есть результат противоречивого единства отношения симпатии и опасений человека.

Мыслитель также указывает, что человек может вступать в конфликты из чувства чистой враждебности, когда нет никаких рациональных объяснений возникновения конфликтов, как невозможно порой объяснить, почему возникает любовь. Именно поэтому нельзя считать конфликты исключительно негативным фактором развития, это лишь одна из сторон противоречивого единства индивидуальности. И поэтому чувство ненависти к врагу может быть для человека так же значимо, как и чувство любви.

В социальной жизни конфликты, как считает Зиммель, являются основным условием формирования и развития социальной структуры; именно конкуренция между разными кастами, кланами, цехами и т. п. содействует их сплочению и самоопределению. И поэтому наличие внешнего врага всегда используется в политике как фактор консолидации вокруг лидера: «...политическая мудрость — заботиться о враге, чтобы сохранить единство элементов социума, чтобы их витальный интерес был осознанным и сохранялся таковым» [1, 315]. В некоторых случаях именно конфликт оказывается важнейшим условием равновесия и стабильности в обществе, он институционализируется и по сути становится частью системы управления.

Зиммель отмечает, что сплоченность группы и актуальность конфликта для нее в значительной мере связаны с количеством ее членов. Чем больше группа, тем более она терпима к противнику, чем меньше — тем враждебнее. В качестве примера он приводит конфликт между католиками и протестантами, подчеркивая, что небольшие протестантские секты в период возникновения этого движения отличались строгим уставом и нетерпимостью к инакомыслию. Философ отмечает также, что противостояние по идейным основаниям является очень стабильным, так как именно общие идеалы стирают различия внутри группы. И поэтому религиозные объединения всегда будут более прочными, чем, к примеру, профсоюзы рабочих.

Таким образом, можно сказать, что в философии жизни конфликт и противоречие, по сути, являются принципом, в соответствии с которым необходимо понимать как развитие культуры, так и становление общества, формирование личности. И нельзя не видеть, что вражда и конфликты — это свидетельство силы жизненной стихии. Поэтому в соответствии с данной установкой нельзя предсказать, где появится эта сила, невозможно также и прекратить конфликты. При всем многообразии институциональных форм конфликтов они остаются проявлением бессознательной и постоянной витальной вражды, которая присуща всем людям и характеризует их историческое развитие.

-
1. *Simmel G.* Soziologie. Leipzig, 1908.
 2. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук : в 3 т. Т. 1 : Наука логики. М., 1975.
 3. *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. СПб., 1993.
 4. *Дильтей В.* Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология, XX век : антол. М., 1995.
 5. *Зиммель Г.* Микеланджело. К метафизике культуры // Лики культуры : альм. Т. 1. М., 1995.
 6. *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994.
 7. *Козер Л.* Функции социального конфликта. М., 2000.
 8. *Ницше Ф.* Злая мудрость // Соч. : в 2 т. Т. 1. М., 1990.
 9. *Ницше Ф.* Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм // Там же.
 10. *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое // Там же.
 11. *Слоттердайн П.* Солнце и смерть: Диалогические исследования. СПб., 2015.
 12. *Фейербах Л.* Сочинения : в 2 т. М., 1995.
 13. *Шопенгауэр А.* Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1 : Мир как воля и представление. М., 1999.

Рукопись поступила в редакцию 1 апреля 2016 г.

УДК 37.013.28:316.482 + 340.111.5 + 316.285

А. М. Давлетшина
Н. Б. Мельник

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются специфика и особенности педагогического конфликта и механизмы его протекания, ставится проблема его перехода в юридический конфликт. Акцентируется внимание на том, что педагогический конфликт может быть правовым, но не являться при этом юридическим конфликтом. Утверждается, что переход педагогического конфликта в юридическую форму является нежелательным, а сдерживающим механизмом этого процесса сегодня является конфликтологический стандарт педагогической деятельности. Делается вывод, что прояснение данных понятий, определение их особенностей, понимание сути конфликтологического стандарта педагогической деятельности должно помочь в функционировании системы образования в сложный период социальных трансформаций.

К л ю ч е в ы е с л о в а: конфликт, педагогический конфликт, правовой конфликт, юридический конфликт, конфликтологический стандарт педагогической деятельности.

Трансформация современного российского общества привела к изменениям во всех сферах общества, и прежде всего в культурных традициях, в правовой и государственной структурах, в экономических стратегиях и тактиках. Но становление новой государственности выявило и ряд проблем. Новые технологии, ценностные установки, механизмы политического и экономического управления сталкиваются с устоявшимися советскими стереотипами поведения и мышления конкретных людей. Успех процессов модернизации оказывается напрямую зависимым от системы образования, патронирующей и направляющей формирование системы ценностей и стереотипов поведения населения.

Модернизация системы современного российского образования связана, с одной стороны, с преодолением советской образовательной парадигмы, отличающейся мощной идеологической составляющей и вертикальной (авторитарной) системой взаимодействия субъектов образования, а с другой — с проникновением гуманистической парадигмы, смягчающей авторитарность советской педагогики гуманистическими подходами. В результате столкновения авторитарной и гуманистической традиций обучения происходит усиление конфликтности образовательного пространства.

Отсюда возникает интерес к педагогической сфере, в частности к педагогическому конфликту, и ее взаимодействию с другими социальными сферами и институтами. Перед современными исследователями стоит задача не только описать сущность педагогического конфликта, механизмы его протекания и разрешения, но также понять, чем становится педагогический конфликт в политической, экономической или правовой сферах. Реальные практики ставят перед конфликтологами множество вопросов, которые требуют теоретического осмысления. Например, каким образом педагогический конфликт становится также правовым,

юридическим? Где находится та грань, которая их разделяет? Для ответа на эти вопросы необходима интеграция разных предметно-профессиональных позиций, развитие междисциплинарного подхода.

При рассмотрении понятия «конфликт» наблюдается большое количество определений, отражающих специфику той науки, в рамках которой конфликт является значимым понятием. В области социальных наук, где на первый план выходит жизнь человека в обществе, конфликт рассматривается как взаимодействие нескольких субъектов, субъекта и общества, субъекта и социального института и т. д. Конфликт определяется как предельно острая ситуация, возникающая в социальных отношениях, где под последними понимаются субъективно переживаемые взаимосвязи между людьми, объективно проявляющиеся в характере и способах взаимных влияний, оказываемых людьми друг на друга в процессе совместной деятельности. В итоге в современной конфликтологии *конфликт* определяется как предельный случай обострения социальных противоречий, выражающийся в столкновении различных социальных общностей (наций, классов, государств, социальных групп или институтов) и связанный с существенным различием интересов, целей или тенденций развития этих социальных общностей [18, 80]. Общеизвестно, что «...конфликт представляет собой актуализированное противоречие, т. е. воплощенные во взаимодействии противоречащие ценности, установки, мотивы... Только через столкновение действий, буквальное или мыслимое, противоречие себя и являет» [20, 33].

Конфликт представляет собой достаточно сложное явление, которое нельзя определить лишь в рамках социальных отношений. В качестве его основания можно рассматривать не только внешнее взаимодействие, но и внутреннее. Здесь конфликт — это столкновение, глубинное противоборство сущностей. В общем виде «...конфликт выступает как биполярное явление — противостояние двух начал, проявляющее себя в активности сторон, направленной на преодоление противоречия, причем стороны конфликта представлены активным субъектом (субъектами)» [6, 17].

Педагогический конфликт включает в себя оба аспекта: с одной стороны, он возникает в рамках социальных отношений (ученик и учитель, ученик и ученик, учитель и учитель, учитель, ученик и родители и т. д.), с другой стороны, он может развиваться внутри одной личности (противостояние «желания» и «долженствования», противоречия между «Я» и «Другое Я»). Важнейший признак педагогического конфликта — его возникновение в поле педагогического взаимодействия, т. е. взаимодействия, направленного на изменение качеств человека. В современной гуманистической педагогике данный вид конфликта можно определить как форму проявления обострившихся субъектно-субъектных противоречий, возникающих в результате профессионально-ролевого и межличностного взаимодействия участников педагогического, учебно-воспитательного процесса.

В современной конфликтологии педагогический конфликт имеет различные толкования, но, на наш взгляд, можно выделить «ядро» или «центр», который определяет сущность педагогического конфликта и отличает его от других примеров конфликтности. Таким ядром является наличие в конфликте

противодействующих сторон (или субъектов), одна из которых является воздействующей на личные качества другой, т. е. выполняющей педагогическую функцию. В педагогическом конфликте это можно описать взаимодействием в системе «Учитель — Ученик». Другие элементы педагогического конфликта могут сопровождать ту или иную сторону и не являются постоянными. Речь идет о таких элементах, как администрация учебного заведения, другие ученики или педагоги, родители, властные институты, СМИ и т. д. В зависимости от ситуации, предмета конфликта и социального контекста меняется и количество элементов. Но пара «Учитель — Ученик», воздействующий и воспринимающий, удерживает структуру педагогического конфликта, не дает ей распасться, определяет его сущность.

Существенным в идентификации конфликта как педагогического является цель взаимодействия его участников. Если один из участников имеет целью влияние на формирование тех или иных качеств личности другого, между ними возникают педагогические взаимодействия. Именно это придает конфликту статус педагогического. Причем речь идет не о стихийном (в мире многочисленных причинно-следственных связей «все влияет на все»), а о целенаправленном, организованном и контролируемом влиянии.

В связи с этим не любой конфликт, возникший в педагогической сфере, является педагогическим. Конфликт между администрацией образовательного учреждения и педагогом по поводу исполнения профессиональных обязанностей (трудовой спор) не является педагогическим, но может им стать, если будет организован и использован для развития профессионализма и гражданской ответственности сторон конфликта. При этом в позиции Учителя может быть как педагог, так и администрация, в зависимости от того, кто в этой паре играет роль Учителя, т. е. организует воздействие, управляет ситуацией и использует конфликт в целях образования. Также конфликт между педагогом и воспитанником на почве личной неприязни не может считаться педагогическим, если педагог не рефлектирует свое поведение и не организует его целенаправленно. В то же время конфликт за пределами образовательного учреждения между взрослым, призывающим ребенка внимательно относиться к окружающим, и ребенком, не уступившим место в транспорте пожилому человеку, вполне попадает в категорию педагогического.

Педагогические конфликты имеют особенности, связанные со спецификой педагогической, учебно-воспитательной деятельности, с различием в статусе взаимодействующих сторон.

Во-первых, участники педагогического конфликта имеют разные социальные статусы, которые можно обозначить в общем виде как статусы Учителя и Ученика. Различие ролей влияет на их поведение в конфликте.

Во-вторых, неизбежно субъективное понимание событий и причин конфликта Учителем и Учеником. Конфликт «глазами Учителя» и «глазами Ученика» видится по-разному. Однако Учитель в соответствии со своим статусом должен предполагать, предвидеть, понимать видение Ученика, тогда как Ученик чаще всего не предполагает позиции Учителя.

В-третьих, за разрешение конфликта ответственность должен нести Учитель (педагог, воспитатель, преподаватель, взрослый). Взяв на себя эту роль, являясь инициатором и организатором педагогического взаимодействия, человек автоматически принимает ответственную позицию в конфликте. Эта роль в ситуации конфликта совпадает с профессиональной ролью, поскольку в должностные обязанности учителя, воспитателя, педагога дополнительного образования входят управление педагогическим процессом, ответственность за последствия своей деятельности перед обществом. Профессиональная позиция педагога, добровольное принятие роли Учителя обязывает человека взять на себя инициативу в разрешении конфликта, конструктивном использовании конфликтной ситуации в педагогических целях.

В-четвертых, в присутствии других участников педагогический конфликт может приобретать учебно-воспитательный смысл и для них. Данную особенность можно охарактеризовать как дополнительную. Здесь успехи и ошибки Учителя при разрешении конфликта имеют индукционное действие, создавая определенную характеристику образовательного пространства — конфликтность, толерантность, лояльность, доброжелательность, непримиримость, взаимопонимание и т. д.

В-пятых, *управляемый педагогический конфликт позитивен*. Традиционно конфликт воспринимается как негативное явление, которое не следует допускать или как можно быстрее найти способ его разрешения. Однако управляемый педагогический конфликт несет в себе позитивный смысл, если направляет деструктивные проявления в творческие. Конфликт является источником развития. Именно в рамках конфликта (внутриличностного, межличностного, межгруппового) возможно становление гармонично развитой личности. Образование связано с преодолением человеком себя несовершенного (внутриличностный конфликт), принятием внешних требований (межличностный и межгрупповой конфликт). Избежать конфликта в педагогическом процессе не невозможно, а также не всегда целесообразно в плане становления индивида.

В рамках педагогического конфликта можно выделить несколько различных типов — внутриличностных, межличностных и межгрупповых. Разработкой теории внутриличностных конфликтов занимались такие исследователи, как З. Фрейд, К. Хорни, Р. Эриксон, Р. Мей и др. По мнению Р. Мей, «предельная целостность человеческой личности не только невозможна, но и нежелательна... Личность динамична, а не статична, ее стихия — творчество, а не прозябание. Наша цель — новое, конструктивное перераспределение напряжений, а не абсолютная гармония. Полное устранение конфликтов приведет к застою; нашей задачей является превращение деструктивных конфликтов в конструктивные» [13, 30].

Внутриличностный конфликт определяется как внутреннее психологическое противостояние, воспринимаемое и эмоционально переживаемое человеком как значимая для него психологическая проблема, вызванная борьбой структур внутреннего мира личности, отражающая противоречивые связи с социальной средой и побуждающая к принятию решений. Понимание конфликта как интрапсихического феномена основано на понимании того, что «...личность является

динамической конфигурацией процессов, находящихся в нескончаемом конфликте» [22, 106]. Противоречия, возникающие между различными сферами личности, и лежат в основе ее развития. Именно поэтому «...все теоретики личности, любой веры и убеждений, полагают, что в личности действуют противоположные тенденции, которые могут вступать в конфликт» [21, 105].

Педагогический эффект внутриличностного конфликта заключается в том, что в нем «...изменяются прежние и формируются новые отношения личности; изменяется самая структура личности... развитие и разрешение конфликта представляет собой острую форму развития личности» [13, 105]. Так, внутренний конфликт ребенка между «хочу» и «должен» имеет явно педагогический характер. В этой ситуации внутренне идеальный ребенок выступает для себя несовершенного в роли педагога.

Не всегда субъект может управлять таким конфликтом в силу своей незрелости, некомпетентности. Управление этим конфликтом извне может позитивно влиять на развитие личности. Внешнее педагогическое воздействие при переживании субъектом внутреннего конфликта может вооружить незрелого человека необходимыми знаниями, умениями, навыками, моделями поведения, компетентностями. Отсутствие этих качеств вызывало дискомфорт, уводило внутренний конфликт в деструктивное русло, развивало неверие в себя и т. п. Например, внутренний конфликт ребенка между его желаниями и возможностями (между «хочу» и «не могу»), конфликт нереализованных желаний может быть разрешен с помощью педагога, расширяющего границы возможностей ребенка, дающего ребенку необходимые знания и умения, позволяющего достичь желаемого. Создавая ситуации успеха в обучении, педагог оснащает ребенка инструментально и развивает в нем уверенность в себе, в своих силах и возможностях.

Чаще всего под педагогическим конфликтом понимают межличностные конфликты в сфере образования между педагогом и ребенком, так как именно этот тип конфликта более наблюдаем в отличие от внутриличностного. *Межличностными конфликтами* называют ситуации противостояния участников, воспринимаемые и переживаемые ими (или одним из них) как значимая психологическая проблема, требующая своего разрешения и вызывающая активность сторон, направленную на преодоление возникшего разногласия или противоречия.

Существуют различные подходы к интерпретации межличностных конфликтов. В соответствии с психоаналитической традицией интерперсональные проблемы понимаются как результат внутренних конфликтов. Межличностное поведение человека интерпретируется через его личностный тип, определяющийся характером разрешения им внутренних конфликтов. Согласно К. Хорни поведению «экспансивного» типа свойственны тенденции к переоценке своих способностей и результатов своей деятельности и недооценке других людей. «Самоуничижающему» типу свойственны противоположные черты — недооценка своих способностей, возможностей и своего труда, склонность к подчиненной роли. «Отказывающийся» тип уходит от активной жизни, стремится к деятельности в одиночестве. Для «поверхностно-живущих» характерно отсутствие стремления к развитию собственных потенций, к достижению каких-либо целей [24, 309–326].

В основе межличностных педагогических конфликтов лежит трудность передачи культурных норм и представлений от одного поколения к другому. Учитель является носителем, демонстратором и контролером исполнения той культурной нормы, того стереотипа мышления, поведения, переживания, продуцирования, воспроизводства, которые удерживают культурную традицию как способ адаптации людей к конкретной окружающей среде. Попытки реализации педагогических задач часто порождают конфликтные ситуации, вызывают порой прямое и жесткое сопротивление со стороны воспринимающего. Чем сильнее педагогический пресс, тем ярче противостояние в системе «Учитель — Ученик». В противостоянии Учителя и Ученика первый должен контролировать и направлять конфликт в конструктивное русло. В противном случае это противостояние может оказаться травмирующим фактором как для одной стороны конфликта, так и для обеих.

Педагогический конфликт может проявляться и на *межгрупповом уровне*, проявляясь как конфликт поколений, конфликт отцов и детей, конфликт не конкретного ученика с конкретным учителем, а Учителя вообще с Учеником вообще, т. е. конфликт Учительства и Ученичества. Как полагал русский философ И. А. Ильин, приходя в этот мир, «человек воспринимает в душу поток чужого воспитывающего волеизъявления» [7, 62]. В процессе развития человечества запасы направленной волевой энергии накапливаются, отрешаются от персонафицированных носителей и воплощаются в «образовательные центры». Через эти центры, или, говоря современным языком, через социальный институт образования и современные педагогические системы, с помощью механизма «перенимания от другого» осуществляется передача базовых структур социальности. «Каждый индивид рождается в объективной социальной структуре, в рамках которой он встречает “значимых других”, ответственных за его социализацию» [23, 93].

Как уже отмечалось, результатом конфликта могут быть как позитивные — развитие личности, так и деструктивные изменения. Например, неуправляемый педагогический конфликт может развить у человека неверие в себя, в справедливость, убежденность в том, что Учитель (взрослый, педагог) всегда прав, а изменить ничего нельзя. Именно поэтому важно корректное управление развитием конфликта и правильным выходом из него.

Одной из стратегий развития педагогического конфликта (особенно в ситуации невозможности управлять конфликтом иными средствами) является переход в юридический конфликт. Для педагогической конфликтологии важным оказывается именно разработка стратегий, которые бы не позволили конфликту развиваться по негативному пути, остановили бы переход педагогического конфликта в юридическую форму.

Какими особенностями обладает юридический конфликт? Может ли быть педагогический конфликт правовым, но не быть юридическим? В. Н. Кудрявцев считает, что конфликт может быть признан юридическим, если хотя бы один из его элементов (мотивация, участники, объекты и т. д.) может быть признан юридическим [11, 260]. Однако, на наш взгляд, это не так, поскольку следует различать понятия «юридический» и «правовой». Последнее является более широким понятием по отношению к первому.

Право представляет собой сложный мир, многогранную реальность с разветвленной конструкцией, где происходит переплетение предметной и духовной сторон права. Особенно хорошо это видно в таком элементе права, как правовая культура, где право включает в себя самые разные явления. В. И. Каминская и А. Р. Ратинова в состав правовой культуры включают, помимо правовых учреждений, правовых норм и правоотношений, также и правосознание [17]. Н. М. Кейзеров к этому перечню добавляет еще правовое поведение, правотворческую деятельность и правовую науку [Там же].

В профессиональной юридической литературе можно встретить следующее определение: «...право определяется как система норм или правил поведения, исходящих от государства (установленных или санкционированных государством), выражающих волю и интересы государства и гарантируемых им от несоблюдения или нарушений со стороны юридических или физических лиц» [12, 5]. Это понимание права является позитивистским. В рамках философии права категория права не должна включать в себя определения, но должна отражать сущность правового. Ж.-Л. Бержель указывает, что «право как таковое является одновременно продуктом событий социального порядка и проявлений воли человека, явлением материальным и совокупностью моральных и общественных ценностей, идеалом и реальностью, явлением исторического плана и нормативного порядка, комплексом внутренних волевых актов и актов подчинения внешнему, актов свободы и актов принуждения... Что касается различных проявлений права, они носят частичный характер и выражают в большей или меньшей степени то, что зависит от конкретной юридической системы: либо социальное устройство, либо моральные ценности, индивидуализм или коллективизм, власть или свободу» [5, 36].

В таком ракурсе рассмотрения «юридическое» выступает сужением «правового». Правовые эмоции, субъективное понимание справедливого и несправедливого, аксиологические вопросы оказываются за границей интересов конкретной юридической практики. Особенно ярко это проявилось в юридическом позитивизме, на что обращает внимание Ю. В. Тихонравов, говоря о том, что в нем в качестве объекта рассмотрения выступали феномены позитивного права, а любые сверхпозитивные (идеальные) явления не признавались в качестве правовых. «С позиций позитивизма отбрасывалась и сама концепция естественного права, расцениваемая скорее в виде “утопии”, идеальной модели, чем в виде реально осуществимой и апробированной на практике теории» [19, 350]. В этом направлении право рассматривалось как самодовлеющая форма в отрыве от содержания.

Таким образом, педагогический конфликт может быть включен в правовую сферу, но не быть юридическим конфликтом. Сегодня практически любой индивид является субъектом права, носителем правосознания, участником правовых отношений, т. е. человек является частью правовой реальности. По мнению И. А. Ильина, индивид в принципе не может не быть частью права: «человеку невозможно не иметь правосознания; его имеет каждый, кто сознает, что кроме него на свете есть другие люди. Человек имеет правосознание независимо от того, знает он об этом или не знает, дорожит этим достоянием или относится к нему с пренебрежением» [8, 185]. Или в другом месте: «Человек не может обходиться

без правосознания, ибо всякая случайная встреча с другим человеком, всякий разговор, всякое соседство, не говоря уже о сделках и об участии в любой общественной организации, ставит немедленно вопрос о праве и не праве, о моем праве и твоём праве, о взаимных обязанностях, о законах и т. д. ... Правосознание есть как бы легкое, которым каждый из нас вдыхает и выдыхает атмосферу взаимного общения» [9].

Рассмотрим ситуацию соотношения «педагогического» и «правового» на конкретном примере. Во многих образовательных учреждениях можно наблюдать следующий конфликт между преподавателем и студентом по итогам аттестационного мероприятия. Во время экзамена преподаватель на основе ответа студента ставит ему оценку, которая, по мнению последнего, не является адекватным отражением его знаний, так как он сам оценивает свой уровень знаний по данному предмету иначе. Студент согласен ответить на дополнительные вопросы преподавателя, но преподаватель считает, что в этом нет необходимости и знания студента уже оценены адекватно. Студент решает, что в данной ситуации он имеет право обратиться с жалобой на преподавателя в деканат и просить пересмотра оценки.

В данной ситуации обе стороны действуют не только в образовательном поле, но и в правовом, поскольку действия каждого имеют отражение в правовых нормах, которые регламентируют социальные отношения. Подготовившийся к отстаиванию своих позиций студент может опираться на статью 3 «Основные принципы государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования» Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», ссылаясь на «недопустимость дискриминации в сфере образования» [1], а также на статьи 34 «Основные права обучающихся и меры их социальной поддержки и стимулирования» и 43 «Обязанности и ответственность обучающихся», говоря, что добросовестно осваивал образовательную программу и выполнял все задания, данные педагогическим работником в рамках образовательной программы.

Точно так же преподаватель, опираясь на Федеральный закон об образовании и, в частности, на статью 48 «Обязанности и ответственность педагогических работников», может утверждать, что предоставлял в полном объеме учебный курс студентам. На данном уровне правильнее такой конфликт будет квалифицировать не только как педагогический, но и как правовой, так как в нем уже раскрываются элементы правовой реальности.

Можно выделить два механизма разрешения рассматриваемого педагогического конфликта: разрешение конфликта самими участниками отношений или с помощью третьей стороны. Одним из наиболее интересных и перспективных способов разрешения разного рода конфликтов является медиация. В качестве способа решения правовых вопросов усилия медиации направлены на выявление интересов, осознаваемых правовым субъектом как правовые притязания.

В нашем случае, если студент или преподаватель для разрешения конфликта обратятся к нормативным актам, а не удовлетворятся беседой между собой, педагогический конфликт станет не только правовым, но и юридическим. Так, они могут обратиться в различные юридические инстанции, которые занимаются

регулированием подобных вопросов: в комиссию по урегулированию споров между участниками образовательных отношений (статья 47 ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016) «Об образовании в Российской Федерации»), в суд и т. д. Н. М. Коркунов писал, что именно в этом поле происходит переход из фактических (разнообразных отношений человеческой жизни) в юридические отношения: «эти (фактические) отношения имеют чисто фактический характер, представляя собой фактическую зависимость и основанную на ней фактическую же возможность воздействовать друг на друга. Но насколько люди в своей деятельности руководствуются юридическими нормами, это приводит к превращению фактических отношений в юридические, фактической зависимости — в юридическую обязанность, фактической возможности воздействия — в право, правомочие» [10, 178]. Конечно, в независимости от выбора решения — обращения в деканат, в суд и т. д. — конфликт может рассматриваться в том числе и как правовой, но юридическим он становится в качестве некоторого фактического отношения между субъектами, осознаваемого ими как юридическое.

В качестве юридического конфликта может быть классифицирован межличностный и межгрупповой конфликт. Внутриличностный конфликт не может стать юридическим, хотя правовые переживания, чувства и эмоции могут определяться как субъективная сторона юридического конфликта. Это связано с тем, что для юридического разрешения конфликта важным является фиксируемость, объективность рассматриваемых фактов. Внутренние переживания личности редко рассматриваются при разрешении юридических конфликтов в качестве основного элемента данной ситуации. При этом юридический конфликт часто сопровождается различными психологическими проявлениями чувств, которые могут значительно повлиять на правовое разрешение конфликта. «Данное до-юридическое, или внеюридическое, противоречие жизненных интересов, имеющих для сторон конфликта в конечном счете юридическое значение, однако напрямую не поддающееся юридическому артикулированию, для достижения действительной эффективности правоприменительного решения также требует своего разрешения в процессе применения права» [15, 211].

Сегодня исследователи, занимающиеся юридическими конфликтами, отмечают, что необходимо целостное, комплексное предупреждение и разрешение конфликтов — с помощью правовых и неправовых способов воздействия. Важно не только развитие правоприменительной практики разрешения конфликтов, но также их предупреждение на доюридическом уровне. Эта тенденция проявляется в разработке конфликтологической нормы деятельности (или «конфликтологического стандарта»), которая волнует не только педагогов, но и юристов. Таким образом, на пути перехода педагогического конфликта в юридический сегодня стоит «конфликтологический стандарт», который является определенным разрешением конфликтной ситуации.

Понятие «*конфликтологический стандарт*» используется в педагогической конфликтологии для определения стиля и нормы поведения педагога в сложных ситуациях. Под «конфликтологическим стандартом» понимается свод принципов, на которые должен ориентироваться педагог, организуя свое поведение

в конкретной конфликтной ситуации. Данный стандарт должен предусматривать некоторые ограничения и определять неприемлемые формы общения в конфликтных ситуациях с целью обеспечения сохранности чести и достоинства каждой личности, а также давать возможность проявлять педагогу гибкость. Появление подобных стандартов демонстрирует, что от педагогов сегодня требуются знания об организации, управлении и стратегиях завершения педагогического конфликта, а также понимание основных ограничительных, лимитирующих принципов профессиональной деятельности (например, исключение насилия), а также разрешительных и направляющих принципов (толерантность, эмпатия, рефлексия, фасилитация).

В частности, в различных кодексах и положениях о профессиональной деятельности педагога мы можем наблюдать проявление конфликтологического стандарта в форме разрешительных и запретительных норм. Например, в одном из этических кодексов прописывается следующая разрешительная норма: «В процессе обучения и воспитания преподаватель не вправе использовать средства воздействия на личность, которые противоречили бы общепринятым морально-нравственным нормам и нарушали бы интересы личности» [2, 4]. В подобных текстах можно встретить и запретительные нормы: «Преподавателю не следует обсуждать с обучающимися профессиональные и личные качества, действия и поступки своих коллег и других обучающихся» [Там же, 5]. В другом кодексе есть непосредственное указание на предотвращение конфликта, но не в интересах ребенка, а для сохранения репутации образовательного учреждения: «Работники, сознавая ответственность перед гражданами, обществом и государством, призваны... воздерживаться от поведения, которое могло бы вызвать сомнения в добросовестном исполнении работником должностных обязанностей, а также избегать конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб репутации или авторитету школы» [3]. В подобных документах можно обнаружить и рекомендательные предложения по разрешению конфликтов. Например, в положении о нормах профессиональной деятельности конкретного образовательного учреждения записано: «...в случае конфликтного поведения со стороны законного представителя обучающегося (воспитанника) необходимо принять меры для того, чтобы снять эмоциональное напряжение, а затем спокойно разъяснить ему порядок решения вопроса» [4].

«Конфликтологический стандарт» в прямом или косвенном виде присутствует во многих правовых документах, носящих как рекомендательный, так и обязательный характер. Например, в статье 48 «Обязанности и ответственность педагогических работников» Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016) «Об образовании в Российской Федерации» присутствует прямое указание на обязанность педагогических работников соблюдать правовые, нравственные и этические нормы, следовать требованиям профессиональной этики, а также не использовать образовательную деятельность для разжигания социальной и любой другой розни [1]. При этом, как отмечает К. Б. Сафонов, «решающее значение для повышения этичности профессионального сообщества, его морального оздоровления имеет создание и успешное функционирование

этической инфраструктуры профессии, основным признаком которой является всесторонне взвешенная этическая программа, созданная с учетом особенностей профессиональной культуры» [16, 56].

Сегодня разрабатываются профессиональные стандарты педагогов на разных уровнях. Большинство из них включают элементы конфликтологического стандарта педагогической деятельности. Так, проект «Профессионального стандарта педагога», обсуждаемый на официальном сайте Министерства образования и науки РФ, содержит в себе этические и профессиональные рекомендации для педагогов, которые должны быть отражены в нормативных документах — начиная с федерального и заканчивая локальным уровнем [14]. Происходит принятие локальных профессиональных стандартов педагогов в форме кодексов профессиональной этики или этических кодексов преподавателей в ряде образовательных учреждений [2–4]. К сожалению, нельзя говорить о том, что конфликтологическая норма нашла повсеместное применение в правовой и профессиональной сфере. Сложность создания профессионального этического кодекса, включающего конфликтологическую норму, состоит в том, что такой документ должен быть предельно конкретным, исключая разночтения, применимым к реальной педагогической практике.

Педагогический конфликт, несмотря на традицию негативного к нему отношения, может выполнять свои позитивные функции при правильном управлении конфликтом и его регулировании со стороны воздействующего. Ориентиром, позволяющим удержать педагогический конфликт в конструктивном русле, который не позволяет ему перейти в форму юридического конфликта, сегодня является конфликтологическая норма педагогической деятельности. Хотя для решения трудовых споров, политических конфликтов юридические механизмы являются полезными, для педагогических конфликтов применение подобных инструментов может оказаться губительным именно в этическом и педагогическом аспектах. В связи с этим прояснение и конкретизация понятий «педагогический конфликт» и «юридический конфликт», определение сути конфликтологического стандарта педагогической деятельности должны помочь в функционировании системы образования в сложный период социальных трансформаций.

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 02.03.2016) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_140174 (дата обращения: 14.03.2016).

2. Этический кодекс преподавателей, работников и обучающихся федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» от 30 августа 2014 года [Электронный ресурс]. URL: http://msal.ru/common/upload/Eticheskij_kodeks.pdf (дата обращения: 14.03.2016).

3. Кодекс профессиональной этики педагогических работников Муниципального общеобразовательного учреждения «Шубинская основная общеобразовательная школа» Егорьевского района Алтайского края от 01.09.2014 г., приказ № 42/30 [Электронный ресурс]. URL: http://shub.ucoz.ru/load/informacija_o_shkole/normativnye_dokumenty/kodeks_professionalnoj_etiky_pedagoga/6-1-0-350 (дата обращения: 14.03.2016).

4. Положение о нормах профессиональной этики педагогических работников муниципального бюджетного дошкольного образовательного учреждения детского сада № 116 «Солнечный» городского округа Тольятти от 25.09.2014 г. № 66 [Электронный ресурс]. URL: <http://mou116тольятти.росшкола.рф/data/documents/etika.pdf> (дата обращения: 14.03.2016).
5. *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права / под общ. ред. В. И. Даниленко ; пер. с фр. М., 2000.
6. *Гришина Н. В.* Психология конфликта. СПб., 2006.
7. *Ильин И. А.* О сопротивлении злу силою // Собр. соч. : в 10 т. Т. 5. М., 1996.
8. *Ильин И. А.* Сущности правосознания // Общее учение о праве и государстве. М., 2006.
9. *Ильин И. А.* Путь к очевидности [Электронный ресурс]. URL: http://ruskolokol.narod.ru/biblio/iljin/put_k_очевидности.html (дата обращения: 20.04.2011).
10. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. СПб., 2004.
11. *Кудрявцев В. Н.* Юридическая конфликтология // Избранные труды по социальным наукам : в 3 т. Т. 2 : Криминология, социология, конфликтология. М., 2002.
12. *Марченко М. Н., Дерябина Е. М.* Основы права. М., 2009.
13. *Мэй Р.* Искусство психологического консультирования. М., 1994.
14. Общественное обсуждение проекта концепции и содержания профессионального стандарта учителя [Электронный ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/3071> (дата обращения: 14.03.2016).
15. *Павлов В. И.* От классического к неклассическому юридическому дискурсу: Очерки общей теории и философии права. Минск, 2011.
16. *Сафонов К. Б.* Этические кодексы: проблемы создания и применения // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. 2013. № 1(13). С. 54–57.
17. *Синюкова Т. В.* Правовая культура: понятие, структура, соотношение национального и общечеловеческого // Правовая культура. 2009. № 2. С. 6–17.
18. Социологический словарь / сост. А. Н. Елсуков, К. В. Шульга. Минск, 1991.
19. *Тихонравов Ю. В.* Основы философии права : учеб. пособие. М., 1997.
20. *Хасан Б. И.* Психотехника конфликта и конфликтная компетентность. Красноярск, 1996.
21. *Холл К. С., Лидсей Г.* Теории личности. М., 1997.
22. *Хьелл Л. А., Зиглер Д. Дж.* Теории личности. СПб., 1997.
23. *Штифанова Е. В.* Методология ситуационного подхода и проблема толерантности // Толерантность и полисубъектная социальность : материалы конф. Екатеринбург, 2001.
24. *Horney K.* Neurosis and Human Growth. N. Y., 1950. P. 309–326.

Рукопись поступила в редакцию 1 апреля 2016 г.

УДК 316.24 + 130.3 + 321.7:159.96 + 316.286

Е. А. Батюта

МЕДИАРЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА СКВОЗЬ ПРИЗМУ «ИЛЛЮЗОРНОЙ ДЕМОКРАТИИ»

В статье рассматриваются особенности современных репрезентаций конфликтов в медиасреде. Автор показывает, что во многом эти представления являются продуктом культурной и социальной иллюзии демократии, выясняет способы и приемы интерпретации конфликтов в медиа, а также определяет особенности репрезентаций конфликтов в новых медиа — социальных сетях.

К л ю ч е в ы е с л о в а: медиареальность, конфликт, репрезентация конфликта, медиаре-презентация, социальная иллюзия, сетевая демократия.

Развитие медиареальности способно превратить несуществующие истины в факты виртуального мира, принимающиеся многими за актуальную действительность, сделать их феноменом культуры, в том числе перевести в область, называемую политикой. Иллюзорность современного бытия человека в среде медиа становится необходимостью, позволяя дотраивать «текущую современность» до относительно стабильного конструкта. Обратной стороной этого процесса, однако, выступает развитие технологий манипуляции, на которую, впрочем, большинство людей согласны в обмен на обманчивое успокоение. Имитация демократии, свободного обсуждения в сфере медиарепрезентации социальных конфликтов, занимающая огромное место в общественном сознании, становится распространенной культурной и политической иллюзией современного человека в повседневности. Эта «иллюзорная демократия» удовлетворяет стремление обывателя к «экономии мышления» и скрывает потребительское отношение к миру сегмента общества, который правящие элиты называют «населением», а специалисты по манипуляции — «аудиториями». Само словосочетание «иллюзорная демократия» довольно активно используется в публицистике и политологической литературе, но не получило научного статуса. Чаще всего оно встречается в контекстах политической психологии [16], политических технологий [3, 12, 18, 19], правовой культуры общества [9] и подразумевает либо различные формы имитации демократических процедур (например, выборов), либо проявления замены активной осмысленной политической жизни сетевой активностью, часто неупорядоченной.

Конфликтологический дискурс в СМИ в наши дни — инструмент для распределения власти и соответственно социального капитала. Широко растиражированные данные социологов говорят, что адекватное знание реальности повседневной жизни имеют 30–60 % массовой аудитории. Адекватность в сфере политики и идеологии составляет 12–15 % [10, 15, 17]. При этом большинство абсолютно уверено, что понимает политику и имеет собственное мнение. Иллюзия демократического обсуждения конфликтных ситуаций в обществе вызывает ряд иллюзий иного порядка и формирует таким образом среду для применения

манипулятивных технологий. Как утверждает Ж. Бодрийяр, то, что обыватель считает своей реальностью, на самом деле есть пустое пространство, населенное медийными репрезентациями действующих лиц, а настоящая жизнь исчезла и всего лишь представляется в виртуальности в виде показных псевдособытий. Активное развитие конфликтного дискурса в этих условиях выступает заменителем активности, способом противостоять пустоте жизни. Так что обостренное противоборство «диванных войск» в Интернете — оборотная сторона потребительского бездействия.

Ж. Бодрийяр иллюстрирует это утверждение, сравнивая кинематографию боевиков и показы конфликтов в медиа: «Есть только два значительных события, которые раз за разом светом своим “обольщают” массы в современную эпоху: белые вспышки кинозвезд и черные сполохи терроризма. У этих двух явлений много общего. Подобно звездам, мерцающим на небе, и кинозвезды, и теракты “мигают”... не испускают непрерывный белый поток света, но мерцают холодным пульсирующим свечением, они распалывают и в тот же миг разочаровывают, они завораживают внезапностью своего появления и неминуемостью угасания. Они сами себя затмевают, захваченные игрой, в которой ставки взвинчиваются бесконечно» [4, 171–173].

Нужно отметить, что российская традиция формирования иллюзии демократии имеет определенное своеобразие и давнюю историю. Как утверждают А. Лазарчук и П. Лелик, в информационном обществе в качестве источника формирования социальных иллюзий следует рассматривать не средства массовой информации, а в первую очередь государственный аппарат, способы его воздействия на граждан. Анализируя бюрократию как аппарат принятия решений на основе соотнесения внешней информации и провозглашенных государством целей, авторы разделяют два пути его формирования — естественный и искусственный [13]. Первый из названных путей предполагает, что государственный аппарат формируется исторически, т. е. достаточно долго и постепенно, проходя в своем развитии этапы и эпохи. Искусственный путь — создание бюрократического аппарата «пользователем» оперативно, для решения конкретных задач. В Советском Союзе и в современной России, по мнению этих авторов, государственный аппарат создавался искусственно, и проще всего описать его, используя метафору «гомункулуса» или «Голема».

Российский Голем был сконструирован в 30-е гг. прошлого века на основе идеальных условий для его создания — централизованного управления, монополии на информацию, избытка оперативных задач, необходимых для укрепления и выживания молодого государства, и др. Первоначально идея Голема соответствовала насущным потребностям страны, и это способствовало укоренению искусственного управления в СССР. Но впоследствии внешняя информация стала намеренно подвергаться искажению из благих побуждений. Когда руководящие идеи искусственного бюрократического аппарата Голема расходятся с фактами, они превращаются в иллюзии. Поскольку информационная среда достаточно сложна для восприятия и осмысления «массами», большинство населения не может разобраться в происходящем и с готовностью принимает интерпретации,

предложенные Големом, закономерно погружаясь в мир социальных иллюзий. Эта динамика событий усиливает воздействие идеологии, веры, что ведет к снижению интеллекта сообществ.

Такая же тенденция прослеживается сегодня при обсуждении конфликтов в среде политических выборов, конфессий, образов жизни, которые, по сути, представляют собой просто площадку для спектакля демократических дебатов. Активные полурелигиозные движения типа «New Age», многочисленные психологические тренинговые сообщества, провозглашая освобождение на основе тезиса о том, что каждый человек — Бог в своей вселенной и творец всего существующего вокруг себя, служат характерным примером такого же «театрализованного» функционирования иллюзий. Дальнейшая эволюция российского Голема видится А. Лазарчуку и П. Лелику следующим образом: подчинив интеллект, иллюзия приобретает в общественном сознании свойства бесконечности. На этой стадии можно наблюдать преобладание мифологического творчества аппарата над производством идей. Очевидные факты подчас подаются Големом почти абсурдно, при этом с сильным мистическим подтекстом. Авторы характеризуют Голема как интеллект мрачный, аморальный и не исключают его враждебности человеку [13]. Наверное, параллели между государственным аппаратом и мистическим средневековым прототипом в какой-то мере оправданны, поскольку легко видеть в современной идеологии все те же действия Голема, только «демократического». К этим взглядам легко присоединить мнение известного исследователя социальных систем А. Зиновьева о том, что с позиции анализа реального функционирования общества все равно, сложилась та или иная система естественно или была создана искусственно. Подлинная природа социальности включает самые разнообразные варианты и оценки естественного и искусственного [11].

Иллюзия в медиарепрезентации конфликта, как любая другая, имеет иллюзорно-имитационную природу. Ключевое понятие «репрезентация» предполагает, что медиатексты специфически коррелируют с действительностью, т. е. не являются ее прямым отражением, а создают иные, виртуальные, версии происходящего. Субъектами медиареальности выступают агентство медиа — производитель информации, аудитория медиа — конечный потребитель информации, а также посредники между агентством и аудиторией: язык медиа, категория медиа и технология медиа. Создавая информацию («контент»), агентство отбирает материал в соответствии с категорией и организует его по определенной технологии. Принятые решения задают язык медиатекста, обеспечивая понимание со стороны аудитории. Репрезентация информации, таким образом, обретает особые идеологические, культурные или философские смыслы. Можно сказать, что репрезентация всегда содержит гипертрофирование одной из сторон отражаемой реальности в угоду субъектам, имитируя действительность с важной для производителя информацией и удобной, понятной для потребителя позицией в подходящем формате и на специальном языке. В результате полученная картина медиареальности обладает набором антиномичных характеристик, отмеченных А. П. Чудиновым в книге «Политическая лингвистика»: в ней сочетаются ритуальность и информативность, институциональность и личностный

характер, эзотеричность и общедоступность, редукционизм и многоаспектность информации, авторство и анонимность, интертекстуальность и автономность, агрессивность и толерантность [1].

Драматические изменения и изобилие конфликтов, которые наблюдаются в политической жизни мира, нашей страны и ее регионов, демонстрируются в медиа во множестве репрезентаций. Понимание демократии, достаточно неопределенное до сих пор, — одна из наиболее активных сфер разворачивания социально-политического конфликта в СМИ. Кипят споры «патриотов» и «белоленточников», где каждый обосновывает наличие/отсутствие демократии в свете последних событий. Виртуальные сообщества пытаются убедить аудитории, что понимание демократии в опыте Европы и США не отвечает реальностям нашей страны и интуитивному истолкованию этого понятия русскими вообще. П. Бурдье анализировал подобные явления, называя их «политическим фетишизмом» [7]. В своей речи перед Ассоциацией студентов-протестантов в Париже в 1983 г. П. Бурдье называл делегирование причиной политического отчуждения. Чем более люди обделены информацией и культурой, тем более они позволяют выступать от своего имени неким «представителям» — политикам, часто считая это возможностью высказать свое мнение. Получив такой статус, их доверенные лица приступают к самоосвящению, выступая с позиций оракула, чтобы продемонстрировать и подтвердить свою необходимость. Происходит, по выражению Бурдье, монополизация коллективной истины через использование общих понятий типа понятия «народ», а личности, выступающие со своим единичным мнением, преследуются [Там же]. Все это напоминает первобытный шаманизм в новых условиях и претендует на разработку новых моделей мышления, образцов поведения, правил игры. Вся репрезентация социально-политического конфликта строится на этой замысловатой игре единичного и общего, индивидуального и коллективного, тождества и различия.

Сегодня политический фетишизм при медийной интерпретации конфликта включает такой феномен, как фантомы общественного сознания. Фантомы, призраки существовали во всех культурах. Ж. Т. Тощенко выделил несколько оттенков смысла при употреблении понятия «фантом» в общественно-политической практике. Во-первых, говорят о существовании фантомных государств и территорий (обратите внимание на фразеологию по отношению к соседней Украине, давно уже призраку в медиарепрезентации), когда они не соответствуют привычным или «необходимым» представлениям о государстве. Во-вторых, фантомами объявлены многие движения «кухонного», «диванного» характера. В-третьих, фантомами можно назвать однофамильцев, активно отвлекающих электорат в ходе предвыборных кампаний. Фантомы всегда сопровождают нестабильность в экономике и политике и провоцируют появление парадоксального человека. Это личность, которая содержит в себе общественные парадоксы и в результате доверяет сразу всему и верит во все [20]. Так, например, социальный психолог Д. В. Ольшанский приводит следующие примеры парадоксальных субъективных оценок понятия «терроризм»: «Центр стратегического анализа и прогноза провел специальный опрос среди москвичей вскоре после террористических актов в Нью-Йорке

11 сентября 2001 г. Один из вопросов был как будто достаточно прост: что же означает слово “терроризм”? Как выяснилось, это только кажущаяся простота. Из более тысячи опрошенных москвичей 47 % ответили, что это террористические акты, то есть определили одно слово через два, связанных с ним, что никак не проясняет ситуацию; 38 % дали чисто оценочные ответы: это “преступление”, “варварство”, “насилие” и т. д.; 12 % затруднились с ответом или же не захотели говорить на данную тему; 2 % — нашлись и такие — честно сказали: “не знаю”. И только 1 % опрошенных попытался определить террор как чьи-то действия, направленные на достижение какой-то цели. Хотя и подобные объяснения, в большинстве своем, также были достаточно путаными» [14, 11–12]. Разброс мнений как нельзя лучше свидетельствует об отсутствии четкого представления о сути современных политических конфликтов у большинства людей, и есть опасность, что с таким человеком можно творить что угодно.

Информацию о конфликте в медиа «публика» воспринимает как изначально недостоверную, поддельную и относится к ней как к фокусу, трюку. В каждом из наборов комментариев к новости о каком-то противостоянии обязательно будут обвинения в адрес оппонентов по поводу ангажированности Кремлем, западными фондами и т. п. Неудивительно, что достаточно большой процент населения, как социально благополучные слои, так и неблагополучные, рассматривают необъективность в освещении конфликтов как неизбежное зло в условиях неэффективности правового регулирования и пытаются «фильтровать» информацию, отыскивая особые скрытые смыслы в метафорах, репрезентирующих конфликт. Так, например, метафоры войны заставляют аудиторию по-особому видеть участников конфликта, их действия, направление развития конфликта и т. д. «Структура метафоры “социальный конфликт — это война” задается особенностями фреймовой структуры концепта “война”. Война всегда подразумевает наличие врага, с которым необходимо бороться, таким образом, субъекты конфликта рассматриваются в качестве врагов, что обуславливает характер их действий. Эти действия могут иметь наступательный или оборонительный характер, но они представляются как боевые, в силу чего характеризуются как изначально агрессивные, порою даже жестокие с точки зрения мирного существования» [2, 5–6]. Среди других популярных метафор — «конфликт — это болезнь» и «конфликт — это путь», они вызывают свои представления об участниках противостояния и их ролях [2].

Технология интерпретации конфликта производителями информации для аудиторий медиа весьма разнообразна. В одних случаях она «раздувает» противоборство по незначительному поводу, в других — «растворяет» действительно серьезное противостояние во множестве мелких, манипулируя уровнем социальной напряженности. «Иницируя маленькие конфликты, мы “распыляем”, “растворяем” в них большой конфликт (как имеющийся, так и потенциальный). Известно, что частые маленькие конфликты снижают социальное напряжение в некоторой части общества, а блокирование, недопущение таких конфликтов, напротив, повышает его» [8, 104]. Социально незащищенные слои, которые являются основным объектом идеологического воздействия, выступают наиболее важным

объектом такой манипуляции. В современной политике имитация демократического обсуждения конфликтов используется в качестве способа предотвращения возможных реальных событий.

Основания для высокой степени влияния манипуляций в сфере медиарепрезентаций конфликта коренятся в иллюзорной субъективности современного человека. Постоянное целенаправленное воздействие СМИ на личность через виртуальную среду является мягким, малотравматичным и создает у людей впечатление самостоятельности мышления и действия, хотя на самом деле они выступают всего лишь объектами манипулирования. Совершается подмена ценностей и целей, демократические устремления большинства используются в интересах правящих элит. Хотя сам феномен демократии вроде бы строится на коллективных оценках и действиях, еще Аристотель отмечал опасность перерождения ее в охлократию — власть толпы. Похоже, именно этот поворот событий мы имеем в эпоху информационного общества.

Исходя из наиболее популярных приемов репрезентации конфликта в медиа, попробуем определить набор манипуляторных (иначе говоря — конструирующих иллюзию) принципов подачи и трактовки конфликтов в современных СМИ.

Принцип противостояния предполагает обязательное наличие активного дуэта оппонентов (лучше — врагов), к одному из которых призывают примкнуть представителя той или иной аудитории (например, мэр VS сити-менеджер в Екатеринбурге, патриоты VS либералы на федеральном уровне и т. п.).

Принцип фрагментарности. Освещение конфликта носит частичный или односторонний характер, при этом длится недолго, поскольку возможности воздействия фрагментированной информации ограничены во времени.

Принцип обмена мнениями. Конфликт рассматривается в процессе иллюзорного обмена мнениями, обязательно предполагающего ситуацию недопонимания. Поэтому в ток-шоу, интервью, встречах в студии и в онлайн-мероприятиях проблема должна быть сформулирована как можно более аморфно. В результате создается иллюзия решения проблемы таким же неопределенным способом, точнее, создается психологическое убеждение, что конфликт разрешен.

Принцип повторности. Многократное возвращение к обсуждению конфликтной темы, репрезентированной во множестве мнений с использованием большого количества слов (чаще всего метафор), помогает преодолеть сомнение и выработать привычное мышление на уровне верований.

М. Бубер, рассматривая феномен манипуляции в масштабе истории человечества, выделяет сменяющие друг друга характерные периоды: «В одну эпоху то, во что “верят” люди как в нечто от них совершенно независимое и существующее само по себе, представляет собой действительность, с которой они находятся в реальном взаимоотношении, но о которой, разумеется, как им хорошо известно, они могут составить только чрезвычайно неполное представление. В иные эпохи, напротив, на место действительности заступает соответствующее о ней представление, которое к этому времени “составилось” и с которым поэтому возможно манипулировать, или даже некоторый остаток представления, понятие...» [5, 446].

Сегодня ситуация с манипулированием продолжает усугубляться, «медийные» манипуляции конфликтами доводят человека до состояния измененного сознания как нормальной реакции на бесконечную игру с фрагментами реальности. Человек в измененном сознании склонен к иррациональному поведению под руководством лидера и очень удобен для выполнения действий «по социальному заказу». Правда, побочными эффектами такого состояния бывают девиации и асоциальные явления, но даже они используются медиа как информационный повод, «повестка дня» для достижения некоторых политических целей, например применения риторики борьбы с наркоманией и проч. Кроме того, «в результате освещения в СМИ событий, связанных с конфликтами и террористическими актами, нередко возникает эффект взаимодополняемости деятельности террористов и производителей информации; без освещения журналистами терактов и их трагических последствий террористы не смогли бы достичь желаемого эффекта массовости стресса и ужаса, а без террористов и их деятельности журналистские материалы и сводки новостей потеряли бы свою сенсационность, масштабность и соответственно упали бы в цене, и тогда журналистам пришлось бы придумывать некие виртуальные подобию террористических актов, воссоздавая конфликт и терроризм в качестве медиасобытий» [6, 9].

Не случайно, чем больше репрезентируются конфликты, тем больше профессий, так или иначе связанных с подачей информации, — от «имиджмейкера» до «символического аналитика», «креэйтора», «девелопера» информации. Количество интерпретаций значительно превышает количество фактов, информационная избыточность приводит к перестройке всей системы восприятия информации. Восприятие современного человека супергибкое, предполагающее частую корректировку, его можно сравнить со слаломом, когда одно и то же препятствие огибается с разных сторон и видится по-разному.

Поэтому нельзя обойти стороной и вопрос о репрезентации социальных конфликтов в «новых медиа» — социальных сетях, корпоративных сетях и т. п. Сети дают возможность практически мгновенного представления конфликта онлайн, при этом единственным фильтром для этой информации выступает фантазия интерпретатора. Отсюда именно «сетевые репрезентации» конструируют наиболее фантастические сценарии возможного будущего разрешения конфликта в рамках моделей «совещательной демократии», «партизанской демократии» и «увещательной демократии» [21]. Конфликты в сетях в стандарте совещательной демократии имеют тенденцию быстрого ухода от темы и превращаются в еще более аморфное обсуждение, чем подобные дискуссии в других СМИ. Причина этого — в отсутствии какого-либо регулирования хода дискуссии. Поэтому часто обсуждение политического противостояния вырождается в уродливое обсуждение личностей и их проблем.

В модели партизанской демократии конфликтующие стороны и их последователи создают странички в сетях, призывающие поучаствовать в решении проблемы, ответив на вопросы или оставляя «лайки» и «дислайки». Действенность партизанских методов определяется количеством полученных «кликов». Увещательная демократия призывает людей сообщениями и письмами в электронной

почте отреагировать на какое-либо событие, получившее широкий общественный резонанс. Этот вариант популярен у населения, и автор этой статьи неоднократно получал переданные по цепочке письма, призывающие поучаствовать в обсуждении конфликта и направить сообщения дальше со своим комментарием. В ситуации увещательной демократии люди чувствуют себя комфортно и уверенно, принимая решения безо всякой личной ответственности, не разбираясь в ситуации и ни за что не отвечая.

Перспективы «сетевой» демократии» при репрезентации конфликта еще раз убеждают, что в современности иллюзорные способы представления конфликтов все еще остаются ведущими, поскольку вся современная культурная и политическая сфера может считаться искусственным образованием, продуцирующим иллюзии, а медиа, организуя коллективный разум, еще больше упрощают действительность, нисколько не содействуя принятию взвешенных и разумных решений большинством народа.

1. *Амиров В. М.* Политическая проблематика в журналистском дискурсе современных вооруженных конфликтов // Политическая лингвистика. 2012. № 4(42).
2. *Антонова Т. Г.* Метафорическое моделирование социального конфликта в медиадискурсе: ключевые дискурсивные метафоры // Язык и культура. Приложение. 2013. № 2.
3. *Аюпов М. А.* Политический процесс в современной России: реальная политика или эффективные PR-технологии? // Власть. 2010. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-protsess-v-sovremennoy-rossii-realnaya-politika-ili-effektivnye-pr-tehnologii> (дата обращения: 15.04.2016).
4. *Бодрийяр Ж.* Соблазн. М., 2000.
5. *Бубер М.* Затмение бога // Бубер М. Два образа веры. М., 1999. С. 446.
6. *Будаев Э. В.* Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. 2010. № 1(31).
7. *Бурдые П.* Делегирование и политический фетишизм // Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
8. *Вахин А. А., Журавлев А. Л.* Особенности исследования динамики социальной напряженности по материалам СМИ // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 104.
9. *Грудцына Л. Ю.* Конституция как правовой инструмент управления гражданским обществом // Образование и наука: вопросы теории и практики. 2015. № 1.
10. *Заббаров А. Г.* Формирование повестки дня российских некоммерческих организаций как механизм управления сетями НКО // Вестн. ПАГС. 2008. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-povestki-dnya-rossiyskih-nekommercheskih-organizatsiy-kak-mehanizm-upravleniya-setyami-nko-1> (дата обращения: 12.03.2016).
11. *Зиновьев А.* Зияющие высоты. М., 1990.
12. *Иноземцев В. Л.* Рецензия на книгу Ф. Закария «Будущее свободы» // Мониторинг. 2006. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/retsenziya-na-knigu-f-zakariya-budushee-svobody> (дата обращения: 30.03.2016).
13. *Лазарчук А., Лелик П.* Голем хочет жить // Мир Internet. 2001. № 10.
14. *Ольшанский Д. В.* Психология террора. М., 2002. С. 11–12.
15. *Почепцов Г. Г.* Информационно-политические технологии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.novsu.ru/npe/files/um/1412/bg/shell/arh/htm> (дата обращения: 12.03.2016).
16. *Решетников М. М.* Демократия, терроризм и гражданское общество: тенденции, противоречия, исторические иллюзии // «Телескоп»: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 6.

17. Россия: стратегии достоинства. Имидж и реальности страны, информационные технологии и кризисные ситуации. М., 2000.

18. *Стризов А. Л.* Адаптация человека к процессам модернизации и переход к демократии // Вестн. ВолГУ. Сер. 7 : Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-cheloveka-k-protsessam-modernizatsii-i-perehod-k-demokratii> (дата обращения: 30.03.2016).

19. *Судаков С. С.* Эпистемология политического прагматизма // Полит. исслед. 2010. № 1.

20. *Тощенко Ж. Т.* Фантомы общественного сознания и поведения // Социол. исслед. 2004. № 12(248).

21. Contemporary Sociology. Nov. 1999. Vol. 28, № 6.

Рукопись поступила в редакцию 1 апреля 2016 г.

УДК 159.954.4:316.285 + 316.485.6

Ю. А. Пацюкова
Н. А. Черняева

«ПРАВО СМОТРЕТЬ» И «ПРАВО БЫТЬ ВИДИМЫМ»: КОНФЛИКТЫ ВИЗУАЛЬНОГО

Статья посвящена относительно малоизученной в современной конфликтологии теме — природе конфликтов в сфере визуального, приводящих к неравномерному распределению того, что ряд исследователей называет «правом на визуальное». Основываясь на сравнительном анализе двух подходов к проблеме, с позиции междисциплинарного поля визуальных исследований и с позиции политической философии и теории признания, авторы приходят к выводу, что визуальное является не только способом репрезентации социальных конфликтов, но и их субстанциальной чертой, так как социальное неравенство практически всегда реализуется в неравном доступе к сфере публичной видимости. Как следствие, фундаментальное право субъекта смотреть и быть видимым вступает в конфликт с властными порядками визуального.

К л ю ч е в ы е с л о в а: визуальные исследования, парадигма признания, Николас Мирзоев, Аксель Хоннет, «право на визуальное», взгляд, право быть видимым.

Имеет ли значение для анализа конфликта его видимая сторона — то, как он выглядит и как мы его воспринимаем визуально? В современном медиатизированном мире социальные, политические и военные конфликты порождают огромное количество визуальных репрезентаций: фотографии военных действий, образы беженцев, перемещенных лиц, репортажи о демонстрациях, публичных столкновениях с полицией циркулируют в средствах массовой информации в глобальном масштабе. Эти образы не просто фиксируют внешнее проявление конфликтов — они привлекают внимание, запускают эмоциональные реакции, влияют на осмысление конфликтов обществом, вызывают публику и политиков на активные действия. «Власть образов» в политических конфликтах изучалась и продолжает изучаться как представителями социальных наук, так

и исследователями визуальной культуры, медиа, массовой культуры¹. В последние десятилетия внимание исследователей сместилось с анализа репрезентаций социальных конфликтов к изучению режимов и порядков, управляющих производством визуального, регулирующих распределение видимого и невидимого в публичной сфере. Каким образом конфликт не просто отражается, а визуально производится? Чей взгляд на событие наделяется чертами легитимности, а чей оказывается под запретом? Кто имеет право смотреть? На что? Кто и что остается в зоне невидимого?

Цель данной статьи — сравнительный анализ двух исследовательских позиций на природу конфликтов в сфере визуального. Представитель традиции визуальных исследований Николас Мирзоев в своей книге «Право смотреть: контристория визуальности» анализирует противоречие между фундаментальным правом человека на взгляд и сложившимися в данном обществе «комплексами визуального», закрепляющими в зрительной форме установившийся порядок вещей [12]. Акт смотрения трактуется Мирзоевым как то, что фундирует субъектность и дает базовую, экзистенциальную связь с реальностью. Право смотреть — базовое человеческое право, но его реализация наталкивается на господствующие в обществе режимы визуальности — навязанные нам порядки очевидности. Политический философ Аксель Хоннет в своей работе «Невидимость: об эпистемологии признания» [11] рассматривает право на взгляд в диалектическом взаимодействии с правом быть видимым и осмысляет оба феномена в контексте отношений признания. Конфликт визуального, по мнению Хоннета, произведен от проблем признания: ситуация, при которой индивид или социальная группа лишаются права на репрезентацию в публичной сфере, связана с дефицитом признания, который лежит в основе всех социальных конфликтов. Оба автора, таким образом, рассматривают то, что современный исследователь Гил Хокберг назвала «неравномерным распределением права на визуальное»: в условиях социального неравенства право смотреть и право быть видимым получают далеко не все социальные субъекты, ряд из них остается в зоне слепоты и невидимости [9, 14]. Сравнительный анализ работ Мирзоева и Хоннета позволяет глубже понять причины неравного распределения права на визуальное, а также возможные способы его преодоления.

Николас Мирзоев анализирует визуальное в контексте властных отношений в обществе. Для него право смотреть — это фундаментальное право человека, сродни праву на реальность. Право смотреть несводимо к простому акту зрения: смотрение предполагает видение другого, обмен взглядами без попытки уклониться от чужого взгляда — «дружбу, солидарность или любовь» [13, 473]. Право смотреть базируется на индивидуальной автономии, на праве человека на субъектность, на само существование. Но, как показал в своих работах Мишель Фуко, в обществе, основанном на социальном неравенстве, власть узурпирует

¹ Пионером исследований в этой области многие авторы называют Вильяма Джона Томаса Митчелла (W. J. T. Mitchell), который констатировал «пикториальный поворот» в гуманитарных и социальных науках в своей книге *Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation* [14]. Довольно полный обзор теорий в этой сфере дан в коллективной монографии 2013 г. *Advances in the Visual Analysis of Social Movements* [7].

право на взгляд, превращая его в мощный механизм подавления и нормализации. Тема визуального как инструмента властного принуждения и нормализации присутствует у Фуко на протяжении всей его научной карьеры, начиная с ранних работ о рождении клинического взгляда [5] до классического анализа паноптикона в «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы» [6].

Поэтому для рядового субъекта акт смотрения зачастую затруднен, так как он наталкивается на сложившиеся в данном обществе режимы визуального, которые канализируют взгляд, регулируют его определенным образом, закрывая от него какие-то куски реальности. Классическая фраза полицейского «Проходите, здесь не на что смотреть!» выражает суть режимов визуального: не столько запрет и цензура, сколько присвоенное властью исключительное право на взгляд.

По мнению Мирзоева, режимы визуального в данном обществе создаются с помощью трех основных стратегий: классификация, разделение и эстетизация. Классификация осуществляется с помощью называния, определения и категоризации; видимому и воспринимаемому дается наименование, оно помещается в классификационную схему, будь то таксономии животных и растений, классификации народностей или карты территорий. Визуальность разделяет тех, кого она таким образом классифицировала, чтобы предотвратить их солидарное действие как политических субъектов. Практики социальной сегрегации невозможны без визуальной сегрегации. Отказ Розы Паркс² переместиться в заднюю часть автобуса был отказом оставаться в зоне невидимого, требованием зримого присутствия в социальном пространстве. Наконец, классифицируя и разделяя, визуальность производит эстетически привлекательный и потому оправданный порядок вещей. Франц Фанон называет такую эстетику «эстетикой уважения статус-кво» [13, 476]. Произведенная с помощью названных стратегий визуальность формирует и закрепляет определенную картину мира, создавая мощнейший эффект легитимации власти. Как показывает Мирзоев, опираясь на рассуждения Жака Деррида о легитимности, «чтобы стать легитимной, власть должна стать видимой, само-очевидной» [Там же, 479].

Режимы визуальности меняются исторически. Эпоха модерности знает, по мнению Мирзоева, три сменяющих друг друга «комплекса визуальности»: плантационный, имперский и военно-промышленный. «Комплексом» он называет совокупность институтов и практик, создающих определенную конфигурацию зон видимого и невидимого, специфическое распределение права на визуальное, свои типы классификации, распределения и эстетизации реальности. «Плантационный комплекс» возникает из практик надзора за рабами на плантации. Статус раба, по мнению Мирзоева, содержит в себе два фундаментальных ограничения: возможности передвижения и права смотреть. Геродот утверждал, что скифы

² Роза Ли Паркс — одна из активистов движения афроамериканцев за гражданские права в США в 1950-е гг. Во время автобусной поездки 1 декабря 1955 г. в городе Монтгомери, штат Алабама, Роза отказалась по требованию водителя уступить свое место белому пассажиру в секции автобуса для цветных. Была арестована за нарушение правил поведения в транспорте, однако общественная реакция на арест Паркс привела к бойкоту автобусных линий города и стала мощным катализатором движения против расовой сегрегации [3].

ослепляли своих рабов, чтобы предотвратить побег. В XVII–XVIII вв. архетипическая связь рабства и слепоты поддерживается тем, что рабам запрещено прямо или открыто смотреть на господина. Такой открытый взгляд приравнивается к преступлению, и возникает даже специальный юридический термин для его обозначения: *reckless eyeballing* («нагло таращиться»). Прямой взгляд на белого человека воспринимался как угроза, так как он был чреват насилием, в том числе сексуальным. Даже в XX в., а именно в 1951 г., чернокожий фермер был осужден за «слишком откровенный» взгляд на белую женщину в Северной Каролине [13, 483]. Другим ограничением права на взгляд для рабов в «плантационном комплексе» был закрепленный в уголовном кодексе запрет «воображать смерть белого человека» [Там же, 482]. Здесь ограничение права на визуальность предстает как запрет на ментальное видение, на воображение иного порядка вещей.

«Имперская визуальность», согласно Мирзоеву, создается практиками управления колониями, где полюсы видимого и невидимого располагаются по оси «цивилизация» (свет, ясность) и «примитивное состояние» (тьма). Цивилизованность метрополии при этом маркируется как состояние упорядоченности и потому — как эстетически привлекательное, в то время как колонии трактуются как хаос, как отсутствие цивилизации и выводятся за пределы «эстетического». Следуя логике Жака Рансьера, для которого «политика опирается на то, что видишь и что можно об этом сказать, на того, кто наделен компетенцией видеть и способностью сказать...», Мирзоев подчеркивает, что плантационный и имперский комплексы визуальности производят огромные массы людей, исключенных из сферы политического и, как следствие, из сферы видимого [4, 15]. «Платон, — пишет он, — называл шесть категорий людей, не наделенных властью; подавляющее большинство тех, кто остался за бортом, тех, для кого нет места, кто не имеет значения. В этом случае право смотреть глубоко зависит от права быть видимым» [13, 484]. Имперский комплекс соединяет эстетику власти и эстетику тела, понятию в своем первичном значении — как возможность поддержания тела, обеспечение его существования, как «политику еды». Быть видимым в имперском комплексе означает иметь средства для поддержания жизни, пресловутые «сорок акров и мула».

Современный «военно-промышленный комплекс» визуальности является интенсификацией существовавших со времен как минимум XVIII в. техник визуализации войны. Военные карты, используемые полководцами прошлого, трансформируются сегодня в 3D-изображения вражеской территории, составленной на основе цифровых образов, полученных со спутников, приборов ночного видения, беспилотных летательных аппаратов, цифровых камер видеонаблюдения и т. д. Это новая форма визуальности, которую Мирзоев называет «постперспективной» визуальностью или «поствизуальностью». Постперспективизм объясняется флюидностью генерируемой картины, составленной из фрагментов отдельных видеотрансляций, полученных от разных устройств, между которыми наблюдатель свободно перемещается, приближая и удаляя изображение, а также отсутствием у наблюдателя фиксированной позиции в пространстве. Поствизуальность больше не связывает того, кто смотрит, и объект взгляда. Огромный

объем производимых компьютерной съемкой изображений почти никто и никогда не отсматривает, и они нужны, по мнению Мирзоева, чтобы «сделать процесс наблюдения видимым» [13, 492].

Поствизуальность, производимая военным аппаратом государств, настолько чревата насилием, что Мирзоев называет ее «некрополитикой»: одни и те же технологии позволяют следить за противником и наносить удары с воздуха. Физическое насилие и символическое насилие существуют параллельно: созданный несколько лет назад в США беспилотный летательный аппарат для участия в антитеррористических операциях, получил название «взгляд Горгоны», вызывая ассоциации со смертоносным взглядом Медузы горгоны, обращавшим все живое в камень. «Взгляд Горгоны» производил съемку с двенадцати камер сразу, обеспечивая американских военных суперзрением и одновременно символически ослепляя противников.

Возможен ли в условиях существования комплексов визуального взгляд, не чреватый насилием и подавлением? Мирзоев говорит о контрвизуальности, которая создается признанием права каждого человека на взгляд. Контрвизуальность может пониматься как способность вообразить иной порядок вещей, «на схватывание того, что существует, но не должно быть, и на то, что должно быть, но пока еще только становится» [Там же, 486]. Контрвизуальность реалистична, но она не имеет ничего общего с мимезисом или реализмом в искусстве. Так, примером контрвизуальности может быть «Герника» Пикассо. Известно, что когда в феврале 2003 г. госсекретарь США Колин Пауэлл выступал на специальном заседании Совета Безопасности ООН, доказывая необходимость военного вторжения в Ирак, огромный гобелен с Герникой, украшающий зал, был завешан голубой тканью и флагами стран-участниц, якобы чтобы «обеспечить более эффектный фон для телевизионных камер» [8]. Контраст между призывом к военным действиям в речи Пауэлла и трагическими образами бомбардировки деревни басков во время гражданской войны в Испании, которые создал Пикассо, был слишком силен, чтобы быть показанным по телевидению.

Контрвизуальность возможна как такая визуальность, которая противится исключению, сегрегации, милитаризации. «В условиях, когда каждый из нас — подозреваемый, пока не доказал обратное, необходимо работать над утверждением постоянства повседневной жизни, которая не требует милитаризации» [13, 496]. Осознавая если не утопичность, то сложность создания «новой повседневности», Мирзоев видит ее контуры в простом обмене взглядами между людьми, в котором «мое право смотреть встречает твоё желание быть видимым, и оно взаимно» [Там же]. Иными словами, желание и готовность увидеть другого, встретиться глазами, признавая друг в друге равных и автономных субъектов, является, согласно Мирзоеву, желательной, но трудноосуществимой моделью социальности, чья реализация затруднена существующими в современной культуре «комплексами визуальности».

Представитель третьего поколения Франкфуртской школы, политический философ Аксель Хоннет, исследует феномен социальной невидимости (*invisibility*) в своей работе «Невидимость: об эпистемологии признания». Материалом для

анализа служит известный роман Ральфа Эллисона «Невидимый человек» (1952), который рассказывал о судьбе молодого афроамериканца, жившего в начале 1920-х гг. в США и остро переживавшего свою социальную невидимость. В романе как белые, так и черные персонажи воспринимают героя как стереотипного представителя своей расы, не видя его самого, его индивидуальности. Однако наиболее остро эффект собственной неполноценности возникает у героя, когда белые американцы обращают в его сторону взгляд, который как бы проходит сквозь него, не задерживаясь на самом герое ни секунды. Это такая форма невидимости, исчезновения, которая, согласно Хоннету, имеет характер не физического отсутствия, но скорее отрицания социального присутствия [11, 112].

Для Хоннета, чьи научные интересы лежат в анализе отношений признания в обществе, феномен социальной невидимости интересен как частный случай нарушения отношений признания. Методологически парадигма признания состоит в «антиатомистическом понимании современной индивидуальности, т. е. утверждает зависимость становления современной личности и ее полноценного развития от отношений любви, уважения и престижа» [1, 5]. Как показывает Хоннет в своей ключевой работе «Борьба за признание», становление личности основывается на диалектике intersubjectивных отношений [10]. Этот тезис восходит во многом к гегелевскому утверждению в «Феноменологии духа» о том, что мы обретаем самосознание как автономные субъекты только во взаимодействии с другими автономными субъектами, отсюда и необходимость в различных формах взаимного признания. Для Хоннета борьба за признание является двигателем нравственного прогресса общества, способом достижения общественного блага и гармонии. Хоннет выделяет три основные формы признания, в зависимости от отношений и институтов, которые их поддерживают. Первой формой признания является признание ребенка родителями, когда только что родившийся младенец получает от взрослых подтверждения любви, принятия, внимания, готовности общаться в виде разнообразных сигналов, что в конечном счете становится основой его «уверенности в себе». Второй формой признания становятся взаимодействия субъекта с другими субъектами, в которых он и другие «взаимно признают друг в друге носителей юридических и моральных прав» [1, 8]. Это такой тип отношений, который основывается на «уважении» в кантовском смысле, т. е. на признании другого представителем человеческого рода, имеющим неотчуждаемые юридические права и моральный статус. Наконец, третьей формой признания является признание другого как конкретной личности, носителя уникальных черт, социальных ролей, профессиональных качеств и т. д. Это тип признания, который видит в другом «другого» и который создает основу для «самооценки» индивида.

Постулируя признание как основу для складывания полноценной индивидуальности, а «борьбу за признание» как движущий фактор общественного развития, Хоннет заинтересован в осмыслении тех отношений, в которых признание отсутствует. Так, в условиях социального неравенства доминирующий социальный класс лишает должного признания представителей подчиненных классов и слоев. Отсутствие признания порождает феномен социальной невидимости. К примеру, слуги и рабы часто оказывались в роли невидимых теней господина:

рядом с ними господа переодевались, отправляли физиологические функции, не испытывая смущения, так как в определенном смысле «их там не было» [11, 112]. Невидимость черного населения в США времен сегрегации, которую описывает Эллисон, несколько иного порядка, так как здесь эффект невидимости создается именно как эффект, т. е. интенционально, и он имеет перформативную природу. Он достигается особым типом взгляда, который Хоннет называет «взглядом сквозь» [Там же]. Эффект невидимости, по сути, требует усилий, так как он должен быть коммуницирован тому, на кого он направлен через систему жестов, мимических и поведенческих нюансов.

Хоннет уточняет, что эффект невидимости возникает потому, что акт видения состоит из двух реакций. Первая — это видение в прямом, когнитивном смысле, результатом которого становится узнавание (*cognition*). Видение в этом значении предполагает наличие человека в поле зрения и его идентификацию как индивидуума в пространственно-временном порядке. Примером такого видения будут все случаи, когда мы узнаем человека при встрече, если мы прежде встречались с ним: мы узнаем знакомого, почтальона, человека, с которым мы когда-то ехали в одном купе, горничную, которая приходит убираться по понедельникам. Вторая процедура предполагает видение в метафорическом смысле, видение как признание (*recognition*), которое предполагает минимальную эмпатическую реакцию с нашей стороны: кивок головы, жест, улыбку узнавания. Такого рода реакция включает другого в поле социальной ткани, подтверждает его социальную значимость. Только будучи уверенным в том, что он узнан в первом, базовом, значении, субъект может рассчитывать на узнавание во втором, метафорическом, смысле. Эффект «невидимости» потому и производит болезненные реакции и воспринимается как унижение, что индивид, оставшийся в зоне невидимого, уверен, что он был на самом деле увиден и узнан: «невидимость в фигуральном смысле заключает в себе видимость в буквальном».

Акты признания или непризнания происходят в публичном пространстве, т. е. непризнание коммуницируется и тому, на кого оно направлено, и всем остальным участникам социального спектакля. «Социальная невидимость приобретает публичный характер только потому, что она парадоксальным образом выражается в отсутствии эмпатических форм и реакций, которые обычно сопровождают акт индивидуального узнавания» [Там же, 115].

Хоннет уверен, что реакции узнавания едины для всех людей. Знание об этих реакциях каждый человек приобретает в раннем детстве, в ходе самой ранней коммуникации со взрослыми, чаще с родителями (матерью). Опираясь на работу Даниеля Стерна «Первые отношения: младенец и мать», Хоннет доказывает, что первичная социализация ребенка основывается на коммуникации в виде жестов и мимических выражений и что, получая высокодифференцированные реакции на свои состояния в виде улыбок, прикосновений, звуков и т. д., ребенок одновременно получает подтверждение любви со стороны родителей, участия, преданности, готовности прийти на помощь, поддержки и т. д. [15]. Этот репертуар полуавтоматических реакций остается с нами на всю жизнь и может быть опознан в ритуалах приветствия, которыми обмениваются взрослые. Демонстрируя друг

другу разнообразные невербальные реакции принятия и узнавания, индивиды, по мнению Хоннета, тем самым публично демонстрируют друг другу, что «каждый из них получил некую степень социального одобрения от другого или что другой обладает социальной значимостью в соответствии со своей ролью» [11, 119]. Знаки социального признания имеют фундаментальное значение для координации социальных действий, а их отсутствие сигнализирует о серьезной патологии, в том числе такой, при которой индивид оказывается в ситуации «невидимости». Таким образом, социальное признание с неизбежностью подразумевает социальную видимость и на интерперсональном уровне не может быть коммуницировано иначе, как через видимые, считываемые глазом средства. Иными словами, признание невозможно без видимости, без визуального языка экспрессивных реакций.

Связывая напрямую признание и видение, Хоннет тем самым открывает возможности для анализа моральной проблематики визуального. Отказ видеть другого субъекта, помещение его в слепую зону означает автоматически отказ относиться к нему уважительным или благожелательным образом. Хоннет здесь опирается на концепт уважения у Канта, который в «Основных положениях метафизики нравов» определяет уважение как «представление о ценности, которое наносит ущерб моему себялюбию», т. е. как нравственный закон, который заставляет морального субъекта увидеть в другом достойное и равное существо [2, 247]. Признание, таким образом, означает не просто подтверждение присутствия другого человека, но и готовность «ограничить собственный эгоизм ради того, чтобы должным образом оценить достоинство другого человека как разумного существа» [11, 123]. Отказ видеть другого, помещение другого в слепую зону означает отсутствие уважения в высшем, кантовском смысле слова. Признание, таким образом, всегда имеет визуальный аспект: оно предполагает «выраженную (и потому проявленную публично) демонстрацию ценности другого, без которой не может быть разумных существ» [Там же, 124].

Сравнивая выводы Хоннета с выводами Мирзоева, можно говорить об интересном диалоге между двумя исследователями и двумя дисциплинарными традициями в анализе визуального. Оба автора трактуют визуальное не как средство репрезентации социальных конфликтов, а как их субстанциальное качество. Мирзоев видит в визуальном символический язык политики, а неравномерное распределение права на визуальное трактует как неизбежную часть наличного политического порядка. Хоннет понимает визуальное как символический язык морали, и для него неравномерное распределение зон социальной видимости-невидимости — это нарушение должного порядка вещей. Оба исследователя признают интересубъективную природу визуального и огромный освобождающий потенциал свободного обмена взглядами между людьми. Однако в этом пункте представления Мирзоева и Хоннета существенно расходятся. Для Мирзоева, который в своем анализе исходит из наличного политического порядка, возможность для субъекта увидеть другого и быть увиденным непосредственно, вне канализирующего и отчуждающего воздействия «комплексов визуального», это скорее утопический горизонт, нежели возможность. В реальности же имеет место

столкновение абстрактного права субъекта смотреть и значительных ограничений для реализации этого права со стороны доминирующих порядков визуального.

Хоннет, развивая нормативную философию визуального, утверждает, что смотреть на другого и быть видимым другим в ответ, как в когнитивном, так и в моральном смысле, суть основа любой социальности, и без взаимного видения и, как следствие, признания невозможен моральный порядок в современном обществе. Хотя в сопоставлении с анализом Мирзоева нормативная теория визуального Хоннета может показаться утопичной, на деле это совсем не так. Формулируя право на визуальное в категориях морального закона, Хоннет позволяет осуществиться критике наличного порядка, анализу существующих режимов визуального. Вне нормативной философии визуального наш анализ конфликтов в этой сфере был бы произвольным и бесосновательным.

1. *Бринк Б. ван ден*. Парадигма признания в социальной философии // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. Т. 128, вып. 2. 2014. С. 5–15.
2. *Кант И.* Основоположения метафизики нравов // Собр. соч. : в 8 т. Т. 4. М., 1994.
3. *Паркс Р.* Википедия. Wikipedia Foundation, Inc. 25 февраля 2013. Web. 25 марта 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D1%80%D0%BA%D1%81_%D0%A0%D0%BE%D0%B7%D0%B0 (дата обращения: 30.04.2016).
4. *Рансьер Ж.* Разделяя чувственное. СПб., 2007.
5. *Фуко М.* Рождение клиники / пер. с фр. А. Ш. Тхостова. М., 1998.
6. *Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. М., 1999.
7. *Doerr N., Mattoni A., Teune S.* "Toward a Visual Analysis of Social Movements, Conflict, and Political Mobilization," in *Advances in Visual Analysis of Social Movements (Research in Social Movements, Conflicts and Change, Vol. 35)* Emerald Group Publishing Limited, 2013. P. xi – xxvi.
8. *Dowd Maren.* "Powell Without Picasso," in *New York Times* 2003 (Febr., 5).
9. *Hochberg G. Z.* *Visual Occupations: Violence and Visibility in a Conflict Zone.* Durham and London : Duke University Press, 2015.
10. *Honneth A.* *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts.* Cambridge, Mass. : The MIT Press, 1995.
11. *Honneth A.* "Invisibility: On the epistemology of 'recognition'," in *Aristotelian Society Supplementary Volume*, Vol. 75, Iss., July 2001. P. 111–126.
12. *Mirzoeff N.* *The Right to Look: A Counterhistory of Vizuality.* Durham ; L., 2011.
13. *Mirzoeff N.* "The Right to Look," in *Critical Inquiry*. Vol. 37, № 3 (Spring 2011). P. 473–496.
14. *Mitchell W.J. T.* *Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation.* Chicago, 1994.
15. *Stern D. N.* *The First Relationship: Infant and Mother.* Cambridge, 1977.

Рукопись поступила в редакцию 1 апреля 2016 г.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

УДК 165.5 + 124.5 + 122 + 316.752

М. В. Клёцкин

ЦЕННОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

Предмет исследования — осмысление места категории «ценностное отношение» в структуре научного познания. Проанализирована взаимосвязь категорий «значимость», «причинность», «истинность», «смысл научного познания» и предложена праксеологическая модель их объединения. Обосновывается утверждение о том, что знание всегда значимо и выражает ценностное отношение познающего индивида. На основании проведенного анализа утверждается, что реализация ценностного отношения в процессе познания происходит через различение, когда каждый элемент наличного бытия сравнивается с другими и существует для ученого как истинный всегда в перспективе его использования.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ценностное отношение, значимость, смысл, различение, научное познание, причинность, истина.

В данной статье исследуются вопросы «что такое ценность в науке?», «как происходит оценивание научной теории?» и «является ли истина ценностью?». В процессе познания физические объекты существуют как значимости. Об этом говорит Хайдеггер: «Значимость... род и способ, каким ценность, а именно *в качестве* ценности, “есть”. Значимость есть род *бытия*» [17, 71]. Однако значимость не может быть «родом бытия», так как в таком случае получалось бы, что значимость фундирует бытие. Но значимыми вещи становятся лишь в процессе их различения — осмысления их пригодности для потребления. Значимость объекта познания существует как реализация ценностного отношения, поэтому правильнее, по нашему мнению, назвать «родом бытия» именно ценностное отношение, а не значимость. Физическая сущность становится объектом познания и приобретает значимость в процессе реализации ценностного отношения. Внепроцессуальное понимание «ценности» фетишизирует это понятие, придает ему трансцендентный, внебытийный статус. Ведь стремятся не к абстрактной «красоте», например, а к удовлетворению каких-либо потребностей. Философы безуспешно ищут место для ценностей в субъекте или объекте или в отношении между ними. Мы же предлагаем изменить субъект-объектную парадигму онтологических

представлений. Ценностное отношение, являющееся одной из форм и методов реализации практического отношения, осуществляется не между абстрактными субъектом и объектом, а между конкретным живым человеком и сущим. Бытийная представленность сущего в виде обладающих значимостью объектов познания не должна подменять собой сущее, а служит опосредующим практическое отношение материалом взаимодействия с сущим и целенаправленного его изменения. Объекты бытийной представленности сущего объединяют обе ипостаси: они сущи и существуют для познающего индивида как образы представления. Вопрос об истинности возникает на уровне семантики познания, показывающей истинный для определенных целей познания путь обращения с сущим (представленным для познания в знаковой форме).

Являясь, как часть наличного бытия, реализацией ценностного отношения, любая сущность ценностно окрашена, и ее значимость определяется в процессе осознания ее пригодности для практики. Любая сущность предстает в наличном бытии сначала как *знак*, обладающий нераскрытым ценностным содержанием (слово «значимость» происходит из слова «знак»). То есть предстает как потенциально значимый знак — сингулярность, не раскрывшая еще своего ценностного содержания. «Чаще всего в самой форме “значения” [*vouloir-dire*, “*выражение хотения*”] оно [сознание] во всех своих модификациях дает себя мыслить только как присутствие для себя» [7, 188]. Одновременно с выделением из универсума в процессе различения объект познания приобретает *определенное* содержание, раскрывающее его *значимость* как его роль в осуществлении ценностного отношения. Значимость, таким образом, выражает суть бытия вещи, то, чем она является по своей истине для индивида. Значимость вещи осмысливается в результате как понятие этой вещи, в том числе и в науке.

Психологическое содержание понятия «значимость» подробно проанализировано в работах К. Г. Юнга и Э. Кассирера, утверждавших первостепенное значение символической формы для выражения и передачи содержания индивидуального и коллективного опыта. Значимость предмета осознается сначала в символической форме, выражающей еще не отрефлексированное содержание ценностного отношения. Появляющийся символ имеет потенциально бесконечное содержание. «Есть — сказывание. Сказывание словно имеет свой смысл прежде раскрываемой им истины, прежде воцарения знания и информации, им сообщаемой, такое сказывание не сказало слова и бесконечно...» [9, 228]. В процессе установления значимости происходит как определение ценности предмета для разрешения прорывающейся в наличное бытие индивида проблемы, так и осознание этой проблемы в перспективе ее разрешения. В процессе «означивания» психический мотив осознается как «задача», требующая разрешения и приобретающая более-менее четкую структуру, в которой каждый элемент имеет свою ценность, зависящую от его роли при решении проблемы. В практической деятельности задача так или иначе разрешается, но неизбежно возникает новая, требующая решения и имеющая новую ценностную диспозицию.

Итак, любой объект познания, как часть наличного бытия индивида, является средством решения задачи и оценивается именно как средство *в различении*

с другими возможными средствами. «В большинстве случаев... значение слова есть его употребление в языке», — утверждает, например, поздний Витгенштейн [3, 97]. Австрийский философ прямо связывает «значение» и «употребление». Будучи ненужным, бесполезным, объект лишается ценности для индивида, а будучи опасным, препятствующим решению, он приобретает отрицательную ценность. Объекты познания, таким образом, не существуют вне перспективы их использования в практике осознания и достижения истины бытия. Концепция атома Резерфорда, например, создана с целью снятия противоречия между новыми открытиями в области физики и старыми представлениями ученых о структуре физической реальности. Истинность теории Резерфорда подтверждалась в то время в практике ее использования для объяснения различных физических явлений. Поэтому знание, на наш взгляд, всегда ценностно окрашено. *Знание всегда значимо* и выражает ценностное отношение познающего индивида.

Смысл — еще один важнейший гносеологический компонент в структуре ценностного отношения, формирующийся в процессе рационального осмысления значимости того или иного предмета, прежде всего в его сравнении с другими предметами, то есть в *различении*. Смысл становится понятным только *в результате* практической деятельности, когда становится ясной бессознательная мотивация нашей деятельности, меняющей мир наличного бытия и само сущее. Осознанный смысл вещи — это то, чем она стала для субъекта в процессе ее познания и использования, все содержание, с ней связываемое. В процессе осмысления формируется «...очевидность, которая не только различает, но также “очищает”. Это полное присутствие смысла в сознании, которое само по себе является само-присутствующим в полноте жизни, своем живом настоящем» [7, 129]. Значимость есть раскрытый, понятый смысл, раскрывающий себя как осознание бессознательного смысла деятельности. Бессознательное мышление творит мир наличного бытия как ценностный мир. Смысл сущего в целом представлен сознанию как нонсенс, но нонсенс направляющий и наделяющий познание смыслом. Как содержание мышления в целом, так и неосознанное содержание бессознательного определяется, в свою очередь, сущим. Наличное бытие — это наличная представленность сущего для сознания, существующая как результат осмысления мира сущего.

Итак, смысл может быть сначала неосознанным, но значимость всегда существует как *результат* целенаправленного осознания. Перед сознательным анализом данных чувственного опыта они подвергаются бессознательной обработке, снимающей отчужденную форму представленности предмета в сознании путем выделения существенных для индивида качества, низводя тем самым объект исследования к его «материи», делая его ценностным материалом удовлетворения бессознательных потребностей. «Уже при каждом произнесении мысли или описании представления мы производим обобщение, т. к. слова — это ведь символы, которые как раз для того и служат, чтобы преобразовывать личное в общечеловеческое и понятное, т. е. для лишения его личного выражения... художник также радуется своим “продуктам сублимации”, когда вместо индивидуального создает типичное» [18, 229].

Осмысление снимает кажущуюся отчужденность наличного бытия, превращая налично представленные сущности в орудия реализации ценностных установок индивида. Смыслы, как и любые другие феномены познания, как и процесс познания в целом, имеют ценностный характер: они демонстрируют сознанию истину существования индивида через призму его витальных потребностей. Этот этап мышления есть *самосознание*. «На деле самосознание есть рефлексия из бытия чувственного и воспринимаемого мира и по существу есть возвращение из *инобытия*» [5, 93]. То есть самосознание есть возвращение мышления из формы представленности наличного бытия в единство сознательного и бессознательного пластов мышления, подчиняющего все существование индивида делу использования сущего. Самопознание осуществляется через реализацию имманентных, порожденных сущим потребностей человека, путем использования ставших в процессе познания пригодными сущностей наличного бытия. Через самореализацию в практике человек познает смысл и истину своего существования. В «ценностях» индивид раскрывает свою самость. Внешние положительные ценности (блага) — это «инобытие» (в терминологии Гегеля) ценностных установок самого индивида, истина его бытия. Ценными эти сущности становятся только в поле деятельности человека.

Ценностное отношение формирует также и устанавливаемые индивидом *каузальные связи* между объектами научного познания. «В причинном дискурсе доминирует эвристическая оценочная интенция... Актуальное содержание концептов причина/следствие раскрывается в речевых актах говорящего с причинной интенцией через классы (типы) других концептов, имеющих ценностную ориентацию: духовно и морально нравственные, эстетические, эмоциональные, экзистенциальные и многие другие» [10, 35]. Ценные предметы во всех формах своего существования, в том числе и как научные концепты, опосредуют потребление, поэтому всегда рассматриваются как прежде всего полезные. Рассмотрим, например, ценностное содержание категории «истина». По нашему мнению, истинность элементов научных теорий определяется их эффективностью как *средств построения результативных теорий*. Мы не говорим в данном случае о физических сущностях (чья истинность определяется их существованием независимо от мышления), а об определенных технологиях достижения необходимого результата и об истинности суждений, образующих структуру научной теории.

Своеобразное подтверждение правомерности такого понимания смысла дается в квантовой механике. Известный российский физик М. Б. Менский описывает материальный мир как черный ящик «суперпозиций» (возможных состояний), в котором вероятно все. Сознание (в терминологии квантовой механики — наблюдатель или «прибор») делает возможное физическое состояние «действительным». Критерий отбора одной из бесконечного числа «суперпозиций», очевидно, задается целью исследования и осознается индивидом как «ценность». Опираясь на такое истолкование «ценности», автор предложил своеобразную стратегию создания искусственного интеллекта. С этой целью на базе квантовых компьютеров должна быть создана стратегия выживания живого организма, имеющая своим прототипом алгоритм использования уже имеющихся ценностных отношений

и создания новых. «Классического [объективного] мира вообще не существует, а иллюзия классического мира возникает лишь в сознании живого существа. Интересно, что к такому странному с точки зрения физики выводу приходит сама физика» [11, 428]. Об этом же свидетельствует знаменитый парадокс «кота Шредингера»: мы не знаем, жив кот или нет в изолированном ящике, пока не откроем его. Этот парадокс говорит лишь о том, что возможно все, но действительно лишь то, что есть в сознании.

Истинность или ложность посылок в смысле их адекватности существу не гарантирует истинность или ложность выводов из этих посылок. Фантастичность (с точки зрения современной науки) астрономических представлений античности не мешала довольно успешно использовать их в сельском хозяйстве и мореходстве. Ценность элементов научной теории (если эта теория имеет четкие, логически непротиворечивые критерии истинности и аксиоматические основания) является, *в рамках этой теории, служебной* (подчиненной цели исследования). И истинность этих элементов также часто определяется в зависимости от результативности теории. От представлений об абсолютной истинности аксиоматики и онтологии ньютоновской физики отказались после осознания невозможности ее использования для объяснения явлений микромира.

Истина необходима и однозначна в какой-либо определенной ситуации практики, когда возможен лишь один способ достижения нужного результата деятельности. Долженствование необходимости принуждает устанавливать определенные и однозначные нормы деятельности для достижения нужного результата. «Истинность становится правильностью действия, а подтверждение какого-либо высказывания превращается в указание причин решения принять» [13, 332]. Ретроспективно мы доказываем истинность научной теории, указывая на ее условия, в том числе и на ее ценностную детерминированность. Но главным критерием истинности остается решение предзаданной исследованию задачи. Истина и есть такое решение как цель исследования и построения теории. Любая «работающая» (применяемая на практике) теория относительно истинна, в том числе и постольку, поскольку выполняет главное свое предназначение — дает приемлемый результат. Но применимость на практике не является исчерпывающим критерием научной истинности.

Истинная научная теория должна соответствовать трем условиям: а) опираться на знание «существных» (от слова «сущее») свойств объектов познания (я сознательно не применяю определения «объективные», чтобы избежать тавтологии «объективные свойства объектов»); б) «работать», то есть применяться на практике; в) быть логически непротиворечивой. Структура теории подгоняется под ранее открытые факты и закономерности, послужившие орудиями достижения результата ранее. Конкурирующие теории сравниваются между собой, также исходя из принципа пользы. То есть ценность научных концептов (и научной теории в целом) определяется планируемым или достигнутым результатом — разрешением проблемы, стоящей перед ученым. При всем различии между теоретическим познанием и эмпирическим одним из важнейших принципов их оценивания остается принцип использования. В процессе использования в практической деятельности

происходит рациональное оценивание и осознание-образование смыслов вещей. Научная теория создается для решения определенной проблемы и развивается в процессе ее решения. Всякая теория наделяется «пророческой силой», если позволяет единообразно решать возникающие однообразные *задачи*. Продемонстрировать свою «истинность» — значит эти задачи действительно решать.

Истина предмета — это то, каким он предстает в наличном бытии для сознания в результате различения и использования. Все ставшее есть, а значит «истинно» (есть в наличном бытии). Истина — это характеристика знания о бытии предмета: оно истинно, если способствует достижению нужного результата, тогда объект познания есть «поистине», поскольку раскрывается предзаданная суть его бытия. Не случайно, по мнению многих лингвистов, индоевропейское слово *gen* — «знать», несомненно, тождественно *gen* — «рождаться» и происходит из этого последнего [15, 101]. Ценностное отношение выражается даже в простых категорических суждениях формы «S суть (не суть) P», так как предикат выбирается на основании определенной ценностной установки, отбирающей и выделяющей (либо отрицающей) в субъекте высказывания нужное качество. Такая установка также утверждает (отрицает) важное для индивида соотношение субъекта высказывания с другими сущностями (выбор таких сущностей также ценностен). Суждения связывают факты и понятия в направлении, нужном для достижения определенного результата, другие многочисленные понятия отбрасываются как «несущественные» (привходящие). Это еще одна сторона ценностного отношения — *избирательность*.

Оценивание принято понимать как разновидность суждения, между тем, по нашему мнению, верно обратное: суждение — разновидность реализации ценностного отношения, способ осмысления значимости объекта оценивания. «Значимость подразумевает, во-первых “форму” действительности... Значимость именуется далее также значимость ценностного смысла суждения о подразумеваемом им “объекте”, сходясь так со значением “объективной ценности” и объективности вообще» [16, 182]. Если связь между подлежащим и сказуемым в суждении соответствует наличной действительности, «есть», и не противоречит опыту использования, то суждение оценивается как истинное, если же нет — то как ложное. Всякое категорическое суждение истинно для высказывающего его человека постольку, поскольку оно есть утверждение или отрицание существования предиката суждения в наличном бытии индивида. «Стол есть желтый» для данного индивида в данный момент истинно только тогда, когда для него так и *есть* на самом деле в данный момент времени.

«Транспонирование фактуального утверждения в “фидуциарный [fiducia — доверие] модус” позволило бы правильно отразить тот факт, что такое утверждение обязательно атрибутируемо определенному лицу в конкретном месте и на данном отрезке времени... “безличностное утверждение” есть противоречие в терминах» [13, 362]. Категорические суждения утверждают онтологическую структуру наличного бытия индивида, формируют окружающий его мир и наделяют его ценностным содержанием. Однако личная убежденность в истинности утверждений не значит, что данные суждения истинны для других людей

или тем более для научного сообщества, опирающегося не только на мнение, но и на знание сущностных свойств объектов познания. Истинность суждений для других людей определяется исходя из их опыта и знаний, то есть общезначимой истина становится при условии тождественности знаний и парадигм мышления у разных людей.

Фундаментальной операцией познания является *различение*, а его формами являются репрезентация и категоризация. Рассмотрим их подробнее, начиная с различения. Прежде всего, возникает вопрос: почему мы не считаем возможным далее использовать для описания процесса познания привычное и понятное понятие «рефлексия»? Потому, что рефлексия основана на новоевропейской визуальной метафоре отражения, исходит из дуальности субъект — объект и имеет определенную цель; различение же, как операция познания, — бессознательная игра становления, имеющая мотив, но не всегда имеющая осознанную цель (иначе мы должны предполагать в духе идеализма существование неких трансцендентных сознанию целей, наподобие платоновских идей). «Различение *не есть*, не существует, не является сущим-присутствующим (*on*)» [7, 195–196]. Различение осуществляет становление.

Движет процесс познание и определяет его направление бессознательная потребность мышления, называемая философами по-разному. Декарт, например, употреблял термин «воля», когда метафизически различал два вида мыслительной деятельности: «Один из них — восприятие, или действие разума, другой — воление, или действие воли. Ведь чувство, воображение и чистое разумение — все это лишь различные модусы восприятия, подобно тому, как желать, испытывать отвращение, утверждать, отрицать, сомневаться — это различные модусы воления» [6, 327]. По нашему мнению, более точное название этому понятию дал Гегель: «вожделение», бессознательное неконтролируемое желание. «Желание предполагает потребность, это аппетит духа, и он присущ ему столь же естественно, как голод телу... большая часть вещей имеет стоимость [ценность] потому, что удовлетворяет потребности духа» [19, 2–3]. Сущее задает мотивацию, смысл и цель бытия, то, что греки обозначали как «телос». Поскольку происходит этот процесс на бессознательном уровне, то описать его механизм мы не в силах; он не может иметь имени, но именно он задает направление различения. Деррида называет это становление бытия «игрой»: «*Имени* и в самом деле нет, нет даже имени сущности или бытия... Это неизменное выступает игрой» [7, 203]. Такая игра и есть различение, формирующее бытие, — эон, играющий в кости. Различение есть вместе овременение и опространствление бытия, оно творит и обозначает наличное бытие как бытие ценностное, то есть имеющее бессознательное сущностное предназначение. В процессе *познания-различения* представлений постоянно уточняется их содержание (= значимость). Различение про-из-водит объекты наличного бытия, далее уже сознательно сравнивает их между собой, определяет и находит у объектов *нужные* для использования качества. «Всякий концепт по праву и существенным образом вписан в последовательность или в систему, внутри которой он отнесен к другому, другим концептам, систематической игрой различий. Такая игра, различение» [Там же, 181].

Реализация ценностного отношения в процессе познания происходит через различение, когда каждый элемент наличного бытия соотносится с чем-то иным и существует ради потребления. Именно в этом процессе происходит «овременение» и «опространствление» действительности. Вот как этот процесс описывает Деррида: «Один из двух мотивов *differre...* действия откладывания на будущее, принятия во внимание, подсчета времени и сил в операции, которая предполагает экономическое исчисление, обходной маневр, отсрочку... *промедление* [*temporisation*]... [Второй мотив]: быть самим собой присутствующее может лишь тогда, когда от того, что им не является, его отделяет интервал; но этот интервал, который конституирует его в присутствующее, должен также заодно разделить и присутствующее само по себе... Данный динамически конституирующийся и разделяющийся интервал — это и есть то, что можно назвать *опространствлением*» [7, 176]. Есть зазор между осознанием задачи и действием, в котором происходит различение последовательности явлений, вычленяемых сознанием из потока бессознательных ощущений и располагаемых сознанием в определенной последовательности в результате соотнесения с некоей очевидной для всех периодической мерой овременения (это чаще всего периодическое астрономическое явление, например, ежедневный солнечный цикл). Овременение — способ различения становления, «число движения», по Аристотелю. *Необходимость* расчета действий ради реализации психического мотива, то есть реализации ценностного отношения, порождает «овременение» как способ расчета и различения; необходимость отделения предметов друг от друга формирует «интервалы», формирующие пространство наличного бытия.

Различение постоянно воспроизводит систему условий задачи, создает проблемное поле сознания и средства практической деятельности. Физические сущности как объекты наличного бытия не только предзаданы познанию, существуют независимо от него, но их форма и значение создаются сознанием, выхватывающим из хаоса ощущений нужное для потребления, объективируя тем самым предмет в наличном бытии. Всякий объект наличного бытия — всегда *ценностный* объект, всегда оценивается положительно, отрицательно или нейтрально. Мы стараемся не употреблять понятие «ценность» в отношении единичных вещей, поскольку подразумевается, что *все* они ценностны как форма реализации ценностного отношения, поэтому повторное обозначение их как «ценностей» является тавтологией и ведет к объективации прилагательного «ценностный» в существительное «ценность».

Различение всегда предполагает сравнение. «Думаю, я никогда не *открыл* ни одного движения мысли... Что касается меня, то я открываю новые *сравнения*» [4, 429]. Аксиомы, например, получили такое название, так как являются наиболее ценными положениями в процессе познания в сравнении с другими в рамках определенной теории. Аксиоматика служит «лучшим способом очищения от эвристических строительных лесов и достижения понимания реальных предпосылок теории (как явных, так и скрытых)» [2, 183]. Эти начала познания становятся и критериями определения истинности различных суждений в научной теории (благодаря своей выявленной эффективности). «Принцип, который с этих пор

как бы кристаллизовался, уже не подчинен опытной проверке. Он ни верен, ни не верен; он удобен» [14, 89–90]. Если мы рассматриваем реальный процесс познания, то он весь пронизан страстями, ссорами, борьбой и отнюдь не предстает храмом вечных истин. Классическая же наука Нового времени описывает его, абстрагируясь от ценностной составляющей, представляя его как картину в соответствии с визуальной метафорой отражения. «Мир превращается в поставленный перед человеком предмет (объект), а человек становится субъектом, репрезентантом, понимающим свою позицию как *мировоззрение*» [12, 110]. Познание лишается, таким образом, смысла и ценности, сводясь к установлению достоверности «отражения» и поиску «чистых» истин, возвращаясь тем самым в парадигму платоновского идеализма. Как в религии создается потусторонний мир добра и справедливости, так и в новоевропейской науке был создан культ абстрактной «истины». И, так же как в религии, бегство «несчастливого сознания» в спасительную иллюзию заканчивается разочарованием и «переоценкой ценностей», поскольку все, что индивид может там найти, это себя самого. Истина (как и бытие в целом) всегда личностна, она творится индивидом.

Репрезентация, как результат различения, — это формирование умозрительного образа вещи через символические системы в языке, науке, искусстве. В науке формой репрезентации становится язык понятий — диалектическая логика. Различение всегда диалектично, так как осуществляется через бинарную оппозицию — сравнение, призванное выявлять важные для осуществления цели свойства объектов. Репрезентация, на наш взгляд, представляет сознанию не вещи, а ценностные смыслы представлений в символической форме, вещи в аспекте их полезности и удобства, одновременно косвенно репрезентируя и господствующую в культуре систему ценностей, усвоенную в процессе воспитания и закреплённую в подсознании. Сначала вещь представлена в наличном бытии как чувственно воспринимаемая, имеющая внешний образ (морфе), затем вещь идеализируется, перепредставляется (репрезентируется) сознанием в понятийной форме, в виде знака естественных или искусственных языков. Различение формирует в конце концов *эйдос* предмета, его понятийный образ. Наличное бытие, язык и психика индивида всегда переплетены в один неразличимый *контекст*, созданный «различением... согласно которому язык или всякий код, всякая система отсылок вообще конституируется “исторически” как ткань различий» [7, 182].

В отличие от субъект-объектного понимания репрезентации, представленного Декартом, аксиологическая концепция описывает этот процесс как целенаправленное создание знаковой системы — особого языка науки, саморазличающего в себе понятия в соответствии с задачами. Это творческий процесс. «Символы не просто отпечатки наличной действительности, а директивы движения духа, того идеального процесса, в котором реальность конституируется для нас как единая и многообразная, как множество форм, спаянных в конечном счете единством смысла... Если мы и останемся в пределах мира “образов”, то речь идет не о таких образах, которые отражают сущий в себе мир “вещей”, а об образных мирах, принцип и происхождение которых следует искать в автономном творчестве духа.

Лишь в них и посредством них существует то, что мы называем “действительностью”» [8, 44–45].

Познание как оценивание происходит исходя из задачи и из предельных условий существования предмета, называемых в философии *категориями*. Выдающийся немецкий философ Фриз впервые осознал необходимость придать понятиям ценности и использования статус категорий — исходных понятий, описывающих реальность. Категориальное познание задает различные направления различения. Эволюция формировала у животных разнообразные способности, помогающие в выживании и продолжении рода, в том числе и способность мыслить категориально. С помощью категорий «можно классифицировать доходящие до субъекта раздражители, идентифицировать их и придавать им более четкие коннотативные значения» [1, 58]. Разные способы различения формируют категориальный аппарат познавательной деятельности и определяют языковую форму такого различения. Во время чтения или слушания текста внимание фокусируется на значении слов, а не на их знаковой или звуковой форме. Мы полностью сознаем текст «на уровне нашего фокального восприятия, сохраняя одновременно определенную степень осознания текста также и на периферическом уровне» [13, 134].

Ценностное отношение в аспекте необходимости создания средств удовлетворения имманентных потребностей индивида фундирует бытие, творит его подручным. Всякая сущность имеет значимость, определяемую ее полезностью для реализации предзаданной сущностной потребности индивида. *Для нас нечто есть потому, что оно для нас ценно*. В фокусе научного познания, сознательно или бессознательно, всегда находится реализация потребности; знаковые системы (носящие как вещественный, так и понятийный характер) служат лишь орудиями достижения имманентно необходимого результата. Как орудия реализации ценностного отношения такие знаковые системы всегда ценны, всегда возникают в различении как реализации ценностного отношения.

-
1. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М., 2008.
 2. Бунге М. Философия физики. М., 1975.
 3. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985. С. 79–128.
 4. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М., 1994.
 5. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М., 2000.
 6. Декарт Р. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М., 1989.
 7. Деррида Ж. Голос и феномен. СПб., 1999.
 8. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1 : Язык. М. ; СПб., 2002.
 9. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб., 1998.
 10. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов : коллектив. моногр. М., 2011.
 11. Менский М. Б. Концепция сознания в контексте квантовой механики // Успехи физ. наук. 2005. Т. 175, № 4. С. 413–435.
 12. Микешина Л. А. Эпистемология ценностей. М., 2007.
 13. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985.
 14. Пуанкаре А. О науке. М., 1983.

-
15. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 2. М., 1986.
 16. *Хайдеггер М.* Бытие и время. Харьков, 2003.
 17. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
 18. *Шпильрейн С. Н.* Деструкция как причина становления // *Логос.* 1994. № 5. С. 207–238.
 19. *Barbon N. A.* Discourse concerning Coining the New Money lighter. In Answer to Mr. Locke's Considerations etc., L., 1696.

Рукопись поступила в редакцию 2 марта 2016 г.

УДК 111.11: 314.122-059.26 + 316.752.4 + 574.34

Л. И. Мосиенко

МАТЬ-ГЕРОИНЯ: МНОГОДЕТНОЕ МАТЕРИНСТВО В КОНТЕКСТЕ ГЕРОИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье обосновывается возможность рассмотрения понятия «мать-героиня» не только в рамках идеологического, но и философского дискурса. Автор считает, что многодетное материнство действительно можно рассматривать как одну из форм героизма. Анализ феномена материнства в контексте существующего в современном российском обществе героического дискурса позволяет по-новому взглянуть на демографическую ситуацию в России, увидеть ценностные основания процесса депопуляции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: депопуляция, ценности, материнство, дискурс, героизм.

Понятие «мать-героиня» ушло в прошлое вместе со многими другими идеологическими конструктами советской эпохи, а многодетное материнство уже не характерно для современного общества. Однако демографическая ситуация в России дает повод вновь задуматься над этим понятием и тем, что стояло за ним.

Среди трех основных показателей, из которых складывается демографическая ситуация (рождаемость, смертность и миграция), самым тревожным является показатель рождаемости, суммарный коэффициент которого составляет сейчас 1,7 ребенка (по данным Росстата за 2012–2014 гг.), то есть воспроизводство населения не обеспечивается.

Согласно последней переписи населения (2010) Российская Федерация по численности населения занимает восьмое место в мире. В сравнении с переписью населения 2002 г. население сократилась на 2,3 млн человек. При этом уменьшение численности населения происходило более высокими темпами, чем в предыдущий межпереписной период (в 1989–2002 гг. в среднем население страны ежегодно сокращалось на 0,09 %, в 2002–2010 гг. — уже на 0,2 %). Начиная с 1992 г. страна вступила в фазу открытой депопуляции. За 1992–2010 гг. разница между числом родившихся и умерших в России составила более 13 млн человек. (Убыль населения на 6,4 млн (на 48 %) компенсирована за счет миграционного прироста) [4]. Стабилизация этих показателей в 2012–2014 гг. большинством исследователей

интерпретируется как незначительная для общероссийских масштабов и вызванная временно действующими факторами.

В своем послании Федеральному собранию в декабре 2012 г. президент РФ особо выделил темы семьи и духовно-нравственных ценностей: «В начале XXI в. мы столкнулись с настоящей демографической и ценностной катастрофой, с настоящим демографическим и ценностным кризисом». Также из послания президента следует, что для преодоления демографического кризиса и укрепления государственных основ «нормой в России должна стать семья с тремя детьми» [13]. Однако количество семей, имеющих трех и более детей, сейчас составляет всего лишь 6 % (в Западной Европе 12–15 %), тогда как для простого воспроизводства населения примерно 35 % всех семей должны иметь троих детей, а 23 % — четверых и более [1].

Отечественные философы и социологи все чаще склоняются к тому, что «причиной резкого снижения рождаемости является системный кризис общества» [9, 322]. «Развивающийся в стране демографический кризис выходит за рамки только демографических процессов (рождаемость, смертность, брачность, разводимость, миграция). Научные исследования последних лет во многом направлены на изучение ценностного (аксиологического) фактора повышения рождаемости» [5, 2–3].

На фоне достаточно низкой эффективности мер материального стимулирования рождаемости, предпринимаемых в последние годы государством, следует задуматься над ценностными истоками материнства. Те, кто знаком с аналогичным опытом поощрения рождаемости в западных странах, не ждал чудес от таких мер и в нашей стране. Эти меры, конечно, необходимы, но очевидно, что кардинально проблему они не решат: демографическая проблема уходит своими истоками не только в экономическую, но и в духовную, ценностную сферу. Это исследование — попытка внести свой вклад в понимание данных истоков.

Напомню, что понятие «мать-героиня» появилось в рамках советского идеологического дискурса материнства. Звание было учреждено Указом Президиума Верховного Совета СССР в июле 1944 г. Оно присваивалось матерям, родившим и воспитавшим десять и более детей. С 1991 г. присвоение почетного звания «Мать-героиня» прекратилось. Однако в феврале 2013 г. в Госдуму был внесен законопроект о звании «Мать-героиня Российской Федерации». Почетное звание «Мать-героиня Российской Федерации» предлагается установить как высшую степень социального отличия женщины, родившей и воспитавшей пятерых детей до возраста 8 лет, в том числе усыновленных. В настоящее же время в Российской Федерации существует орден «Родительская слава» (утвержден в 2008 г.). Это возрождение советского ордена «Материнская слава» (7–9 детей), награждаются им оба родителя, и он представляет собой награду высшего уровня.

Не менее очевидно, что современный героический дискурс тоже разительно отличается от господствовавшего в советскую эпоху. Его трансформация отражает те изменения в ценностной сфере жизни общества, которые произошли в нем за последние десятилетия.

Итак, вот те проблемы, которые меня интересуют:

— «мать-героиня» — это только идеологический конструкт или возможно философское рассмотрение многодетного материнства как формы героизма?

— как изменения героического дискурса проявились в трансформации дискурсов материнства?

Думаю, на первый вопрос вполне можно ответить положительно: в полном соответствии с существующими философскими толкованиями героизма. Героизм — форма осуществления любой деятельности, которая социально значима и в которой превзойдена обычная мера человеческой силы и отваги. Превышение этой меры означает, как правило, сознательный риск своей жизнью, вплоть до самопожертвования. В этом плане вполне оправданны и философски, а не только поэтически, определения «героическая» по отношению к ряду профессий, где, несмотря на профессиональную подготовку и наличие специального снаряжения и техники, всегда существует повышенная опасность для жизни: пожарные, полицейские, военные, космонавты.

Многодетное материнство — вполне выдающееся свершение, имеющее позитивное социальное значение и требующее от женщины изрядного мужества (как бы это парадоксально ни звучало), стойкости и готовности к самопожертвованию. Несмотря на то что философы склонны видеть в деторождении (как и в самой женщине) проявление лишь «родовой стихии», очевидно, что рождение детей не вполне стихийное явление: во все времена существовали способы регулирования количества рождений, а особенно теперь (при эффективных мерах контрацепции) деторождение есть «головной процесс», а не чисто телесный. И если один-два ребенка еще могут появиться у женщины «случайно», то очевидно, что многодетность — результат сознательного выбора. Кроме того, при каждых родах женщина рискует своей жизнью и здоровьем.

Также очевидно, что рождение и воспитание детей (даже одного-двух) требует от женщины способности к самопожертвованию. Самопожертвование — это действительно то, что делает человека больше, чем просто человеком, не зря ряд философов (Ю. Китаёма, А. Морис) именно в жертвенности видели главный критерий героизма. Жертва — это форма диалога между людьми и богами (у язычников — буквально, у христиан — словесная жертва: молитва). К тому же история религий знает и самих богов в роли жертвы (Дионис, Христос). Обыкновенный человек следует инстинкту самосохранения: спасает себя, живет для себя — это естественно и просто; герой отдает (приносит в дар) свою жизнь другим (спасает других) — это сложно, это против обыкновенных человеческих инстинктов. Правда, Х. Ортега-и-Гассет считал, что героическое самопожертвование тоже может быть рассмотрено как проявление инстинктивного влечения к самосохранению. Да, кроме инстинкта самосохранения в плане витальном есть проблема самосохранения себя как духовного существа. Кроме того, есть самосохранение не личностное, а родовое: герой в своем деянии всегда утверждает нечто сверхличное, несет в себе некий универсум. Многодетная мать тоже несет в себе и утверждает сверхличное — жизнь человеческого рода.

Собственно, сила героя и имеет своим источником приобщенность к сверхличному. Поэтому образ героя легко переходит в образ жреца, святого, а его подвиг может быть уподоблен жертвоприношению, богослужению. Смыслом подвига является, по-сути, *восстановление сферы сакрального*. Через подвиг сакральное

как бы вновь проникает в профанный мир и удерживает его в состоянии космичности перед лицом грозящего хаоса. Хаос традиционно мыслился началом смерти и зла. Подвиг же социально и метафизически значим именно перед лицом некой опасности, угрожающей существованию мира, т. е. перед лицом смерти. Так что рождение и воспитание детей — это по сути своей вполне героическое деяние. Мифологическое мышление это понимало и обожествляло рождающую женщину. Советский идеологический дискурс материнства сконструировал понятие «мать-героиня» тоже не случайно: идеология — это современное инобытие мифологии, награждение высшим знаком отличия — светский аналог обожествления.

Думаю, можно даже утверждать, что многодетное материнство ближе всех других видов героической деятельности стоит к исходному понятию героического. У древних греков героями были только полубоги и уже потом простые смертные. «Однако это были всегда уже мертвые. Культ мертвых был зерном героической идеи. Понятие “герой” стояло рядом с понятием “почивший”. Лишь впоследствии, вообще говоря, только риторически, оно распространилось и на живущих. <...> Хотя титула героя риторика порой удостаивала и живущих, но в принципе он оставался почетным уделом только мертвых — подобно канонизации святых» [18, 327]. Автор этих строк, Й. Хейзинга, считает, что такая трансформация лишила понятие «героизм» его глубинного смысла. Однако с ним можно поспорить, если рассматривать смерть не как нечто отдельное от жизни, а как ее сторону; не как точечный, а как длительный процесс свершения жизни, ее завершения, оформления: родители как бы «умирают» в каждом своем ребенке. Мышлению древнего человека вполне свойственно такое понимание единства жизни и смерти, поэтому распространение понятия «герой» и на живых людей если и изменило смысл понятия, то не столь разительно, как кажется Й. Хейзинге.

Однако не тогда — в Древней Элладе, а сейчас — в современном мире — понятие героического действительно претерпело значительные изменения.

Итак, несмотря на то, что в известном перечне форм героизма Т. Карлейля (герой как божество, пророк, поэт, пастырь, писатель и вождь) [8] материнство не указано, я все же констатирую возможность не только идеологического, но и философского понимания многодетного материнства как разновидности героизма и перехожу ко второй заявленной проблеме. Что сейчас происходит с героическим, а значит — в его рамках — и с материнско-героическим?

Если обратиться к СМИ, то можно констатировать: о героическом пишут в основном в прошедшем времени — феномен ушел в прошлое. Публицисты, писатели и историки сходятся в одном: если в советскую эпоху героев нередко попросту конструировали, кризис героического в современной российской культуре — показатель того, что с ней что-то не так. Действительно, можно согласиться с Т. Карлейлем, что «уважение к героям, в различные эпохи проявляющееся различным способом, является душой общественных отношений между людьми и что способ выражения этого уважения служит истинным масштабом для оценки степени нормальности или ненормальности господствующих в мире отношений» [Там же, 329]. Героический подвиг, как я уже писала выше, это не только акт самовыявления, но и утверждение некоего универсума, т. е. единства мира, вскрытие

основы существования всех нас. Если в обществе героическому не стало места либо оно стало предметом иронического отношения, то вывод напрашивается один: общество переживает кризис своей идентичности, у этого общества нет единства в понимании высших ценностей, целей и задач.

Те, кто обеспокоен «закатом» героического, склонны возлагать вину на кого-то. Например, ругают СМИ (не интересуются героическим, а только скандалами, хотя примеры героического — даже в советском смысле этого слова — можно найти в сегодняшней жизни) либо современную российскую художественную литературу (нет героев, а только персонажи), политиков, стоящих у власти (нет госзаказа на положительный образ), а также и политиков, не стоящих у власти (оппозиция никак не может выдвинуть из своих рядов более-менее героическую личность). Некоторые причиной всех наших бед считают Запад — экспортера чуждых ценностей и образов.

Однако мне, как философу, очевидно, что кризис героического имеет глубинные *объективные* причины, восходящие не только к тенденциям развития нашего общества, но и к тенденциям общемирового масштаба, в результате которых изменилась культура, изменились человек, его отношение к миру и к самому себе. Героическое, герой — это образы *иной реальности, чем та, в которой живет современный человек*. «Проблема героического — это не только и не столько идеологическая проблема, но еще и мировоззренческая, экзистенциально-личностная. Она тесно связана с главной особенностью человеческой экзистенции — ее незавершенностью (имеющей онтологическое основание в смертности человека) и возможностью трансценденции» [12, 64].

В чем выражается «закат» героического в современной российской культуре? Вот результаты интернет-опроса «Героические идеалы в современной России» [6]: «на сегодняшний день в обществе присутствует ироничное, негативное отношение к героизму, но при этом не отрицается значимость и важность этого явления». Правда, само понятие «героизм» изрядно размыто: «Такие качества героя, как самопожертвование, мужество, инициативность, неординарность, стремление к великим целям, например, достижение справедливости, альтруизм, лидерство, не являются сегодня основными в его определении, они выступают в качестве второстепенных качеств». Особенно активно отвергается самопожертвование: «...смерть героя... проявление слабости, а не высшая точка героических усилий, которая служит доказательством того, что он отдал все, что у него было, и даже жизнь».

Философы и культурологи делают аналогичные выводы: образ героя в современном массовом сознании все больше трансформируется в образ супермена или даже просто кумира [10, 11, 16]. Супермен не совсем человек, в массовой культуре он либо биологический мутант (Бэт-Мэн, Человек-паук), либо киборг (Робокоп). За счет этого у него есть сверхспособности. Поэтому он достаточно далеко стоит от того обрыва, что называется самопожертвованием.

Самопожертвованию фактически нет места в современной культуре:

— есть тема *пожертвования*: не жизнью, конечно, а только деньгами, — фактически все кумиры и просто известные люди заняты благотворительностью

(природа этого явления с философской точки зрения тоже очень интересна, но, к сожалению, в рамках статьи нет возможности ее обсудить);

— есть еще и тема просто *жертвы*. Пожарный или полицейский, погибший при исполнении служебного долга, вполне мог бы быть проинтерпретирован как герой в классическом смысле этого слова, но современные СМИ обычно подают новости так, что эти люди предстают *не героями, а жертвами*, только жертвами — чужой халатности, несчастного случая, стечения обстоятельств (примеры этого плана — в [17]).

На мой взгляд, это свидетельствует о том, что в современном мире человеку вообще очень сложно быть субъектом социальной деятельности, а не винтиком в большой социальной машине. Есть просто обезличенное существование и есть — в случае какой-то поломки этой машины — хаос и абсурдность мира, где действует нелепая случайность. Субъектность сохраняют за собой только супермены и кумиры.

Теперь посмотрим на то, что происходит с материнством.

Ведущая тема многодетного родительства в СМИ — это тема недостатка многодетной семьи в материальных ресурсах и равнодушного отношения к нуждам этих семей со стороны местных властей. Фактически многодетные родители тоже предстают в образе *жертв*! Это особенно удивительно на фоне правительственной риторики и государственной озабоченности проблемой депопуляции: почему бы не создавать образ счастливой многодетной семьи и не превозносить героичность многодетных родителей? Однако «героями» в нашем случае выступают само правительство или те же журналисты, которые берут на себя функции спасителей и защитников многодетных родителей перед лицом угрожающих им материальных проблем. Действительно, при ближайшем рассмотрении, в рамках современного идеологического дискурса, героем без кавычек является только само государство, сражающееся с драконом-депопуляцией и спасающее общество от того хаоса, что влачит за собой его хвост: т. е. от массы этнических, экономических и конфессиональных проблем в качестве последствий депопуляции. Многодетная мать всего лишь неразумная и несчастная дочь этого героя.

Образ счастливой многодетной семьи можно обнаружить, пожалуй, только в религиозном дискурсе материнства. Однако он не пользуется большой популярностью в обществе.

Кроме идеологического (патриотического, как его иногда называют) и религиозного дискурсов материнства в современном российском обществе исследователи выделяют еще один дискурс — «гламурный»: «капиталистический дискурс декоративной женщины, мудро выполняющей заветы природы и производящей младенцев, прекрасных, как продукция Chanel» [14]. Однако многодетность такой женщине свойственна лишь в случае ее финансовой состоятельности.

Многодетность является позитивной ценностью только в идеологическом и религиозном дискурсах. Современное российское государство продвигает идеологический и всячески поддерживает религиозный дискурсы материнства. Однако не менее очевидно и иное: несмотря на достаточную лояльность большинства российских граждан к демографической политике государства, ни первый,

ни второй дискурс не пользуются поддержкой в массовом сознании, не являются доминирующими. Многодетность в современном массовом сознании приравнивается к «отклоняющему поведению» (см. социологическое исследование [5], а также сайт многодетных родителей [15]) и *осуждается* сродни тому, как когда-то осуждалась половая распущенность: люди себя не контролируют, а надо!

Почему многодетность вызывает отторжение массового сознания? Это тема для отдельного всестороннего исследования. В рамках же размышления о героическом можно констатировать: осуждение всегда есть проявление страха перед хаосом, который явно или неявно несет в себе осуждаемое явление. Придется сделать вывод, что современный массовый человек усматривает в многодетности некую *угрозу*. Значит, многодетный родитель ни в коем случае не может быть героем: он не защищает общество от хаоса, он сам — провокатор хаоса.

В чем заключается эта угроза? Рискну предположить, что современный массовый человек боится... самой жизни: именно она олицетворяет хаос, неподвластный упорядочиванию, организации и осмыслению. Если использовать терминологию Э. Фромма, то можно сказать и так: в современном массовом человеке, опасющемся многодетности, гораздо больше некрофила, чем биофила. Дети, как олицетворение буйства и цветения жизни, ее полноты и непредсказуемости, так плохо вписываются в рутинный порядок современного города, в образ жизни современного офисного служащего, в прагматизм его мышления и в рациональность культуры как таковой. *Полноты жизни современный человек боится гораздо больше, чем смерти*. Это и не удивительно: если следовать мысли Ж. Бодрийяра [3], то он уже давно... мертв. В современной культуре вот уже лет триста предпринимается попытка заменить органическое понимание смерти механическим (смерть — поломка механизма) и *отделить* жизнь от смерти. Можно согласиться с Бодрийяром, что такое усилие чревато тем, что смерть, став незаметной, стала присутствовать во всем.

Изменилось отношение к смерти — изменился и смысл деторождения. Точнее — они оба потеряли смысл. Смысл чего-либо возможен только в рамках диалога. Если развить мысли Бодрийяра о символическом обмене, то можно сказать так: на протяжении большей части истории человечества смыслом деторождения был *диалог с предками*, с умершими (кстати, детей ведь нередко называют именами родителей или бабушек-дедушек). Для родового, телесного человека такой диалог был естественным, более того, он был основой его жизни, способом самоутверждения. Дарение новой жизни миру — это своего рода «возвращение долга» предкам, которые когда-то подарили жизнь тебе.

Однако диалог с мертвыми не характерен для современного мира: на место символического обмена в капиталистическом мире пришел экономический обмен. На место жертвоприношения, которое всегда было формой диалога с Богами, пришла благотворительность, которая есть всего лишь диалог с людьми. Рождающий раздаривал себя, жертвовал собой, уваживал собой новую жизнь. Он умирал (символически) в каждом новом ребенке. Это было естественно и необходимо в рамках того мировоззрения, где смерть была не чем-то отдельным от жизни, а одной из сторон ее процесса.

Современный человек не желает умирать в своем ребенке. Он не хочет или не умеет дарить себя предкам. Для него глупо вступать в диалог с мертвыми, тем более символически: у него не символическое, а предметное мышление. Атомизированный индивид капиталистической эры не хочет вмещать в себя не только универсум, но и род. Бодрийяр бы сказал, что он уже мертв, а мертвые не рожают, добавлю я. Жизнь лежит на путях коммуникации с миром — на путях принятия дара и отдаривания, на путях символического обмена. Выпавшие из этого обмена, как любые замкнутые системы, вырождаются. Мы имеем депопуляцию; неудивительно, что она, как считают некоторые исследователи, к концу столетия может оказаться проблемой всего мира [1, 2].

Атомизированный индивид не умеет отдавать не беднея, он готов только к эквивалентному обмену, но не к дару, к благотворительности, но не к самопожертвованию. Дети в современном мире — это своего рода благотворительность. Как и благотворительность, это удел богатых. Поэтому так много говорится об экономических стимулах рождаемости: буду богатым — займусь благотворительностью, т. е. рожу ребенка, может даже двух.

Мы видим аналогичность трансформаций, происходящих как с образом героя, так и с образом матери. Это сходство становится очевидным, если приглядеться к тому, какое материнство сейчас наиболее «популярно»? В рамках условно обозначенного «гламурного» дискурса материнства все большую силу приобретает одна из его разновидностей, которую в литературе уже окрестили феноменом «интенсивного материнства». К сожалению, по данному явлению нет серьезных научных исследований. Однако очертания его уже видны. Общество с легкостью простит женщине бездетность, но не простит, если ее единственный ребенок не воспитан, не обеспечен, не образован и не «упакован». Значение сего явления для общества оценивается неоднозначно: есть исследователи [7], которые именно в интенсивном материнстве видят причины небольшого всплеска рождаемости. Однако они же противоречат сами себе, говоря о том, что установленные в обществе стандарты материнства не только не способствуют многодетности, но и препятствуют материнству как таковому: даже один ребенок требует такого интенсивного вложения со стороны матери, которое трудносовместимо с ее профессиональной деятельностью во внешнем мире.

Однако, независимо от того, уйдет ли женщина с работы, чтоб «вплотную заняться ребенком», как этого требуют стандарты интенсивного материнства, или все же она изыщет возможности совмещать то и другое (думаю, и дальше будет превалировать все же второй вариант), абсолютно ясно одно: «интенсивное материнство» не предполагает многодетности.

Рассматривая материнство сквозь призму героического дискурса, можно сказать, что появление интенсивного материнства вполне симптоматическое явление. На смену героям пришли супермены. На смену матери-героине — интенсивная мама, которая является, по-сути, аналогом образа супермена в рамках материнского дискурса: «супервумен». Она может все и успевает все, она осуществляет порядок и руководство, она держит все под контролем.

Итак, взглянув на материнство сквозь призму героического дискурса, мы поняли:

1. В феномене материнства гораздо больше героического, чем может показаться на первый взгляд: оба феномена имеют одну метафизику смерти, оба феномена уходят своими корнями в культуру «символического обмена», оба утверждают родового человека. Поэтому многодетное материнство можно считать проявлением героического не только в рамках идеологического, но и философского дискурса.

2. Кризис образа матери-героини есть проявление кризиса в современной культуре героического как такового. Несмотря на усилия идеологического дискурса материнства, мы видим ироническое и даже враждебное отношение к многодетному материнству в массовом сознании. Аналогичное отношение наблюдается и к образу классического героя, особенно к его сущностной черте — самопожертвованию. Обоих — героя и многодетную мать — массовое сознание склонно обвинить в недостатке рационализма, чрезмерности их усилий и наивности их жизненных установок. Во всем этом массовое сознание подозревает начало хаотическое и потому опасается. Причины данного негативного настроения — в изменившемся отношении человека к своей смертности.

3. Анализ экзистенциальных и социокультурных сдвигов, лежащих в основе кризиса ценностей героизма, выводит нас к необходимости констатировать неуместность образа героя (и матери-героини соответственно) в рамках господствующей картины мира, основ современной культуры и экзистенциального мира современного человека. Более того, эти трансформации находятся в русле ведущих тенденций развития новоевропейской культуры и техногенной цивилизации. На смену родовому человеку пришел атомизированный индивид.

Это значит, что даже самые оптимальные экономические и социальные программы самого мудрого правительства не спасут нас от депопуляции: культура, где герои и многодетные матери были востребованы и духовно, и социально, ушла в прошлое. Ситуация безнадежна.

4. Однако образ героя и матери не исчез совсем, но качественно трансформировался, причем аналогично: в образе интенсивного материнства фактически воспроизводятся черты супермена.

Итак, мы видим одновременный кризис и аналогичные трансформации ценностей героизма и ценностей материнства, что говорит о том, что проблема депопуляции не только зависит от экономической и социальной политики правительства, но и уходит своими корнями в цивилизационные сдвиги, которые происходят со всем миром и с нашим обществом тоже.

1. Антонов А. И. Многодетная семья в эру депопуляции (результаты всероссийского исследования многодетных матерей): сайт demographia.net. URL: <http://demographia.net/mnogodetnaya-semya-v-eru-depopulyacii-rezultaty-vserossiyskogo-issledovaniya-mnogodetnyh-materey> (дата обращения: 30.08.2014).

2. Белобородов И. И. Чем опасна ложная демография? // Чем опасна ложная демография? [М., 2014]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=d2UndjPfPAM> (дата обращения: 30.08.2014).

3. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2006.
4. Всероссийская перепись населения 2010 года [М., 2010]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perepis-2010.ru/news/detail.php?ID=7741> (дата обращения: 30.08.2014).
5. *Грудина Т. Н.* Ценностные ориентации многодетной семьи в России : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2014.
6. *Дорохова О. А.* Героические идеалы в современной России (по результатам проведенных интернет-дискуссий, сент.–нояб. 2006 г) : сайт «Экологическая этика: информационная сеть». [М., 2006]. URL: <http://www.econet.mrsu.ru/id26/post/19> (дата обращения: 11.08.2014).
7. *Исупова О. Г.* ТыЖеМать: неизбежный героизм и неизбежная вина материнства : сайт «Семья растет» [М., 2014]. URL: <http://www.semya-rastet.ru/gazd/4798/> (дата обращения: 30.08.2014).
8. *Карлейль Т.* Герои, почитание героев и героическое в истории // Карлейль Т. Теперь и прежде. М., 1994.
9. *Клутт М. А.* Демография регионов Земли. СПб., 2008.
10. *Кривошекова Г. А.* Герои и героизм в культурно-историческом бытии народов Европы и России : дис. ... канд. филос. наук. Тюмень, 2003.
11. *Лукьянова Р. А.* Философия истинности героизма : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2012.
12. *Мосиенко Л. И.* Закат героического как социокультурная и экзистенциальная проблема // Национальные приоритеты России : науч. журн. Омск, 2010. № 1(3). С. 60–76.
13. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию 12 декабря 2012 года : новостной сайт «Президент России» [М., 2012]. URL: <http://kremlin.ru/news/17118> (дата обращения: 30.08.2014).
14. *Рахманинова Д. М.* Материнство как идеология: тенденции, проблемы, перспективы : сайт «РУниверс» [М., 2014]. URL: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/461048/> (дата обращения: 21.08.2014).
15. Семья растет : сайт «Семья растет: про семью и для семьи». URL: <http://www.semya-rastet.ru/> (дата обращения: 20.08.2014).
16. *Серединская Л. А.* Социальная онтология героизма : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2012.
17. *Ухов Е.* Герой нашего времени : сайт общественно-политической газеты «Республика Татарстан». Вып. № 60–61 от 25.03.2008. URL: <http://www.rt-online.ru/articles/rubric-72/75482/> (дата обращения: 30.08.2014).
18. *Хейзинга Й.* В тени завтрашнего дня // Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 241–367.

Рукопись поступила в редакцию 14 августа 2015 г.

УДК 342.8 + 321.01 + 323.21 + 323.22

А. А. Керимов

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ: ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Целью статьи является анализ факторов, влияющих на становление избирательной системы, и выявление наиболее подходящей модели избирательной системы для современной России, способной приводить к созданию воспроизводящихся электоральных правил, установлению системы конкурентной борьбы при формировании органов государственной власти, а также условий для становления и развития сильных политических партий.

Ключевые слова: электоральный процесс, избирательные системы, пропорциональная система, мажоритарная система, смешанная система, политическая власть, партийная система.

Какой тип избирательной системы более приемлем для того или иного государства, решается с учетом его национальных традиций государственного строительства, этнической, межконфессиональной специфики взаимоотношений в обществе, особенностей менталитета и политической культуры граждан, но в то же время «выбор избирательной системы зависит от степени влиятельности договаривающихся акторов, а точнее, от сравнительной силы старых и новых элит» [14, 207–223].

Большинство европейских стран до середины XIX в. при формировании выборных органов власти пользовались мажоритарной системой, но вследствие развития политических партий эта система постепенно была заменена пропорциональной. И начиная с этого момента пропорциональная система получает широкое применение при формировании не только парламентов, но и органов местного самоуправления. В течение XX столетия пропорциональная система стала господствующей в политической системе практически всех европейских государств. Принципа мажоритарности на современном этапе по традиции придерживаются при формировании палаты общин в Великобритании, а также при выборе членов Национального собрания Франции, а в ряде стран, например,

в Германии, Греции, Италии и др., с целью использования преимуществ обеих систем на практике применяется смешанная избирательная система.

В России в постсоветский период при формировании законодательных органов в 1993–2003 гг. применялась смешанная система, а в 2007–2011 гг. — пропорциональная. При этом заметно, что смена избирательных систем в современной России совпадает не только со сменой персоналий высшей власти в стране, но и с изменениями проводимого ими политического курса.

Очень часто в избирательной системе видят лишь порядок проведения выборов и распределения мандатов по результатам голосования, но это далеко не так. Вопросы избирательной системы прежде всего вопросы власти. Политические силы, борющиеся за власть, оценивают избирательные системы по той выгоде, которую они будут иметь в конечном результате. Избирательная система определяет электоральную стратегию участников выборной кампании, оказывает огромное влияние на партийное строительство и процессы легитимации политической власти. Правильно выбранная избирательная система в условиях многомерности социетальных расколов в обществе способна предоставить всем политическим силам возможность реализовать свое электоральное призвание. При выборе типа избирательной системы нужно исходить не из сиюминутных соображений, а из того, насколько тот или иной ее тип будет способствовать развитию политических партий, становлению многопартийности, демократизации страны в целом.

Избирательное законодательство является тонким индикатором происходящих в обществе политических процессов, и поэтому электоральные «правила игры» нередко пересматриваются и подвергаются изменениям. Но в развитых странах эти изменения преследуют цели совершенствования электоральных правил, в России же избирательное законодательство пересматривалось неоднократно самым радикальным образом, в результате чего страна каждый раз переходила к новой избирательной системе. Это можно объяснить стремлением к поиску оптимальной модели избирательной системы, но в то же время необходимо отметить, что подобные коренные изменения осуществлялись не по причине структурных социально-политических сдвигов в обществе, а в соответствии с узкокорпоративными интересами политической элиты. Как показывает мировой опыт, частый переход от одной избирательной системы к другой дезориентирует избирателей, в результате чего у электората вырабатывается негативное отношение к выборам и ко всему, что связано с данным процессом.

При выборе избирательной системы решающую роль играет соотношение приоритетов: если во главу угла ставится принцип соблюдения представительности, то выбор делается в пользу пропорциональной системы, а если же речь идет о создании устойчивого правительства, то предпочтение отдается мажоритарной. На наш взгляд, нельзя противопоставлять эти две системы, исходя из принципа представительности или эффективности. Безусловно, обе системы не лишены как достоинств, так и недостатков, но при этом необходимо исходить из того, что мировая электоральная практика не знает идеальных процедур проведения выборных кампаний.

Основываясь на вышесказанном, необходимо проанализировать факторы, влияющие на становление избирательной системы, и выявить наиболее подходящую модель избирательной системы для России, способную сыграть немаловажную роль в процессе легитимации политической власти. Среди многочисленных факторов, которые оказывают определяющее влияние на становление избирательной системы, обычно выделяют следующие: «1) характер взаимоотношений органов публичной власти; 2) территориальное построение государства; 3) особенности партийной системы государства; 4) менталитет граждан» [12, 12–17].

Пожалуй, главным фактором, влияющим на характер избирательной системы, является специфика взаимоотношений между различными ветвями власти, определяемая Конституцией. Если в государстве практикуется президентская форма республиканизма, то здесь парламент будет иметь несколько приглушенный характер, а если же при создании государственных органов применяется принцип парламентаризма, то в таком случае роль парламента в политической системе общества будет преобладающей.

В условиях президентализма правительство в меньшей степени зависит от парламента. Его устойчивость определяется прежде всего экономической и политической стабильностью в обществе. Поэтому модель парламентаризма, существующая в президентских республиках, рассматривается в качестве инструмента по обеспечению консенсуса в обществе, и достижению этой цели служит пропорциональная избирательная система, которая способна создать условия для наиболее полного представительства и передать разнообразие общественных взглядов в парламенте.

Сочетание президентализма с пропорциональной избирательной системой в мировой практике не получило широкого распространения. Такой симбиоз характерен прежде всего для стран Латинской Америки. Как отмечают российские специалисты, в этих странах переход от мажоритарной избирательной системы к пропорциональной состоялся на волне демократизации данных обществ и явился итогом политического компромисса. Пропорциональная система в этих обществах рассматривалась в качестве инструмента по обеспечению справедливого представительства в парламенте и борьбы с авторитарными тенденциями в политической власти [1, 264]. Однако опыт данных же стран свидетельствует о том, что избирательная система не может выступить гарантом демократического развития, поскольку она в сложной конструкции демократического обустройства хотя и занимает важное место, но тем не менее может стать эффективной только в том случае, если все участники политического процесса в равной степени признают и соблюдают принятые электоральные правила, если в обществе осознают и принимают демократические ценности и т. д.

В политической науке общепринятым является тезис о несовместимости президентализма с пропорциональной избирательной системой. Об этом в своих работах неоднократно упоминали С. Мейоринг и Х. Линц. Смысл сказанного заключается в том, что сильная президентская власть несовместима с сильными партиями. В случае формирования парламента на основе пропорциональной системы, где избиратель непосредственно голосует за политическую партию, возникает ряд

потенциальных опасностей во взаимоотношениях президента с законодательной властью, которые являются угрозой для демократии [8, 54–55; 15, 198–228].

Из истории известно, что успехи в развитии демократии в большинстве западноевропейских государств в немалой степени связаны с переходом к пропорциональному представительству. Безусловно, как отмечал Т. Джефферсон, народ «не компетентен брать на себя обязанности исполнительных органов; но он компетентен назвать человека, который этим будет заниматься. Он не компетентен издавать законы; поэтому он только избирает законодателя» [13, 26]. Высказывание Т. Джефферсона с точностью раскрывает суть представительной демократии, которая предполагает создание собрания народных избранников и формирование правительства, ответственного перед этим собранием. Для достижения данной цели более приемлемой является пропорциональная избирательная система, которая «исходит из видения нации как политического единства, постоянно формирующегося в конкуренции интересов, программ и идеологий» [4, 95]. С этой точки зрения важные, общественно значимые проблемы могут быть разрешены лишь в том случае, если они найдут отклик на самом высоком общенациональном уровне. В подобных случаях необходимо формировать представительное собрание на основе конкуренции между различными политическими партиями, представляющими интересы практически всех слоев общества. Реализация на практике идеи самодостаточного представительного собрания будет находиться в полном согласии с принципом разделения властей и способствовать развитию политических партий.

Не в меньшей степени на выбор избирательной системы и ее развитие оказывает влияние такой фактор, как территориальное построение государства. В относительно однородных государствах с сильными традициями федерализма более приемлемым представляется выбор в пользу мажоритарной системы. Территориальный принцип организации общества объединяет людей вокруг локальных проблем и предполагает обязательность присутствия в парламенте представителя каждого округа, поскольку ему в обязанность вменяется защита прежде всего интересов своего округа.

Существует мнение о том, что мажоритарная система способствует поддержанию более тесных контактов депутата со своими избирателями. Допустим, состав Государственной думы формируется строго на основе мажоритарной системы, в результате получим соотношение представительства 1 депутат на 225 тыс. избирателей. Как видим из данного простого расчета, вряд ли при таком соотношении депутат/избиратель можно вести речь об интенсификации связей между электоратом и его представителями. Улучшение системы обратной связи может быть достигнуто и другими, более эффективными способами, например, пересмотром применяемой в настоящее время в России пропорциональной системы, предполагающей наличие единого общенационального округа.

В некоторых государствах подобная система практикуется, но она характерна преимущественно для малых стран, примером чего может служить эффективность функционирования одноокругной системы в Нидерландах и Израиле, располагающих небольшими территориями при высокой степени однородности

населения. Для России же с ее огромными просторами, сложным этноконфессиональным составом и имеющимися глубокими социетальными размежеваниями такая система не представляется пригодной.

Немалое влияние на выбор избирательной системы оказывают особенности партийной системы государства. Существует мнение, что пропорциональная система способствует появлению множества мелких партий и проникновению их в парламент, что в конечном счете приводит к снижению работоспособности парламента. Представляется, что данный тезис не совсем корректен, поскольку опыт некоторых стран свидетельствует о том, что переход от пропорциональной избирательной системы к мажоритарной существенно не влияет на количество партий. Необходимо исходить из того, что количество партий в обществах с устойчивой политической системой определяется в большинстве случаев естественным ходом развития и становления демократических начал в обществе и прежде всего на основе социетальных размежеваний. Кроме того, мировая практика знает другие способы ограничения появления новых партий и их попадания в парламент. Это, во-первых, введение процентного барьера, устанавливающего, какой процент голосов должна получить политическая партия, чтобы быть представленной в парламенте; во-вторых, ужесточение правил регистрации новых политических партий при одновременном расширении возможностей для уже существующих; в-третьих, либерализация правил регистрации новых партий с одновременным ужесточением правил участия в выборных кампаниях и т. д.

Традиционно сторонники мажоритарной системы отмечают, что «эффективным средством для преодоления конфликта между двумя формами представительства — партийным и гражданским — является проведение выборов в законодательные органы только по мажоритарной избирательной системе с обеспечением равного права участия в них объединений граждан, а не только политических партий» [7, 251] и что «представление о демократии как о конкуренции предполагает главной задачей голосования признание лидерства, а не воспроизведение конфигурации различных интересов и мнений избирателей на уровне выборных собраний. Поэтому предпочтение следует отдать мажоритарной системе, которая вносит элемент эффективности в систему, которая в других отношениях отличается весьма невысокой эффективностью» [6, 174].

Безусловно, неправильно отрицать тот факт, что в современных условиях любое правительство нуждается в некоторой независимости от партийно-политических программ, поскольку становится все сложнее предвидеть все события, на которые правительствам приходится реагировать. Если в существующих обстоятельствах требуется определенная независимость депутатов от избирателей, то кандидатам в депутаты логичнее предлагать электорату свою способность принимать нужные решения, вместо того чтобы связывать себе руки конкретными обещаниями, а избиратели должны осознавать, что правительству приходится иметь дело с непредсказуемыми обстоятельствами. Тогда, с точки зрения электората, «личное доверие, которое внушает кандидат, — более подходящее основание для выбора, чем оценка планов будущих действий. Доверие, столь важное для исток-ков представительного правления, снова занимает центральное место» [10, 274].

Избиратель должен предоставить депутату, правительству определенную свободу в отношении выбора инструментов и способов выполнения программ. Но при этом относительная независимость власти от избирателей вовсе не означает ее полнейшую безответственность. Современный избиратель сохраняет за собой решающую власть, которой он наделен при представительном правлении, а именно власть смещать представителей, чью деятельность он находит неудовлетворительной.

Избиратели не образуют однородную массу, которую можно как угодно поделить в соответствии с политическими предпочтениями. Они объединяются в различные партии, движения в соответствии с теми социетальными расколами, которые имеются в обществе. Но при этом очевидно, что ни один социально-экономический или культурный раскол не является более важным и устойчивым, чем любые другие.

С. Липсет и С. Роккан, разъясняя суть теории социетальных расколов (размежеваний), отмечают, что партийные системы Западной Европы были структурированы вокруг четырех социетальных конфликтов: «центр — периферия, государство — церковь, город — село и собственники — наемные работники» [9, 210]. Сами конфликты явились порождением модернизационных процессов в странах Западной Европы. Первые два конфликта возникли в ходе создания национальных государств, а другие два — в ходе индустриальных революций. Дальнейшее развитие западноевропейских обществ привело к институционализации этих расколов, которые впоследствии предопределили структуру партийной системы. По мнению этих же специалистов, постепенная стабилизация структуры социетальных размежеваний сыграла важную роль в упорядочении политических предпочтений электората и стабилизации электорального поведения в странах Западной Европы в послевоенный период [9, 210]. Таким образом, можно констатировать, что количество партий в политической системе общества напрямую зависит, с одной стороны, от количества социетальных размежеваний, характерных для данного общества, с другой, от установленных электоральных правил, позволяющих участникам политического процесса в разной степени политизировать отдельные социетальные размежевания.

Применительно к российской политической действительности, кроме классических линий размежеваний, можно выделить и следующие, например, традиционный для российского общества раскол «труд — капитал», «либерализм — этатизм», «традиционализм — модернизация», ценностные расколы по линии «интернационализм — ксенофобия», «толерантность — нетерпимость» и т. д. Этот ряд можно продолжить, но считаем, что вышеперечисленные линии раскола вкупе с классическими на российской почве приобретают особую важность и определяют партийную структуру.

Часто меняющиеся электоральные правила негативно влияют на процесс укоренения в сознании избирателей идеи партийного строительства. Каждый электоральный цикл в России характеризуется появлением немалого количества новых партий, которые, в силу своей слабости, не могут выступить в качестве полноценных коммуникационных каналов, формирующих отношение граждан

к политической системе, политической конкуренции. Наоборот, происходит обратный процесс, особенно в переходных обществах, где граждане только приобщаются к демократическим ценностям. Здесь появление новых партий вызывает подвижность электоральных предпочтений и порождает нестабильность.

Данная нестабильность выражается в том, что на выборах новые партии в силу своей новизны обычно пользуются немалой популярностью и в большинстве случаев им сопутствует удача. Таким образом, своим успехом они вносят сумятицу в электоральную борьбу, дезориентируют избирателей, определяют природу политических процессов, и в конечном результате их успех оказывает негативное влияние на процесс партийного строительства, значительно понижает качество представительства избранного органа и предсказуемость политики, которые так необходимы для устойчивого политического развития общества.

Причинами электоральной подвижности обычно являются организационно-структурная слабость партий, слабые связи с избирателями, преобладание партий персоналистского типа, низкий уровень политической и электоральной ответственности партий и т. д. На российской почве эти факторы еще более усиливаются на фоне частых изменений избирательного законодательства и стремления властей брать под свой полный контроль электоральный процесс. Так, на парламентских выборах 1995 г. из 15 допущенных к участию партий и объединений 8 (53 %) были новыми образованиями, в 1999 г. — 19 из 27 (70 %), в 2003 г. — 17 из 23 (74 %), в 2007 г. — 3 из 11 (27,3 %), в 2011 г. — 2 из 7 (28,6 %) [11].

Российская практика проявления неустойчивости электоральных предпочтений свидетельствует о незавершенности процесса социально-политического структурирования общества, слабости партийной системы, отсутствии авторитета партий, разочаровании граждан в деятельности уже знакомых им партий. Как показывают цифры, с 2007 г. уменьшается число новых партий, начинается процесс их укрупнения и ужесточения правил регистрации новых партий и допущения их к выборам. Таким образом, необходимо отметить, что электоральная подвижность, выражающаяся в регулярном обновлении от выборов к выборам когорты партий-участниц в избирательных кампаниях, не способствует институционализации партийной системы. Электоральное поведение носит достаточно рациональный характер. В частности, это выражается в стремлении граждан не отдавать свой голос за заведомо непроходные партии на парламентских выборах. Таким образом, происходит упорядочивание партийной системы. Поэтому «эволюционное изменение партийной и электоральной систем, в рамках которого сохраняется преемственность и партий, и базовых избирательных процедур от одного электорального цикла к другому, способствует укреплению партийной системы в целом и электоральных практик в частности» [3, 110].

В немалой степени выбор избирательной системы зависит от менталитета народа и степени осознания им важности электорального участия. В большинстве стран мира, как и в России, голосование на выборах — это право, но не обязанность граждан. Эта норма зафиксирована в п. 2 ст. 32 Конституции РФ. Однако, как показывает опыт прошлых электоральных циклов, существующая ситуация слабо мотивирует население участвовать в выборах.

Периодически в России озвучивается идея введения института обязательного голосования [2]. Необходимо отметить, что практика принуждения к голосованию уже действует более чем в 20 странах, в том числе и демократических. Например, эта норма работает в Австралии, Австрии, Бельгии, Германии, Греции, Люксембурге, Швейцарии, где голосование является обязанностью граждан. В некоторых странах за неявку предусмотрены штрафные санкции, даже аресты. Так, например, в Австрии за отказ от участия в муниципальных выборах налагается штраф в размере 400 евро, в остальных выборах — в размере 700 евро. В других государствах размер налагаемых санкций ниже: в Австралии 11 евро, в Бельгии 25–50 евро. В Греции за отказ от голосования предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от одного месяца до одного года [5].

Накопленный мировой опыт позволяет выявить как позитивные, так и негативные стороны практики обязательного голосования. С позитивной стороны отметим, во-первых, что внедрение принципа обязательности участия в выборах снижает вероятность использования бюллетеня непроголосовавшего гражданина в интересах определенного кандидата; во-вторых, повышение явки избирателей на выборах содействует увеличению представительства избираемых в выборных органах; в-третьих, принцип обязательности голосования на выборах повышает доверие населения к институту демократических выборов; в-четвертых, обязательное голосование содействует формированию гражданственности; в-пятых, обязательное голосование способствует достижению согласия в обществе. Негативными моментами являются следующие: во-первых, участие в выборах не гражданская обязанность, но, скорее, право гражданина; во-вторых, обязательное голосование нарушает еще одну группу прав — свободы совести; в-третьих, отказ от участия в голосовании — последний довод гражданина, столкнувшегося с произволом, для отстаивания собственной позиции; в-четвертых, отсутствие в бюллетене графы «Против всех» стимулирует к отказу от участия в выборах.

Таким образом, мы считаем, что принуждение к голосованию является нарушением базовых свобод. Иногда неявка на выборы — это сознательный политический шаг, демонстрация того, что никто из кандидатов не представляет интересы избирателя. Полагаем, базовая свобода в демократическом обществе — свобода слова — предполагает и право на молчание.

Итак, выявив основные факторы, влияющие на выбор избирательной системы, мы должны определиться, какая же система — пропорциональная, мажоритарная или смешанная — является оптимальной для современной России.

Российское общество сегодня не готово к применению ни пропорциональной системы, ни мажоритарной по отдельности. В условиях незавершенности процесса социально-политического структурирования общества и слабого развития партийной системы применение пропорциональной системы способно привести к чрезмерной концентрации государственной власти в руках представителей только одной политической партии, созданию в парламенте однородного конституционного большинства, с чем российское общество уже сталкивалось. Принадлежность парламентского большинства только одной политической партии и ее монопольное положение в формировании остальных ветвей власти

(исполнительной и судебной) является не самой удачной формулой государственного управления. Такое положение дел не способствует достижению национального согласия в обществе, максимальной сбалансированности всех ветвей власти, их функционированию в строгом соответствии с требованиями Конституции.

Конституционное большинство в законодательном органе одной только партии прямо или косвенно приводит к нарушению системы «сдержек и противовесов» властей, частому, не всегда взвешенному и оправданному изменению законодательства в угоду правящему большинству, а то и по «заказу» лоббирующих групп, приближенных к власти. Диктат одной партии в обществе со слабыми демократическими традициями приводит к фактическому отстранению от управления государственными делами других партий и политических движений, к ограничению реальных возможностей народа влиять на процесс государственного управления.

Формирование же парламента на основе только мажоритарной системы может привести к атомизации депутатского сообщества, которое легко превратится в данном случае для власти в более управляемую массу, где проще будет договариваться с каждым депутатом по отдельности, нежели с организованной группой в рамках политической партии. Аморфная структура парламента создаст немало предпосылок для манипулирования поведением депутатов в ходе парламентской деятельности. Кроме того, формирование законодательного органа на основе мажоритарной системы не будет способствовать политическому самоопределению общества и политическому структурированию парламента в целом.

Представляется, что применение смешанной системы при формировании законодательного органа на данном этапе развития российского общества было бы наиболее верным. Такой подход к формированию парламента, на наш взгляд, в наибольшей степени способствовал бы реализации конституционных прав граждан избирать и быть избранными, реальному участию в управлении государственными делами более широких слоев населения, политических партий и движений, сбалансированности ветвей власти. Кроме того, смешанная избирательная система расширяет права избирателя, предоставляя ему два голоса. Голосуя за партийный список в рамках пропорциональной части, избиратель отдает предпочтение той партии, которая, на его взгляд, в наибольшей степени отражает его интересы, а выбирая одного из кандидатов по мажоритарным спискам, избиратель выбирает того, кто, по его мнению, заслуживает доверия.

Таким образом, полагаем, что внедрение смешанной системы в равной степени будет способствовать развитию партийной системы, налаживанию связей депутата со своими избирателями.

Результаты анализа мировой практики формирования законодательных органов и в особенности анализ функционирования всех ветвей власти в России за последние годы только подтверждают право на существование смешанного варианта формирования Государственной думы. Однако смешанная система формирования законодательного органа может быть жизнеспособной только при условии законодательного закрепления и строгого соблюдения следующих

положений: недопустимость вхождения депутата, избранного по одномандатному округу, в состав какой-либо партийной парламентской фракции (при этом депутаты-одномандатники могут иметь право на создание своей фракции одномандатников); введение процедуры обязательной периодической отчетности депутатов-одномандатников перед избирателями соответствующего избирательного округа; введение порядка опубликования в средствах массовой информации результатов поименного голосования депутатов по наиболее значимым проектам законов; введение порядка отзыва депутата, который, по мнению его избирателей, не отражает точку зрения основной части избирателей в парламенте, и проведение досрочных выборов по данному округу.

Такой подход к формированию законодательного органа и его функционированию позволил бы поднять уровень ответственности депутатов за результаты своей деятельности, улучшить качество законотворческого процесса, в значительной мере препятствовал бы появлению скороспелых законов низкого качества и содействовал легитимизации политической власти.

1. Анохина Н. В., Мелешкина Е. Ю. Смешанная и пропорциональная избирательные системы в условиях российского президентализма // Электоральное пространство современной России. Политическая наука: Ежегодник 2008. М., 2009.

2. Вешняков А. А. Обязательное голосование не противоречит нормам демократии [Электронный ресурс]. URL: <http://news.novgorod.ru/news/2772> (дата обращения: 12.02.2016).

3. Володина С. В. Параметры избирательной системы как объект реформирования: технологии влияния // Полис. 2014. № 5.

4. Голосов Г. В. Демократия в России: инструкция по сборке. СПб., 2012.

5. Гусев А. Власти Люксембурга штрафуют граждан за отказ идти на выборы [Электронный ресурс]. URL: <http://gysev.viperson.ru/wind.php?ID=667063> (дата обращения: 12.02.2016).

6. Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М., 2010.

7. Карапетян Л. М. Политические партии в судьбе России. СПб., 2009.

8. Линц Х. Опасности президентства // Полис. 2001. № 5.

9. Линсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы предпочтения избирателей: Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. № 4. С. 210.

10. Манен Б. Принципы представительного правления. СПб., 2008.

11. Материалы Центральной избирательной комиссии РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://cikrf.ru/> (дата обращения: 12.02.2016).

12. Старостина И. А. Анализ факторов, влияющих на характеристики избирательной системы // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 31 (169) : Право. Вып. 21.

13. Линман У. Публичная философия. М., 2004.

14. Lijphart A. Democratization and Constitutional Choices in Czecho-Slovakia, Hungary and Poland 1989-91 // Journal of Theoretical Politics. 1992. Vol. 4, № 2.

15. Mainwaring S. Presidentialism, Multipartyism and Democracy: The Difficult Combinations // Comparative Political Studies. 1993. Vol. 26, № 2.

Рукопись поступила в редакцию 29 февраля 2016 г.

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ИЗБРАНИЯ ГЛАВ РЕГИОНОВ В РОССИИ

Статья посвящена эволюции формирования корпуса глав российских регионов. Показано, что на первом этапе не существовало единой системы формирования региональной власти. Много внимания уделено причинам введения прямых губернаторских выборов. Автор полагает, что отмена всенародных выборов глав регионов являлась одним из мероприятий по выстраиванию «вертикали исполнительной власти». В статье излагаются основные причины введения системы наделения гражданина полномочиями высшего должностного лица региона. Установлены мотивы возвращения в 2012 г. прямых губернаторских выборов.

Ключевые слова: глава региона, губернатор, выборы, региональная политика, региональная власть.

Региональная исполнительная власть занимает центральное место в системе органов государственной власти субъекта РФ. Это обусловлено как имеющимися у нее широкими полномочиями, так и организационными возможностями, которые предоставляет разветвленная, иерархичная система исполнительных органов власти. Во главе системы региональных органов исполнительной власти стоит высшее должностное лицо региона, которое является ключевой политической фигурой.

В эволюции формирования корпуса глав регионов можно выделить несколько этапов.

Первый этап, 1992–1996 гг. Данный период характеризуется тем, что единой системы формирования региональной власти в России не существовало: одни главы субъектов Федерации назначались президентом, другие избирались всенародно.

Первые прямые выборы глав регионов состоялись 12 июня 1991 г. одновременно с выборами президента РСФСР: в Москве и Ленинграде выбирали мэров, а в Татарстане — президента. В целом президенты республик избирались в тот период на всенародных выборах. Для остальных регионов препятствием на пути прямых выборов стало постановление Верховного Совета РСФСР от 21 августа 1991 г., в соответствии с которым в краях, областях и автономных округах вводилась должность главы администрации как руководителя исполнительной власти. Право назначать глав администраций было предоставлено президенту РСФСР. По Указу президента от 7 октября 1993 г. главы субъектов Федерации (кроме республик) назначаются и освобождаются от должности президентом РФ по представлению правительства. Однако некоторые губернаторы областей и краев добивались для себя права избираться на прямых выборах [3, 114–117].

Таким образом, в период с 1991 по 1996 г. прямые выборы глав областей и краев проводились эпизодически в некоторых регионах.

Второй этап, 1996–2005 гг., характеризовался повсеместными прямыми выборами глав регионов.

17 сентября 1995 г. появляется Указ Президента РФ «О выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации», в котором было записано: «Выборы назначенных Президентом Российской Федерации глав администраций субъектов Российской Федерации провести в декабре 1996 г.» [3, 118].

Появление данного закона — мера вынужденная. Федеральные власти должны были считаться с губернаторами. Федеральный центр боялся, что иначе страну ждет вторая волна «парада суверенитетов», которая могла разрушить Россию как целостное государство. Москва не хотела выборности губернаторов и сопротивлялась этому. Центр с самого начала боролся со стихией выборов, пытаясь противопоставить ей административный ресурс. Москва стремилась к полной управляемости и лояльности региональных элит, но не могла противостоять демократической волне [Там же].

Как результат, в период с 1996 по 2005 г. прямые выборы глав субъектов проводились во всех регионах России с периодичностью, как правило, раз в 4–5 лет.

Хронологические рамки *третьего этапа* — 2005–2012 гг. В этот период функционировала система наделения полномочиями глав субъектов РФ региональными парламентами по представлению президента РФ.

Приоритетным направлением политического курса президента В. В. Путина стало выстраивание «властной вертикали» с целью повышения степени управляемости страны, усиления контроля центральной власти за политической ситуацией в регионах и для «обуздания региональной вольницы». Главной задачей федерального центра было скорейшее изменение политического статуса глав российских регионов, превращение их в президентских назначенцев, зависимых от центральной власти.

В сентябре 2004 г. президент России Владимир Путин выступил с инициативой изменения порядка наделения полномочиями высших должностных лиц субъектов Федерации, предложив утверждать их в должности решениями законодательных органов по предложению президента. Соответствующий законопроект был разработан и принят в декабре 2004 г., а последние прямые губернаторские выборы состоялись в Ненецком автономном округе в январе 2005 г. Таким образом, в 2004 г. был ликвидирован институт прямых выборов высших должностных лиц субъектов Федерации.

Гражданин РФ наделяется полномочиями главы региона региональным парламентом по представлению президента РФ.

Полпред президента в соответствующем федеральном округе предлагает президенту список кандидатур (максимум трех) на пост главы региона. Президент из предложенных ему кандидатов выбирает одного и вносит в региональный парламент. Решение регионального парламента о наделении гражданина РФ полномочиями губернатора считается принятым, если за него проголосовало более половины от установленного числа депутатов регионального парламента.

Основная особенность этой системы состояла в том, что главы российских регионов фактически назначались федеральным центром и несли перед ним прямую и полную политическую ответственность. Голосование в законодательных собраниях по кандидатурам, предложенным президентом, носило декоративный

характер. Обычно против президентских кандидатур голосовали по 2–3 депутата, а во многих случаях они «избирались» единогласно [1].

Закон содержал норму, которая прописывала процедуру постановки главой региона, избранного до вступления в силу настоящего закона, вопроса о доверии. В частности, до истечения срока полномочий глава региона мог поставить перед президентом страны вопрос о доверии и досрочном сложении своих полномочий. Президент принимал решение по вопросу доверия и внесения его или иной кандидатуры в законодательный орган региона для утверждения. Первым вопрос о доверии в январе 2005 г. поставил С. М. Дарькин, избранный губернатором Приморского края в 2001 г. Что касается Среднего Урала, то в октябре 2005 г. Э. Э. Россель поставил перед президентом вопрос о доверии, хотя срок полномочий свердловского губернатора истекал через пару лет. Президент внес кандидатуру Росселя на рассмотрение депутатов регионального парламента.

В годы президентства Д. А. Медведева право подбора кандидатов в главы регионов от полномочных представителей президента перешло к федеральному руководству партии, которая победила на выборах в региональный парламент. Одной из главных причин, побудивших российские власти к вышеназванной мере, стало определяющее влияние, которое главы регионов оказывают на итоги федеральных выборов в субъектах РФ. Являясь основными региональными политическими акторами, они контролируют политическую жизнь субъекта РФ. Переход права подбора кандидатов в главы регионов от полпредов к политическим партиям стал для губернаторов главным стимулом обеспечения высоких электоральных результатов партии «Единая Россия». Другими словами, новый порядок избрания глав субъектов Федерации сказался самым положительным образом на представительстве «Единой России» в региональных парламентах.

Суть новшества состояла в значительном повышении роли политических партий в этом процессе. Партия, список кандидатов которой получил наибольшее число голосов на выборах в законодательный орган субъекта, получала право выдвигать кандидатов на должность главы субъекта РФ и предлагать их на утверждение президенту. Политическая партия вносит президенту РФ предложения не менее чем о трех кандидатурах. Закон устанавливает право президента РФ не поддерживать ни одну из кандидатур, предложенных политической партией. В этом случае политическая партия вправе повторно внести предложения не менее чем о трех кандидатурах, которые ранее не рассматривались президентом РФ. В случае если президентом РФ не будет поддержана ни одна из повторно внесенных кандидатур, он проводит консультации с политической партией, внесшей эти предложения. С учетом результатов данных консультаций политическая партия вновь может внести президенту РФ предложения не менее чем о трех кандидатурах, которые также ранее не рассматривались им. Если политическая партия не воспользовалась своим правом внести президенту РФ предложения о кандидатурах, президент РФ самостоятельно определяет кандидатуру губернатора.

В ноябре 2009 г. партия «Единая Россия» предложила президенту три кандидатуры на должность свердловского губернатора: председателя правительства Свердловской области Виктора Кокшарова, директора департамента

промышленности и инфраструктуры российского правительства А. С. Мишарина и действующего главу области Эдуарда Росселя. Глава государства выбрал А. Мишарина.

В мае 2012 г. на пост свердловского губернатора были предложены кандидатуры председателя правительства региона В. Власова, временно исполняющего обязанности губернатора Е. Куйвашева и заместителя председателя законодательного собрания области, лидера регионального отделения партии «Единая Россия» В. Шептия. Президент внес в региональный парламент кандидатуру Е. Куйвашева.

Изменение порядка формирования корпуса глав регионов привело к политическому контролю регионального политического пространства со стороны федерального центра, повышению политической лояльности глав регионов. Главный политический эффект отмены прямых губернаторских выборов — быстрое сокращение зоны публичной политики в регионах, снижение роли законодательной власти на уровне субъектов РФ [2].

Четвертый этап, с 2012 г. и по настоящее время, характеризуется возвращением прямых выборов глав регионов.

Заявление о возможном восстановлении прямых выборов первых лиц регионов было впервые сделано В. В. Путиным в ходе выступления перед журналистами 15 декабря 2011 г. Данная идея была частью пакета политических реформ, предложенного в обращении Дмитрия Медведева к Федеральному собранию 22 декабря 2011 г. Весь пакет реформ стал своеобразным ответом российских властей на требования о демократизации, прозвучавшие в ходе митинга 10 декабря на Болотной площади. Таким образом, восстановление прямых выборов стало первой реформой, предложенной российскими властями после того, как были оглашены итоги парламентских выборов. В апреле 2012 г. был принят федеральный закон, предусматривающий возвращение прямых выборов глав регионов.

Глава региона избирается гражданами РФ, проживающими на территории данного субъекта РФ и обладающими активным избирательным правом, на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Губернатором может быть избран гражданин РФ, не имеющий гражданства иностранного государства либо вида на жительство, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина РФ на территории иностранного государства, и достигший возраста 30 лет. Кандидаты в главы регионов выдвигаются политическими партиями. Законом региона может предусматриваться выдвижение кандидатов на указанную должность в порядке самовыдвижения. Выдвижение кандидата политической партией и выдвижение кандидата в порядке самовыдвижения должны поддержать от 5 до 10 % депутатов представительных органов муниципальных образований и избранных на местных выборах глав городов. Процедура сбора подписей депутатов представительных органов муниципальных образований в поддержку кандидатов на должность главы региона имеет неофициальное название «муниципальный фильтр».

Можно выделить несколько причин введения «муниципального фильтра». Во-первых, федеральная власть была заинтересована в работоспособном механизме,

который мог бы обеспечить преемственность отношений региональной власти с центром и дать страховку от прихода к руководству регионом некомпетентного или неконструктивного кандидата (ставленники «олигархата» или «криминала», популисты, кандидаты без должного управленческого опыта). Во-вторых, региональные руководители получили возможность блокировать выдвижение нежелательных кандидатов [4].

Кандидату в губернаторы, выдвинутому в порядке самовыдвижения, помимо получения поддержки депутатов представительных органов муниципальных образований и избранных на муниципальных выборах глав муниципальных образований, необходимо собрать подписи избирателей.

Возврат прямых выборов глав регионов был выгоден как федеральному центру, так и самим губернаторам. Это позволило центру снять с себя часть ответственности за ситуацию в конкретном регионе (социально-экономические проблемы и непопулярные преобразования), поскольку руководить регионами стали лица, поддержанные и населением, и местными элитами. Главы субъектов РФ с помощью прямых выборов усилили свой политический вес во взаимоотношениях с элитами региона [Там же].

В апреле 2013 г. в закон были внесены поправки, дающие субъектам Федерации право заменить всенародные выборы главы региона голосованием в региональном парламенте.

Конституцией субъекта РФ может быть предусмотрено, что высшее должностное лицо региона избирается депутатами регионального парламента. Кандидаты для избрания представляются в законодательное собрание региона главой государства по предложениям политических партий, представленных в региональном парламенте и Госдуме. Каждая политическая партия, имеющая право вносить президенту РФ предложения о кандидатурах на должность главы региона, предлагает главе государства не более трех кандидатур. Президент РФ из предложенных ему кандидатур представляет трех кандидатов для избрания на должность губернатора в региональный парламент. Избранным считается кандидат, за которого проголосовало большинство от установленного числа депутатов законодательного органа региона. Если ни один кандидат не набрал необходимого числа голосов депутатов, то проводится повторное голосование по двум кандидатам, набравшим наибольшее число голосов. По итогам повторного голосования избранным считается кандидат, получивший при голосовании большее число голосов депутатов по отношению к числу голосов, полученных другим кандидатом.

Таким правом воспользовались Дагестан и Ингушетия в 2013 г., Кабардино-Балкария, Республика Крым и город Севастополь в 2014 г., а также Северная Осетия в 2015 г.

Одним из главных оснований для такого шага российские эксперты называют угрозу межэтнических конфликтов и сложные межэлитные противоречия [Там же].

В 2015 г. в Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком и Ненецком автономных округах были отменены прямые губернаторские выборы. Теперь глава автономного округа, входящего в состав области, избирается депутатами регионального парламента. Политические партии, представленные в региональном парламенте

автономного округа, вносят предложения о кандидатурах для избрания на должность главы автономного округа губернатору области, в состав которой входит автономный округ. Каждое региональное отделение политической партии, имеющее право вносить предложения, предлагает не более трех кандидатур. Губернатор области, в состав которой входит автономный округ, предлагает президенту РФ не менее пяти кандидатур, имеющих право быть избранными на указанную должность. Вместе с предложениями о кандидатурах глава области, в состав которой входит автономный округ, представляет президенту РФ по каждой кандидатуре документы и сведения. Глава государства из предложенных ему кандидатур представляет трех кандидатов для избрания на должность главы автономного округа в законодательный орган автономного округа. Избранным считается кандидат, за которого проголосовало большинство от установленного числа депутатов законодательного органа автономного округа. Если ни один кандидат не набрал необходимого числа голосов депутатов, проводится повторное голосование по двум кандидатам, набравшим наибольшее число голосов. По итогам повторного голосования избранным считается кандидат, получивший при голосовании наибольшее число голосов депутатов по отношению к числу голосов, полученных другим кандидатом.

Как нам представляется, губернатор «материнского» субъекта (Тюменской области — для ХМАО и ЯНАО, Архангельской области — для Ненецкого автономного округа) является фактически единственной выигравшей от изменений формальной институциональной фигурой.

Возвращение системы «наделения полномочиями», т. е. отмена прямых выборов губернаторов в ряде российских регионов, было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, изменением политической ситуацией в стране. Возврат прямых выборов губернаторов в 2012 г. явился реакцией российских властей на массовые акции протеста, которые начались сразу после выборов депутатов Госдумы в декабре 2011 г., и имел целью успокоить «рассерженных горожан». Иными словами, на фоне неожиданного всплеска протестной активности федеральный центр решил пойти на уступки гражданскому обществу, потребовавшему больше гражданских и политических прав. Во второй половине 2012 г. протестная активность пошла на убыль, рейтинги Владимира Путина и партии «Единая Россия» стали опять стабильно высокими. В этих условиях было принято решение о возвращении «системы наделения полномочиями» в ряде регионов. Во-вторых, отмена прямых выборов губернаторов объяснялась стремлением сохранить политическое лицо, показать возможность добиться нужного результата при наименьших затратах.

Таким образом, за всю историю современной России система формирования корпуса глав регионов менялась несколько раз. Ее изменение было обусловлено соотношением политических сил по линии «центр — регионы», влиянием сию-минутных политических событий, проводимым внутривластным курсом.

1. *Голосов Г.* Дилеммы авторитарной политической реформы [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2012/05/18/elect/> (дата обращения: 16.11.2015).

2. *Ковалев В.* Эффект отсутствия. Опасности «управляемой демократии» после отмены губернаторских выборов в РФ в свете «проблемы 2008» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demosgasy.ru/article.php?id=1179> (дата обращения: 16.11.2015).

3. *Крыштановская О.* Региональная элита и выборы // Региональная элита в современной России. М., 2005.

4. Прямые выборы губернаторов и система сбора муниципальных подписей в 2012 г.: влияние на развитие политической системы и направления совершенствования: Аналитический доклад фонда «Институт социально-экономических и политических исследований» [Электронный ресурс]. URL: vz.ru/itog.pdf (дата обращения: 16.11.2015).

Рукопись поступила в редакцию 25 ноября 2015 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 323.1(5-011) + 323.1(55) + 004.056.53 +
+ 004.738.5:070.13

Г. Н. Валиахметова

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНЫХ ВОЙН XXI в.: ОПЫТ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

В статье рассматриваются особенности системы обеспечения национальной кибербезопасности Ирана. В условиях цифровой эпохи Ближний Восток стал полем масштабного информационного противостояния между «старыми» и «новыми» центрами глобального и регионального влияния. Выдвижение Ирана на региональное лидерство объективно втянуло этого нового регионального «тяжеловеса» в глобальные кибервойны. Отсутствие действенных международных механизмов парирования киберугроз вынудило это динамично развивающееся государство включиться в глобальную «гонку кибервооружений». Вместе с тем в процессе строительства системы национальной киберобороны Иран стремительно выдвинулся в число кибердержав первого уровня, способных бросить вызов США в области глобального информационного превосходства. Исследование выполнено в рамках междисциплинарного подхода.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Иран, Ближний Восток, информационное пространство, кибербезопасность, киберугрозы, кибервойна, киберстратегия, хакеры, интернет-цензура.

Незавершенность процесса трансформации глобальной мировой системы, обострение соперничества мировых и региональных центров силы за расширение сфер влияния и контроль над сырьевыми ресурсами усиливают конфликтный потенциал мировой политики и значимость ее военно-политической компоненты. Вместе с тем активное внедрение прорывных информационных технологий в военном деле существенно меняет природу военного конфликта в XXI в., методы и средства ведения войн. Новые наукоемкие виды оружия устраняют недостатки обычных и ядерных вооружений с их неизбирательностью, неэкологичностью и масштабными потерями среди гражданского населения, одновременно порождая новые угрозы и вызовы. В первую очередь это относится к современным информационным войнам, которые ведутся с использованием кибероружия. Система обеспечения кибербезопасности на глобальном, региональном и национальном

уровне формируется в наши дни методом проб и ошибок. Процесс этот далек от завершения и носит весьма противоречивый и непредсказуемый характер.

В 2003 г. компания Symantec, специализирующаяся на компьютерной безопасности, опубликовала список стран, наиболее уязвимых для кибернападений. В первую десятку попали шесть ближневосточных государств — Иран, Кувейт, ОАЭ, Саудовская Аравия, Египет и Израиль [11]. Результаты исследования высветили новую реальность Ближнего Востока — высокую вовлеченность стран региона в кибервойны. Однако понимание масштабов и разрушительных последствий глобального противостояния в киберпространстве Ближнего Востока пришло спустя почти десятилетие. События вокруг ядерной программы Ирана и «арабской весны» продемонстрировали роль информационного фактора в усилении асимметричности современных конфликтов, внутригосударственных и международных, поставивших под угрозу суверенитет и территориальную целостность целого ряда стран. В этих условиях особую актуальность приобретает осмысление опыта Ирана в сфере обеспечения надежной защиты национального киберпространства. Наличие политической воли позволило этой стране, оказавшейся в эпицентре масштабной кибервойны, всего за три года совершить технологический прорыв, выстроить эффективную систему оборонительных и наступательных кибервооружений, а также стать одной из ведущих кибердержав мира.

Летом 2010 г. в компьютерных системах Ирана был обнаружен вирус Stuxnet, который вывел из строя порядка 1 тыс. центрифуг на заводе по обогащению урана в Натанзе и поставил под угрозу работу реактора на АЭС в Бушере. Stuxnet считается первым образцом кибероружия, нацеленного против крупных промышленных объектов и обладающего колоссальной разрушительной мощностью, теоретически схожей с мощностью оружия массового уничтожения. Произведенный Stuxnet разрушительный эффект часто сравнивают с последствиями японской атаки на Перл-Харбор и ядерных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, но при этом никто не погиб и не объявил войну. Возможность повторения подобных инцидентов на других предприятиях критической инфраструктуры мира поставила в международную повестку дня вопрос их киберзащиты [17].

По мнению специалистов «Лаборатории Касперского», Symantec, ISSSource и ряда других авторитетных IT-корпораций, Stuxnet был изначально нацелен на срыв ядерной программы Ирана и является совместной разработкой спецслужб США и Израиля [12, 47]. Тем не менее вопрос о том, кем и для каких целей была написана эта вредоносная программа, остается открытым. Теоретически мотивы и возможности для создания подобного вируса имели не только государства (в числе потенциальных заказчиков — США и Израиль; также предпринимались попытки, правда безуспешные, обнаружить следы спецслужб России и КНР), но и частные компании (прежде всего конкуренты Siemens в сфере поставок программного оборудования для систем управления на АЭС и крупных добывающих производствах азиатских стран), а также неправительственные организации (например, экологическая «Гринпис»). В мировом экспертном сообществе нет единства и в вопросе о том, была ли атака Stuxnet частью кибервойны, кибертерроризма, киберпреступности или кибервандализма [17, 233–239].

Вторая кибератака, направленная на шпионаж и срыв работы ядерных объектов Ирана, состоялась в апреле 2011 г. с использованием сложного зловреда Stars, который спустя полгода снова был обнаружен в компьютерных сетях страны, но уже в составе вируса Duqu, «сводного брата» Stuxnet. Специалисты относят Duqu к числу наиболее профессиональных, загадочных и мощных вредоносных платформ, разработка и внедрение которых спонсируется на государственном уровне ввиду их чрезвычайно высокой стоимости (порядка 50 млн долл.). Кибернападения на Иран в 2010–2011 г. положили начало холодной кибервойне, в которой отсутствуют сдерживающие факторы, присущие реальной войне, а в эпицентр боевых действий попадают критические инфраструктурные предприятия и компании, государственные и военные секреты враждующих стран и их союзников [36].

События 2012 г. подтвердили давнюю и серьезную вовлеченность целого ряда государств мира в разработку и применение кибероружия на Ближнем Востоке, прежде всего в Иране. В апреле, ввиду хакерской атаки на компьютерные системы Министерства нефти Ирана и «Иранской национальной нефтяной компании», был отключен крупнейший нефтяной терминал страны на острове Харк. «Мистический» троянец Wiper, имеющий много общего с Duqu и Stuxnet, кроме того, уничтожил базы данных десятков иранских компаний, не оставив после себя заметных следов. Спустя месяц Иран снова стал жертвой кибератаки, предположительно со стороны разведывательных структур США и Израиля, которым приписывают авторство в создании сложной вредоносной программы Flame, по своим разрушительным последствиям стоящей в одном ряду со Stuxnet. Считается, что вирус был внедрен в 2007 г. и нацелен на похищение промышленной информации с правительственных компьютеров в Иране и ряде других ближневосточных стран. Позже в регионе были выявлены другие сложные системы кибершпионажа, явно разработанные при государственной поддержке; в их числе Gauss (преимущественно в странах Арабского Востока), Mahdi и miniFlame. В ноябре Иран обнаружил новый зловред Narilam, а в конце года Stuxnet атаковал электростанцию на юге страны [37].

2012 год примечателен не только количеством инцидентов. Если раньше тема кибервойн оставалась предметом секретных разработок и идей, то теперь она стала одной из главных на уровне «высокой» политики, в массмедиа и публичных обсуждениях. Год был переломным и в плане формирования общего взгляда на развитие кибероружия, география применения которого, кроме того, значительно расширилась, выйдя далеко за пределы Ирана и Ближнего Востока [Там же].

Масштабные разоблачения кибершпионажа продолжились в 2013 г. В числе наиболее нашумевших — обнаруженная в январе шпионская программа Red October, которая предположительно с 2007 г. собирала данные и секретную информацию с сетевого оборудования, компьютеров и даже мобильных устройств не только на Ближнем Востоке, но и по всей планете. Ее жертвами стали правительственные структуры и дипломатические представительства большинства стран мира; научно-исследовательские институты, в первую очередь связанные с ядерной проблематикой; торговые и коммерческие корпорации, прежде всего

энергетического профиля; аэрокосмическая отрасль; военные ведомства и компании, связанные с созданием вооружений. Размах государственного кибершпионажа подчеркнули разоблачения Э. Сноудена. Новым трендом в ведении кибервойн стало появление кибернаемников — компактных групп высококвалифицированных хакеров, специализирующихся на проведении «молниеносных» кибератак на заказ [38]. Год завершился обвинениями Ирана в адрес спецслужб Саудовской Аравии и Израиля в разработке компьютерного вируса Stuxnet 2.0, «позволяющего не только шпионить, но и разрушать программные компоненты ядерной программы Ирана» [44].

В 2014–2015 гг. на арену глобального киберпротивоборства вернулись вирусы Duqu и Stuxnet, но уже в усовершенствованных модификациях. Жертвами Duqu 2.0 стали целый ряд организаций, высокопоставленных лиц и политиков стран Запада, Ближнего Востока, Восточной и Южной Азии, а также проводившиеся на высоком уровне международные мероприятия (переговоры по иранской ядерной программе «Группы 5+1», празднование 70-й годовщины освобождения узников Освенцима и т. д.). Не менее внушительный ущерб был нанесен киберкомандой Equation, которая внедрила шпионские программы в тысячи компьютеров в 30 странах мира, прежде всего в Иране, России, Китае, Индии, Пакистане, Афганистане, Сирии и Йемене. Вредоносцы, тесно связанные со Stuxnet, обнаружались в прошивке жестких дисков Western Digital, Seagate, Toshiba и других ведущих производителей, осуществлявших поставки в правительственные и военные учреждения, банки, энергетические и медийные корпорации, а также организации, занимающиеся ядерными исследованиями [39].

Сегодня эксперты выделяют три основные группы киберугроз, имеющих далекоидущие политические последствия: в лице программ, нацеленных на разрушение (Wiper, Narilam), шпионаж (Flame, Gauss, Duqu, miniFlame) и диверсии (Stuxnet). Их авторство в основном приписывают США [38]. Осознавая разрушительный потенциал кибероружия, Вашингтон планомерно активизировался в виртуальном пространстве «недружественных» США стран, щедро финансируя соответствующие программы ЦРУ, АНБ и Пентагона [6]. Страны, против которых последние годы осуществлялись активные подрывные кибероперации (прежде всего Иран, Китай, КНДР), были вынуждены совершенствовать свою киберзащиту и в ускоренном режиме перестраивать систему обеспечения национальной кибербезопасности.

«Stuxnet нанес иранской ядерной программе такой ущерб, который не смог бы причинить военный удар. ...Избавиться от Stuxnet будет непросто, а мы знаем, что иранцы — далеко не лучшие в мире специалисты в области IT-безопасности», — отмечал осенью 2010 г. авторитетный германский специалист Ральф Лангер [2]. Действительно, Stuxnet преподал Ирану весьма болезненный урок, но следует признать, что мало кто в мире ожидал от Тегерана столь молниеносных и эффективных ответных мер.

Хотя некоторые американские IT-эксперты еще в 2009 г. включили Иран в пятерку стран, обладающих самыми сильными в мире кибервозможностями, до инцидента со Stuxnet киберпотенциал Ирана в целом оценивался весьма скептически. С начала 2000-х гг. в поле зрения аналитиков попала так называемая

«Кибер-армия Ирана», которая в патриотических целях взламывала сайты западных организаций, следуя, как предполагается, в русле общей информационной политики страны. В июле 2009 г. для усиления контроля над киберпространством Высшим советом революции при главе государства был сформирован Комитет по идентифицированию несанкционированных сайтов, деятельность которого сосредоточилась на блокировке пользовательского доступа к недружественным Ирану информационным ресурсам [21, 6; 46].

В ноябре 2010 г. под руководством Организации пассивной гражданской обороны, самостоятельного подразделения Объединенного штаба Вооруженных сил Ирана, было создано Командование киберобороны, которое на сегодняшний день является наиболее активным участником проводимых страной киберопераций [46]. В январе 2011 г. начал свою работу и другой новый орган обеспечения национальной кибербезопасности — Кибер-полиция (ФАТА). В ее обязанности входят защита правительственных сайтов; борьба с киберпреступностью; мониторинг контента Facebook, Twitter и прочих соцсетей, пользующихся популярностью у оппозиции и диссидентов; инспекция деятельности западных новостных агентств, аккредитованных в Иране; создание препятствий в работе недружественных Ирану интернет-ресурсов (на тот момент таковых насчитывалось 874) и т. д. [1, 19]. Кроме того, для предотвращения потенциальных кибератак 90 % web-сайтов правительственных организаций в течение года было переведено на отечественные хостинги [46].

В рамках правительственного курса на формирование национального фронта кибербезопасности Кибер-полиция, а затем Корпус Стражей Исламской Революции (КСИР), осуществивший внушительные финансовые вложения в киберсферу страны после инцидента со Stuxnet, призвали к сотрудничеству иранских хакеров и волонтеров из студенческой среды, готовых «своей революционной деятельностью оказать помощь политике Исламской Республики Иран» [13]. Именно они стали непосредственным инструментом и главной ударной силой в кибероперациях Ирана начала 2010-х гг. Некоторые из таких высококвалифицированных хакерских команд, идеологически приверженных правящему режиму, сегодня уже известны: «Кибер-армия Ирана», Ashiyane, Tarh Andishan, Islamic Cyber Resistance Group, Cyber Fighters of Izz ad-Din al-Qassam, Sword of Justice, Ajax Security Team, Parastoo, Shabgard, Iran Black Hats, Cocaine Warriors from Persia, Cadelle, Chafer и т. д. [21, 30; 27]. В хакерской деятельности активное участие принимают и менее профессиональные группы, в частности, члены добровольческой полувоенной организации «Басидж», численность которой, по некоторым оценкам, достигает 11 млн человек [32, 46].

Правительственные и военные круги Ирана всегда отрицали свою связь с хакерскими группами, но аналитики убеждены в том, что последние тесно взаимодействуют с органами центральной власти и спонсируются государством. По некоторым данным, в 2012 г. стоимость одного часа работы онлайн-активиста или блогера по повышению популярности Ирана и противодействию культурному влиянию Запада на форумах, страницах Facebook и других ресурсах составляла порядка 4,3 долл., что превышало среднюю зарплату в стране [16].

В течение 2011 г. иранская «кибердружина» провела ряд показательных акций против недружественных Ирану сайтов радиостанций, вещающих на фарси, включая «Голос Америки» и голландскую Radio Zamaneh [1, 8]. Демонстрацией быстрого развития у иранских хакеров навыков ведения кибервойн стали такие приписываемые им громкие кампании, как кража цифровых сертификатов у крупнейших мировых поставщиков защитного программного обеспечения — американской Comodo Group и голландской DigiNotar [15, 18]. Год завершился похищением в небе Ирана американского беспилотника, который хакеры благополучно посадили на территории страны [10].

Комментируя итоги года, генеральный директор компании Google Эрик Шмидт в интервью агентству CNN выразил удивление и крайнюю обеспокоенность по поводу обнаружившихся у иранцев «столь невероятных способностей к ведению кибервойн» [3]. Другие, не менее авторитетные американские эксперты, кроме того, утверждали, что иранские хакеры активно перенимают опыт китайских и российских «коллег по цеху» и их главной мишенью являются США [21, 10; 31].

2012 год стал годом возмездия Ирана за Stuxnet и Duqu [21, 6]. Наиболее показательными свидетельствами реальной кибермощи и намерений Ирана считаются операции Shamoop и Ababil. В рамках проведения первой пострадало порядка 30 тыс. компьютеров нефтегазовых гигантов Саудовской Аравии (Saudi Aramco) и Катара (RasGas) [7, 45]. Вторая была нацелена на ведущие банки США — Wells Fargo, J. P. Morgan Chase, Bank of America, Citigroup и др. Эти DDoS-нападения оказались весьма чувствительными для высокоразвитого интернет-банкинга США [4]. В том же году была запущена масштабная кибершпионская кампания Cleaver, также приписываемая Ирану, о которой стало известно лишь в конце 2014 г. [21, 5].

Весьма встревожило западных оппонентов Ирана подписанное им с Северной Кореей в сентябре 2012 г. обширное соглашение о научно-техническом сотрудничестве, предусматривающее в том числе объединение усилий двух стран в борьбе с «общим врагом в цифровом пространстве» [30]. В этой связи повышенное внимание команды Cleaver к объектам критической инфраструктуры Южной Кореи было расценено как свидетельство обмена информацией между Тегераном и Пхеньяном и, возможно, проведения ими совместных киберопераций [21, 11, 64].

Пожалуй, главным событием 2012 г. в киберсфере Ирана стало формирование по указанию рахбара аятоллы Хаменеи Высшего совета по вопросам киберпространства в составе представителей высших эшелонов власти (президент, главы судебной власти, меджлиса, государственного радио и телевидения, КСИР, полиции, разведки, Министерств телекоммуникации, культуры, науки и т. д.). Сегодня это верховный правительственный орган, в задачи которого входят разработка киберстратегии и координация деятельности многочисленных организаций и ведомств, ответственных за определенные сегменты информационного пространства страны [46]. В числе последних следует особо отметить наделенное широкими полномочиями Министерство информационных и телекоммуникационных технологий [24], под эгидой которого действуют специализированный

Телекоммуникационный исследовательский центр и Информационный центр безопасности Maher, отвечающий за быстрые контрмеры в случае кибернападений на Иран [26].

В 2013–2015 гг. Ирану было приписано исполнение сотен целевых кибератак на военные объекты, системы энерго- и водоснабжения, банковский сектор США, Израиля и ряда стран Ближнего Востока [9, 25, 33, 40, 48]. Существенный урон ряду стран также был нанесен в рамках предположительно иранских шпионских операций Saffron Rose [42], Newscaster [41] и упомянутой выше Cleaver.

В число мишеней Cleaver попали правительства и госучреждения, объекты критической инфраструктуры (оборонной промышленности, энергетической, химической, транспортной и аэрокосмической отраслей), телекоммуникации, медицинская и образовательная сферы 16 стран мира, расположенных в Северной Америке, Европе, на Ближнем Востоке, в Восточной и Южной Азии. По мнению американских аналитиков, географический и целевой размах операции, а также уровень ее исполнения свидетельствуют не только о том, что кибервозможности Ирана продвинулись далеко за рамки простых взломов веб-сайтов и DDoS-атак. Такое широкое нацеливание демонстрирует, что Иран больше не намерен лишь мстить США и Израилю за развязанную ими кибервойну. Теперь задачи Ирана на порядок выше: обеспечить прочные позиции страны в глобальном киберпространстве, которое в современных условиях трансформируется в исключительно важный фронт геополитического противостояния традиционных, новых и еще формирующихся центров силы мировой и региональной политики [21, 5–7, 11].

После раскрытия серии масштабных вредоносных и шпионских кампаний, приписываемых иранским хакерам, Вашингтон объявил Иран «новым Китаем» с точки зрения высокой степени угроз кибербезопасности США [20; 21, 5; 29]. Израильские эксперты, давая высокую оценку выстроенной Тегераном системе национальной киберобороны, также причисляют Иран к кибердержавам первого уровня (наравне с США, Израилем, Великобританией, Китаем и Россией) и соответственно к ключевым игрокам глобальной кибервойны [23, 83–84].

Современная киберстратегия Ирана нацелена на превращение киберобороны в приоритетное направление деятельности армии и спецслужб; создание технологических возможностей для защиты объектов критической инфраструктуры страны и секретных сведений от кибернападений; мониторинг национального информационного пространства и пресечение деятельности оппозиции и противников режима, для которых соцсети и зарубежные массмедиа являются ключевым инструментом для общения, распространения дискредитирующей Иран информации и антиправительственных настроений [23, 84–85; 46].

Иранская система управления Интернетом в целом хорошо известна [23, 85–86; 34; 46]. Государство взяло под контроль большую часть местных сегментов глобальной Сети и приобрело контрольный пакет акций компаний, ответственных за доступ в Интернет. В связи с наличием интернет-цензуры в адрес Тегерана время от времени звучат обвинения в нарушении прав человека, а США вводят санкции против госучреждений и высших чиновников Ирана, ответственных за информационное пространство страны [22].

Вместе с тем введение относительно жесткого интернет-контроля в Иране вполне оправданно в свете озвученных в 2010–2011 гг. Белым домом задач цифровой дипломатии и стратегии США в глобальном информационном пространстве. В их числе дискредитация идеологических противников США; противодействие информационной и внешней культурной политике Китая, России и Ирана, осуществляемой через Интернет и социальные сети; приоритетное финансирование проектов, нацеленных на создание и распространение новых технологий, которые позволят обходить цензуру в Сети и поддерживать местную оппозицию путем развертывания на территории третьих стран систем теневого Интернета и независимой мобильной связи [5, 214–215; 28; 35; 43].

Вашингтон отводит Интернету роль мощного стратегического оружия, способного сформировать негативный образ государств-оппонентов и расшатать неудобные правящие режимы. Наглядным примером служат информационные войны в период Иракской (2003) и Ливийской (2011) военных кампаний, международные кризисы вокруг ядерных программ Ирана и КНДР, «арабское пробуждение» и текущий сирийский кризис, многолетнее информационное противостояние по линии Запад — Исламский мир и т. д. В этой связи вполне объяснимо стремление целого ряда стран контролировать национальную часть глобального Интернета путем введения цензуры контента, фильтрации трафика, блокировки иностранных социальных веб-сервисов и т. д.

Горячие дискуссии на данную тему в новом ключе поставили вопрос о соблюдении принципа государственного суверенитета в эпоху информационно-коммуникационных технологий. С одной стороны, международное право признает недопустимым вмешательство во внутренние дела любой страны, поэтому с юридической точки зрения сложно оспаривать легитимность интернет-цензуры, вводимой правительствами в интересах национальной безопасности. Примечательно, что регулярные попытки заблокировать доступ к сервисам Facebook, Twitter, YouTube, Blogspot, Livejournal или создать их аналоги на национальных хостингах имеют место не только в странах, которых упрекают в нарушении прав человека, — КНР, КНДР, Иране, Саудовской Аравии, Египте, Пакистане, Мьянме, Вьетнаме и др. Подобные явления имеют место и в таких «образцовых» демократических государствах, как, например, Великобритания, Германия, Франция и Сингапур [5, 220–221; 14]. С другой стороны, в подобной ситуации возникает опасность фрагментации и распада глобального информационного пространства на несколько самостоятельных систем. Вопрос об обоснованности подобных опасений остается открытым, поскольку, например, Китаю, как известно, удается контролировать содержание масштабного китайского сегмента глобальной Сети, придерживаясь при этом открытой модели развития и оставаясь мировым лидером по общему числу и темпам роста интернет-пользователей.

В целом тенденция нарастания киберугроз на Ближнем Востоке в XXI в. отражает динамику политических процессов в регионе. Стремление крупных внерегиональных игроков использовать кибероружие для реализации своих интересов в этой части света выглядит вполне логичным в условиях незавершенности процесса реформирования геополитического пространства Ближнего

Востока. Поэтому, войдя в полосу политической турбулентности, регион закономерно стал ареной беспрецедентных киберстолкновений с использованием сложных вредоносных программ, создание и внедрение которых финансируются государственными структурами крупных геополитических игроков. Заявка Ирана на региональное лидерство объективно втянула этого нового регионального «тяжеловеса» в глобальное информационное противостояние, которое в обозримом будущем останется одной из важных составляющих мировой политики.

1. В Иране создано специальное киберподразделение // SecurityLab. 16.03.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.securitylab.ru/news/405099.php> (дата обращения: 11.01.2016).

2. Вирус Stuxnet нанес сокрушительный удар по ядерной программе Ирана // SecurityLab. 16.12.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.securitylab.ru/news/402905.php> (дата обращения: 15.01.2016).

3. Гендиректор Google отметил невероятные способности иранских хакеров // SecurityLab. 20.12.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.securitylab.ru/news/412844.php> (дата обращения: 11.01.2016).

4. За совершением кибератак на банки США стоит Иран // SecurityLab. 09.01.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.securitylab.ru/news/435877.php> (дата обращения: 11.01.2016).

5. *Зиновьева Е.* Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности // Индекс безопасности. 2013. № 1(104). С. 213–229.

6. Иран и кибервойны // Новое восточное обозрение. 22.12.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.journal-neo.org/2014/12/22/iran-i-kibervojny/> (дата обращения: 10.01.2016).

7. Иран опровергает причастность к кибератакам на Saudi Aramco // SecurityLab. 12.10.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.securitylab.ru/news/431287.php> (дата обращения: 11.01.2016).

8. Иранские хакеры взломали сайт радиостанции «Голос Америки» // SecurityLab. 24.02.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.securitylab.ru/news/404891.php> (дата обращения: 11.01.2016).

9. Иранские хакеры шпионят за ближневосточными пользователями // SecurityLab. 08.12.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.securitylab.ru/news/477303.php> (дата обращения: 11.01.2016).

10. Иранским хакерам удалось подменить GPS-данные американского беспилотника // SecurityLab. 16.12.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.securitylab.ru/news/412626.php> (дата обращения: 11.01.2016).

11. Кибервойны — новая реальность Ближнего Востока // SecurityLab. 17.11.2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.securitylab.ru/news/213358.php> (дата обращения: 10.01.2016).

12. Компании Kaspersky Lab и Symantec опубликовали подробности хакерской атаки на ядерные объекты Ирана // SecurityLab. 12.11.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.securitylab.ru/news/461769.php> (дата обращения: 15.01.2016).

13. Корпус Стражей Ирана официально пригласил на работу хакеров // SecurityLab. 10.03.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.securitylab.ru/news/405053.php> (дата обращения: 11.01.2016).

14. ООН: Отключение от Интернета нарушает права человека // SecurityLab. 6.06.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.securitylab.ru/news/405822.php> (дата обращения: 15.01.2016).

15. Правительство Голландии подозревает Иран в причастности к хищению сертификатов DigiNotar // SecurityLab. 06.09.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.securitylab.ru/news/407143.php> (дата обращения: 08.01.2016).

16. Правительство Ирана поддерживает хакерские организации // SecurityLab. 08.06.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.securitylab.ru/news/425483.php> (дата обращения: 11.01.2016).

17. *Симоненко М.* Stuxnet и ядерное обогащение режима международной информационной безопасности // Индекс безопасности. 2013. № 1(104). С. 233–248.

18. Comodo обвиняет Иран в краже SSL-сертификатов // SecurityLab. March 24, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.securitylab.ru/news/405198.php> (дата обращения: 08.01.2016).

19. Cyber Policy of I. R. Iran. About us // Cyber Policy. Islamic Republic of Iran. 2011 [Electronic resource]. URL: <http://cyber.police.ir/?fkeyid=&siteid=46&fkeyid=&siteid=46&pageid=609> (accessed: 20.01.2016).

20. Cyberthreat Posed by China and Iran Confounds White House // The New York Times. September 15, 2015 [Electronic resource]. URL: http://www.nytimes.com/2015/09/16/world/asia/cyberthreat-posed-by-china-and-iran-confounds-white-house.html?_r=0 (accessed: 29.01.2016).

21. Cylance Operation Cleaver Report, December 2014 [Electronic resource]. URL: http://cdn2.hubspot.net/hubfs/270968/assets/Cleaver/Cylance_Operation_Cleaver_Report.pdf (accessed: 05.01.2016).

22. Designations of Iranian Individuals and Entities for Censorship Activities Under the Iran Threat Reduction and Syria Human Rights. Press Statement by Victoria Nuland. U.S. Department of State. November 8, 2012 [Electronic resource]. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/11/200338.htm> (accessed: 22.01.2016).

23. Developments in Iranian Cyber Warfare 2013–2014 // Institute for National Security Studies. August 2014 [Electronic resource]. URL: <http://www.inss.org.il/uploadImages/systemFiles/SiboniKronenfeld.pdf> (accessed: 17.01.2016).

24. Duties and Liabilities Act of Ministry of ICT, 2003 // Ministry of Information and Communication Technology of I. R. of Iran. 2003 [Electronic resource]. URL: <https://www.ict.gov.ir/en/more/rules> (accessed: 19.01.2016).

25. Forget China: Iran's Hackers Are American's Newest Cyber Threat // The Complex Foreign Policy. February 18, 2014 [Electronic resource]. URL: http://complex.foreignpolicy.com/posts/2014/02/18/forget_china_iran_s_hackers_are_america_s_newest_cyber_threat (accessed: 19.01.2016).

26. Goals and Mission // Maher. Computer Emergency Response Team Coordination Centre. 2011 [Electronic resource]. URL: https://www.certcc.ir/index.php?module=cdk&func=loadmodule&system=cdk&sismodule=user/content_view.php&sisOp=view&ctp_id=104&cnt_id=14876&id=6380#content_form (accessed: 19.01.2016).

27. HPSR Threat Intelligence Briefing – Episode 11. HubSpot Security Research, February 21, 2014 [Electronic resource]. URL: <http://community.hpe.com/t5/Security-Research/HPSR-Threat-Intelligence-Briefing-Episode-11/ba-p/6385243> (accessed: 28.01.2016).

28. Informational Strategy for Cyberspace: Prosperity, Security, and Openness in a Networked World. Washington D.C.: The White House, May 2011 [Electronic resource]. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/International_Strategy_Cyberspace_Factsheet.pdf (accessed: 06.09.2014).

29. Intel boss' warning on cyber attacks no joke // Fox News. November 23, 2014 [Electronic resource]. URL: <http://www.foxnews.com/world/2014/11/23/intel-boss-warning-on-cyber-attacks-no-joke-say-experts/> (accessed: 20.01.2016).

30. Iran and North Korea Sign Technology Treaty to Combat Hostile Malware // V3.CO.UK. September 3, 2012 [Electronic resource]. URL: <http://www.v3.co.uk/v3-uk/news/2202493/iran-and-north-korea-sign-technology-treaty-to-combat-hostile-malware#> (accessed: 28.01.2016).

31. Iran readying hacker attacks on U.S. infrastructure // Washington Times. April 25, 2012 [Electronic resource]. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2012/apr/25/iran-readying-hacker-attacks-us-infrastructure-spe/?page=all> (accessed: 21.01.2016).

32. Iran's Paramilitary Militia Is Recruiting Hackers // Forbes. January 12, 2011 [Electronic resource]. URL: <http://www.forbes.com/sites/jeffreycarr/2011/01/12/irans-paramilitary-militia-is-recruiting-hackers/> (accessed: 29.01.2016).

33. Iranian Hackers Infiltrated New York Dam in 2013 // The Wall Street Journal. December 20, 2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.wsj.com/articles/iranian-hackers-infiltrated-new-york-dam-in-2013-1450662559> (accessed: 29.01.2016).
34. Iranian Internet – Fact and Fiction // Reporters without Borders. 2012 [Electronic resource]. URL: <http://surveillance.rsf.org/en/iran/> (accessed: 21.01.2016).
35. IT Strategic Plan: Fiscal Years 2011–2013 Digital Diplomacy. Washington: U. S. Department of State. September 1, 2010 [Electronic resource]. URL: <http://www.state.gov/m/irm/rls/148572.htm> (accessed: 6.09.2014)
36. Kaspersky Security Bulletin 2011 [Electronic resource]. URL: <https://securelist.ru/analysis/ksb/91/kaspersky-security-bulletin-2011-razvitie-ugroz-v-2011-godu/> (accessed: 10.01.2016)
37. Kaspersky Security Bulletin 2012 [Electronic resource]. URL: <https://securelist.ru/analysis/ksb/167/kaspersky-security-bulletin-2012-razvitie-ugroz-v-2012-godu/> (accessed: 10.01.2016).
38. Kaspersky Security Bulletin 2013 [Electronic resource]. URL: <https://securelist.ru/analysis/ksb/19140/kaspersky-security-bulletin-2013-razvitie-ugroz-v-2013-godu/> (accessed: 10.01.2016).
39. Kaspersky Security Bulletin 2015 [Electronic resource]. URL: https://securelist.ru/files/2015/12/Kaspersky-Security-Bulletin-2015_FINAL_RUS.pdf (accessed: 10.01.2016).
40. Netanyahu: “Iran ups cyber attacks on Israeli computers” // Reuters. June 09, 2013 [Electronic resource]. URL: <http://uk.reuters.com/article/2013/06/09/us-israel-iran-cyber-idUKBRE95808H20130609> (accessed: 20.01.2016).
41. Newscaster – An Iranian Threat Inside Social Media // iSight Partners. May 28, 2014 [Electronic resource]. URL: <http://www.isightpartners.com/2014/05/newscaster-iranian-threat-inside-social-media/> (accessed: 22.01.2016).
42. Operation Saffron Rose 2013. FireEye’s Report, 2014 [Electronic resource]. URL: <https://www.fireeye.com/content/dam/fireeye-www/global/en/current-threats/pdfs/rpt-operation-saffron-rose.pdf> (accessed: 20.01.2016).
43. Public Diplomacy: Strengthening U. S. Engagement with the World. A Strategic Approach for the 21st Century. Washington D. C.: Office of the Under Secretary of State for Public Diplomacy and Public Affairs, 2010 [Electronic resource]. URL: https://uscpublicdiplomacy.org/sites/uscpublicdiplomacy.org/files/legacy/pdfs/PD_US_World_Engagement.pdf (accessed: 06.09.2014)
44. Riyadh, Tel Aviv Cooperating to Sabotage Iran’s N. Program // FARS News Agency. November 11, 2013 [Electronic resource]. URL: <http://en.farsnews.com/newstext.aspx?nn=13920909000362> (accessed: 12.01.2016).
45. Saudi Aramco скрывает имена ответственных за кибератаки на системы компании. США обвиняют Иран // SecurityLab. Oct. 24, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.securitylab.ru/news/431774.php> (дата обращения: 11.01.2016).
46. Structure of Iran’s Cyber War. Report of Institut Français d’Analyse Stratégique. December 13, 2012 [Electronic resource]. URL: http://www.strato-analyse.org/fr/spip.php?article223#outil_sommaire_3 (accessed: 17.01.2016).
47. Stuxnet Loaded by Iran Double Agent // ISSSource. April 11, 2012 [Electronic resource]. URL: <http://www.issource.com/stuxnet-loaded-by-iran-double-agents/> (accessed: 15.01.2016).
48. U.S. Says Iran Hacked Navy Computers // The Wall Street Journal. September 27, 2013 [Electronic resource]. URL: <http://www.wsj.com/articles/SB10001424052702304526204579101602356751772> (accessed: 29.01.2016).

Рукопись поступила в редакцию 5 февраля 2016 г.

УДК 332.142(4-17) + 327.82(4-17)

Е. А. Шлапеко

ОПЫТ РЕГИОНОСТРОИТЕЛЬСТВА В СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ КОНСТРУКТИВИЗМА И ПАРАДИПЛОМАТИИ*

В статье дается анализ подходов к изучению межрегионального сотрудничества и механизмов конструирования региональной общности в Северной Европе для понимания значимости регионостроительства в развитии приграничных регионов. Положения конструктивистского подхода дополняют исследования парадипломатов в части формирования и эволюции систем трансграничного сотрудничества. Большинство трансграничных регионов Северной Европы — это функциональные регионы, составные части которых изначально не обязательно были сходны друг с другом, а их создание предполагает достижение взаимодополняемости территориальных компонентов через интеграцию.

К л ю ч е в ы е с л о в а: трансграничное сотрудничество, конструктивизм, парадипломатия, Северная Европа.

В теориях международных отношений межтерриториальное сотрудничество и региональная интеграция понимаются по-разному. В классических теориях внутригосударственные регионы не признаются акторами международных отношений, а процессы европейской интеграции чаще всего анализируются с позиций функционализма и межправительственного подхода. Изменение мирового порядка в 1980–1990-х стало причиной укрепления процессов регионализации в Европе, сопровождающихся расширением ЕС, созданием международных организаций, поиском новых инструментов реализации трансграничных контактов. Именно в это время деятельность субнациональных единиц привлекает внимание представителей теории конструктивизма, исследователей североамериканской и европейской школ парадипломатии, а затем и неолибералов. Их отличительной особенностью является восприятие субгосударственных акторов в качестве полноправных, относительно самостоятельных участников международного сотрудничества.

Исследователи международных отношений придерживаются различных точек зрения при изучении феномена «парадипломатии» как разновидности политической коммуникации, суть которой заключается в самостоятельной международной деятельности, осуществляемой региональными властями для достижения своих политических, экономических, культурных или других целей в рамках взаимодействия с иностранными государствами или регионами [3, 353]. Такая международная деятельность может поддерживать, дополнять, корректировать и дублировать национально-государственную дипломатию, а иногда и противоречить ей.

* Статья подготовлена в рамках бюджетной темы АААА-А16-116011900255-1 «Методология исследования эволюции северных периферийных регионов и разработка механизмов управления их экономическим развитием».

В зависимости от уровня иностранного актора, с которым имеет отношения субнациональная единица, парадипломатическая деятельность выражается в трех формах: *приграничного сотрудничества* (формальное/неформальное взаимодействие между близлежащими регионами соседних стран), *межрегионального (трансграничного) сотрудничества* (контакты несмежных регионов разных стран), *транснационального сотрудничества* (контакты субнациональных правительств одного государства с регионами географически отдаленных стран или прямые контакты с другими государствами).

Основными мотивами парадипломатической деятельности, по мнению представителей североамериканской школы, являются политика, экономика, культура и экология [10, 7]. Политические мотивы могут быть направлены не только на привлечение внимания центральных властей и международного сообщества, но и носить сепаратистский характер. Дж. Кинкайд подчеркивает, что решение проблемы сепаратизма состоит не в подавлении международной активности региона, а в первоочередном разрешении внутрисубнациональных противоречий [14, 139]. Условием эффективной региональной политики центра становятся демократические механизмы ее реализации, предполагающие «соответствие проводимых мероприятий интересам и ожиданиям региональных сообществ» [6, 68].

Регионы Северной Европы участвуют во всех трех формах сотрудничества, что связано с высоким уровнем их институционализации. Задолго до появления «четырех советов» (Северного совета, Арктического совета, Совета государств Балтийского моря и Совета Баренцев Евро-Арктического региона) в рамках Хельсинкского договора (1962) были созданы «скандинавские группы», которые отличаются от типичных еврорегионов более высокой степенью взаимодействия на большей территории. Северные приграничные регионы имеют общую цель — повысить собственную конкурентоспособность, обеспечить устойчивый экономический рост при сближении показателей социально-экономического развития сотрудничающих регионов, что напрямую соотносится с задачами региональной политики ЕС. Эти примеры иллюстрируют концепцию северной совокупной выгоды (Nordic value added), которая подразумевает, что «сотрудничество приобретает смысл, когда совместные усилия имеют более позитивный эффект, чем отдельные национальные инициативы» [18].

Международная активность регионов зависит от их структурных возможностей (внутрисубнациональных и международных), которые могут изменять мотивы и стратегии регионов. Внутрисубнациональные возможности подразумевают уровень автономии, определяемый формой государственного устройства, конституцией и другими нормативно-правовыми документами. К классификации внутрисубнациональных возможностей следует добавить географическое положение и ресурсы региона (природные, трудовые, экономические и др.). К международным возможностям регионов М. Китинг относит глобализацию, усложнение международных отношений и снижение роли государства: «капиталы, товары, услуги и — в меньшей степени — люди обрели мобильность, их невозможно удерживать в пределах одного государства» [1].

Иво Духачек выявил, что субнациональные власти для проведения своей политики на международной арене используют определенные механизмы («каналы участия»): открытие постоянных представительств регионов, деловые поездки за границу и участие в конференциях представителей местных органов власти, проведение международных торговых и промышленно-инвестиционных выставок [10, 14]. М. Китинг, в свою очередь, подразделил каналы участия на две формы международного взаимодействия — двустороннее партнерство и межрегиональное сетевое сотрудничество. Двустороннее партнерство реализуется между регионами, искусственно разделенными границами, а межрегиональное сетевое сотрудничество осуществляется регионами без общей границы, но со схожими целями и задачами развития местного сообщества и региональной экономики. Главный механизм реализации сетевого сотрудничества — создание межрегиональных ассоциаций, которые становятся площадкой для общения и нахождения контактов. Исходя из идей британского политолога, при анализе отношений между центром и регионами необходимо обращаться к правовым и политическим факторам взаимоотношений, отдавая предпочтение последним путем наблюдения за «изменением отношения к парадипломатии при смене региональных элит» [1].

Региональное самоуправление в Северной Европе исторически развито, и при этом муниципалитеты всегда обладали высокой степенью автономии в принятии решений, включая межрегиональные контакты, которые, будучи составной частью региональной политики, разрабатываются на уровне национальных министерств. Региональное развитие является по сути межсекторальным, поэтому скоординированные действия между различными административными секторами определяют эффективность применяемых на практике мер. Региональная и структурная политика ЕС рассматривается в качестве дополнения региональных политик стран-членов, в частности учитываются рамки стратегического планирования.

Представители школ парадипломатии указывали на отсутствие теоретических объяснений «методов создания акторов мировой политики, факторов, влияющих на их поведение и формулировку стратегии международной деятельности» [15, 96]. Теория конструктивизма существенно дополняет концепцию парадипломатии.

В центре конструктивистской парадигмы — взаимодействие агентов (акторов), главным образом государств, создающих социальную реальность в макро- и микроструктурной среде, то есть на глобальном и региональном уровне. Исходя из системного подхода, в трансграничном сотрудничестве (микроструктурный уровень) можно выделить его элементы — внутригосударственные регионы и города, внутреннюю структуру — межрегиональные связи, внешнюю структуру — взаимодействие между государствами (макроструктурный уровень). На активность международного сотрудничества регионов влияют различные микро- и макроструктурные факторы внешней среды. При характеристике сотрудничества Северо-Запада России и Северной Европы обращаются к таким микроструктурным факторам, способствующим сотрудничеству, как географическая, политическая, конфессиональная, социально-культурная и ментально-психологическая схожесть [2, 79]. Нормы международного права, регулирующие трансграничное сотрудничество, основные принципы сотрудничества в рамках

региональных организаций, инструменты поддержки трансграничного сотрудничества образуют группу макроструктурных факторов.

Американский конструктивист А. Вендт в своих исследованиях указывает, что «характер международной жизни определяется убеждениями и ожиданиями, которые агенты имеют друг о друге, и это устанавливается социальными, а не материальными структурами» [19, 20]. В понятии «агент» отражается социальный и культурный контроль системы над индивидами и/или социальными общностями, та роль, которую они стремятся (сознательно или бессознательно) играть в соответствии с ожиданиями окружающих, основанными на социальном статусе агента [8, 32].

Получение статуса агента происходит через социализацию, интернализацию и культурный отбор. Применительно к формированию трансграничных регионов это выглядит следующим образом.

Социализация — включение регионов в систему взаимоотношений внутри международного общества посредством как убеждения, так и «нормативного давления» [4, 143]. Региональной интеграции способствует и процесс европеизации, который подразумевает адаптацию европейских норм, решений, ценностей через создание сетей сотрудничества между национальными и субнациональными акторами [9, 29]. К нормам (разделяемым способам поведения) можно отнести международные соглашения и конвенции, правила участия в субрегиональных организациях, каковыми являются, например, Хельсинкский договор 1962 г., Мадридская конвенция 1980 г., Европейская хартия местного самоуправления 1985 г. Конструктивисты описывают социализацию при помощи таких понятий, как «интерсубъективность» (общее понимание, единство идей в области международных отношений) и «идентичность» (самопредставление, самовосприятие и отличие себя от другого) [7, 15].

Усвоение и принятие норм государствами называется интернализацией и происходит по принуждению, выгоде или в силу легитимности — восприятия этих норм и правил как законных [19, 250]. Совокупность оценочных стандартов (норм, ценностей, идей) и когнитивных стандартов (правил и образцов), определяющих существование, функционирование и взаимодействие в системе тех или иных общностей и акторов, описывается термином «культура» [12, 56]. Культура, по А. Вендту, основывается на «структуре ролей»: «враг», «конкурент» и «друг». Понимая международную систему как анархичную, то есть без верховного арбитра, обеспечивающего соблюдение всеми акторами единых законов, А. Вендт говорит о том, что ее структура зависит от того, какая из ролей будет доминировать [19, 239]. Каждой роли соответствует одна из «культур анархии»: гоббсианская (безопасность), локкианская (сохранение status quo) и кантианская (коллективная идентичность) [20, 402].

Одним из важнейших для конструктивистского подхода является соотношение понятий интереса и идентичности агента. Представление об интересах и предпочтениях агентов дают идентичности, которые отражаются в социальных событиях, нормах и процессах. Внешняя среда предопределяет ролевые идентичности регионов: так, на границе с Европой возникают зоны коммуникации,

а восточный и южный приграничные регионы выполняют защитную, а часто и барьерную функцию [4, 140].

Формирование региональной идентичности — одна из основ «нового регионализма» и наивысшая степень региональной интеграции по шкале Хеттне [11, 331]. Идентичность формируется в результате повседневной практики и контактов между индивидуумами разного уровня — от профессиональных политиков до простых жителей. Процессы регионализации отдельных государств связаны не столько с экономическими и политическими претензиями властей, сколько с культурной самоидентификацией, сохранением традиций на данной территории.

А. С. Макарычев развивает концепцию «мягкого регионализма», согласно которой существенное влияние на процесс конструирования идей и формирования институциональной структуры региона оказывает «эпистемологическое сообщество» [5, 81]. Согласно теории социального капитала «наличие сильной региональной идентичности способствует экономическому процветанию» [17, 167]. Однако создание региональной идентичности часто сопряжено с появлением националистических движений и сепаратистских тенденций. Как считает А. Леккур, национализм является наиболее важным фактором, определяющим парадипломатию: «регионы с сильными националистическими движениями с большей вероятностью создадут международный имидж» [16].

Эволюция агентов международной системы сопровождается «культурным отбором» в форме имитации (одностороннего воспроизводства) успешного опыта или обучения (двухстороннего процесса, требующего взаимодействия между источником опыта и реципиентом) [4, 145]. В трансграничном сотрудничестве культурный отбор проходит через реализацию проектов, создание совместных стратегий развития. Обучение может выражаться в участии регионов в международных организациях, таких как Совет министров северных стран или Баренцев Евро-Арктический регион. Подобного рода организации аккумулируют в себе интеллектуальный капитал, привлекая к работе экспертное и научное сообщество. Обмен данными, проведение круглых столов и рабочих встреч позволяет находить решения общих проблем, а затем применять наработки в регионах. Важное место отведено институтам, кодифицированным в формальных нормах и правилах, но имеющим мотивационную силу только вследствие социализации акторов и их участия в коллективном знании [20, 404]. К таким институтам следует отнести официальные отношения на основе соглашений, деятельность рабочих групп, еврорегионов и трансграничных регионов. Подобные институты обладают правосубъектностью и легитимностью в глазах других участников международного взаимодействия.

Большинство трансграничных регионов Северной Европы, как и в Евразии, — это функциональные регионы, составные части которых изначально не обязательно были сходны друг с другом, а их создание предполагает достижение взаимодополняемости территориальных компонентов через интеграцию. Безусловно, формирование в регионе ценностного единства, прочных коммуникационных связей, снижение экономических диспропорций способствуют созданию и укреплению международного порядка и безопасности. Таким образом, применение

конструктивистского подхода в анализе деятельности субнациональных единиц помогает интерпретировать их поведение и оценить выгоды от принятия тех или иных внешнеполитических решений.

1. *Китинг М.* Новые возможности регионализма [Электронный ресурс]. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11153 (дата обращения: 05.03.2016).
2. *Кочегарова Т. М.* Северо-Запад России в контексте общеевропейской интеграции // Балтийский регион. 2013. Вып. 2 (16). С. 73–83.
3. *Кузнецов А. С.* Дискурс парадипломатии // Дискурс-Пи. 2010. № 1–2. С. 353–354.
4. *Макарычев А. С.* Регионализм глазами конструктивизма: агенты, структуры, идентичности // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2010. № 3. С. 137–150.
5. *Макарычев А. С.* Мягкий и жесткий регионализм: калининградские контуры // Космополис. Зима 2002/2003. № 2. С. 81.
6. *Плотникова О. В.* Международные отношения государств и международные связи регионов государств: общее и особенное // Власть. 2014. № 12. С. 66–69.
7. *Цыганков П. А.* Восприятие расширения ЕС населением приграничных регионов России: к методологии анализа проблемы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18 : Социология и политология. 2006. № 3. С. 11–15.
8. *Цыганков П. А.* О содержании термина «международный актор»: вклад социологии // Материалы 4-го конвента РАМИ «Пространство и время в мировой политике и международных отношениях» Т. 1 / под ред. проф. М. М. Лебедевой. М., 2007. С. 30–42.
9. *Шлапек Е. А.* Конструирование региональной идентичности в Северной Европе: институты и инструменты // Человек. Сообщество. Управление. 2015. Т. 16, № 4. С. 27–38.
10. *Duchacek I.* Perforated Sovereignities: towards a typology of new actors in International relations // Michelmann H. J., Soldatos P. Federalism and international Relations. The role of subnational units. Oxford University Press, 1990. P. 1–34.
11. *Hettne B.* The Europeanization of Europe: endogenous and exogenous dimensions // Journal of European Integration. Vol. 24, № 4. P. 325–340.
12. *Jepperson R. L., Wendt A., Katzenstein P. J.* Norms, Identity and Culture in National Security // Peter J. Katzenstein. The Culture of National Security. Norms and Identity in World Politics. N. Y., 1996. P. 33–75.
13. *Keating M.* Paradiplomacy and regional networking [Electronic resource]. URL: <http://www.forumfed.org/libdocs/ForRelCU01/924-FRCU0105-eu-keating.pdf> (accessed: 20.02.2016).
14. *Kincaid J.* Foreign relations of Sub-national Units. Constituent Diplomacy in Federal Systems // Federalism in a Changing World, Learning from Each Other: Scientific Background, Proceedings, and Plenaries of the International Conference on Federalism [held in Aug. 27–30, 2002 at the University of St. Gallen, Switzerland]. P. 132–168.
15. *Lecours A.* Paradiplomacy: Reflections on the Foreign Policy and International Relations of Regions // International Negotiation. 2002. Vol. 7. P. 91–114.
16. *Lecours A.* When Regions Go Abroad: Globalization, Nationalism and Federalism [Electronic resource]. URL: <http://www.pinkcandyproductions.com/portfolio/conferences/globalization/pdfs/lecours.pdf> (accessed: 28.02.2016).
17. *Putnam R.* Making democracy work. Civic traditions in modern Italy. Princeton University Press, 1993.
18. Territorial cooperation — extending interaction. Nordregio report 2007:1 [Electronic resource]. URL: http://www.nordregio.se/filer/Files/r200701/NR2007_1_chapter_4.pdf (accessed: 20.02.2016).
19. *Wendt A.* Social theory of international politics. Cambridge University Press, 1999.
20. *Wendt A.* Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization, 1992. Vol. 46 (2). P. 391–425.

Рукопись поступила в редакцию 14 марта 2016 г.

УДК 327.36(470) + 327.36(597) + 327.36(510) +
327.3(540) ++ 94(470)“1941/1945”

К. Г. Муратшина

ПАРТНЕРЫ РОССИИ В АЗИИ И 70-ЛЕТИЕ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В статье рассматривается отражение одного из важнейших событий 2015 г. — 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. — в политическом и гуманитарном сотрудничестве России с ее партнерами в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В современных международных условиях данные государства оказывают определенную политическую поддержку России, однако более детальный анализ дает возможность говорить о некоторой разнице в их позициях и оценках данного события. В рамках исследования было проанализировано соответствующее направление политического и гуманитарного взаимодействия РФ со следующими государствами: Социалистической Республикой Вьетнам, Республикой Индия, Китайской Народной Республикой, Монголией.

Ключевые слова: Россия, 70-летие Победы в Великой Отечественной войне, внешняя политика, международное сотрудничество, Социалистическая Республика Вьетнам, Республика Индия, Китайская Народная Республика, Монголия.

Семидесятилетие Победы советского народа в Великой Отечественной войне стало одним из центральных событий 2015 г. во внутриполитической и духовной жизни России и оказало влияние на ее международные политические и гуманитарные связи. В современных условиях, когда некоторые государства пытаются способствовать международной изоляции РФ, особенно острыми становятся вопросы надежности партнеров и взаимопонимания с ними, в том числе и в оценках, трактовках тех периодов истории, когда народы защищали свое право на жизнь, свою идентичность. Политическое и гуманитарное сотрудничество в данном контексте приобретает особую важность, так как создает основу для взаимопонимания, сближает взгляды или, наоборот, выявляет разногласия.

Данное направление международного сотрудничества является одним из приоритетных, согласно Концепции внешней политики РФ 2013 г., содержащей в том числе такие задачи, как «развитие... международного культурного и гуманитарного сотрудничества как средства налаживания межцивилизационного диалога, достижения согласия и обеспечения взаимопонимания между народами» и «противодействие проявлениям экстремизма, неонацизма... попыткам переписать историю и использовать ее в целях нагнетания конфронтации и реваншизма, подвергнуть ревизии итоги Второй мировой войны». Кроме того, Концепция говорит о необходимости «работать над созданием положительного образа России, соответствующего авторитету ее культуры, образования, науки, спорта, уровню развития гражданского общества... формировать инструменты воздействия на ее восприятие в мире, совершенствовать систему применения “мягкой силы”, искать оптимальные формы деятельности на этом направлении, учитывающие

как международный опыт, так и национальную специфику и опирающиеся на механизмы взаимодействия с гражданским обществом и экспертами, продолжить формирование нормативной базы в указанной сфере» [22].

Представляет значительный научный и прикладной интерес проведение ретроспективного анализа с целью выявления влияния столь важного события, как 70-летие Победы над фашизмом, на сотрудничество со странами Азии, с которыми в настоящее время Россия на фоне некоторого охлаждения отношений с Западом активно развивает свое взаимодействие. Для анализа нами были выбраны соответствующие направления сотрудничества РФ с Социалистической Республикой Вьетнам, Республикой Индия, Китайской Народной Республикой, Монголией.

С Социалистической Республикой Вьетнам Россию связывают, как отмечается в Совместном российско-вьетнамском заявлении 2014 г., «отношения всеобъемлющего стратегического партнерства» [43]. Гуманитарные связи пока еще находятся в стадии «оживления», но стороны называют в качестве задач «укрепление связей, включая расширение обменов по линии профильных министерств и ведомств, регулярное проведение на взаимной основе Дней национальной культуры», «контакты по линии средств массовой информации, архивных служб, обществ дружбы и других общественных организаций», в том числе «проведение в 2015 г. совместных мероприятий, посвященных памятным датам в истории двух стран, включая 65-летие установления дипотношений между Россией и Вьетнамом (30 января), 40-ю годовщину освобождения юга Вьетнама и воссоединения страны (30 апреля), 70-летие Победы в Великой Отечественной войне (9 мая), 70-ю годовщину провозглашения независимости Вьетнама (2 сентября), что призвано содействовать передаче эстафеты российско-вьетнамской дружбы из поколения в поколение». Добавим, что вьетнамский народ также помнит о столь необходимой помощи от СССР в отражении агрессии Китая в 1979 г. [25]. Как отмечают исследователи Института востоковедения РАН, российско-вьетнамские отношения были в 2012 г. «повышены» до уровня «всеобъемлющего стратегического партнерства», и «сотрудничеству по линии народной дипломатии обе стороны придают большое значение» [26, 5–7]. Как видим, имеется серьезный базис для гуманитарных связей двух стран. Что же было сделано в реальности?

Во-первых, следует отметить визит вьетнамского президента в Москву на торжества 9 Мая. В ходе встречи с В. В. Путиным Чыонг Тан Шанг заявил: «Мы очень высоко оцениваем значение этой победы (в Великой Отечественной войне. — К. М.). Она заложила основы для борьбы за свою независимость различных народов мира и также стала залогом для победы нашей революции в августе 1945 г. Это также повод подтвердить традиционный характер дружественных отношений между нашими странами. И мы хотим далее углублять отношения с вами, это один из главных приоритетов нашего внешнеполитического курса. Мы прекрасно осознаем, что все, что было достигнуто Вьетнамом сегодня, это, конечно, результат максимальных усилий вьетнамского народа, но Вьетнам также принимал помощь и содействие международных друзей, в том числе России. Для нас была большая честь принять участие сегодня утром в параде на Красной площади. Мы смогли

почувствовать дух Победы. И все песни, музыка, которую мы слышали сегодня на Красной площади, также нам, вьетнамскому народу, очень знакомы, родные для нас» [13]. О благодарности Советскому Союзу и необходимости «противостоять попыткам исказить историю» Чыонг Тан Шанг говорил и в большом интервью ТАСС накануне своего визита в Россию [35].

Во-вторых, во Вьетнаме была организована серия совместных торжественных мероприятий. 6 мая посольства России, Белоруссии, Азербайджана, Армении и Казахстана в Ханое провели совместный прием, также были организованы праздничные концерты и выставки [29], 9 мая состоялась церемония возложения венков к памятнику советским, российским и вьетнамским военнослужащим и гражданским лицам, погибшим за мир и стабильность в регионе (мемориал был открыт в 2009 г. в Камрани) [4]. При содействии Российского центра науки и культуры (РЦНК) в Ханое прошли концерт песен и стихотворений военных лет, неделя российских фильмов, конкурс чтецов стихотворений о войне на русском языке «Русская земля — страна героев» с участием свыше 100 изучающих русский язык вьетнамских студентов и школьников из городов Ханой, Намдинь и Тхайнгуен. Кроме того, Вьетнам, как и многие другие партнеры России, подключился к акции «Георгиевская лента» [12].

Республика Индия — один из традиционных и ведущих на современном этапе партнеров России практически во всех сферах. В совместном российско-индийском заявлении по итогам официального визита в РФ премьер-министра Индии Н. Моди в декабре 2015 г. говорится о «продемонстрированном» в ходе торжеств 9 Мая «чувстве солидарности, сопереживания и доброй воли между двумя странами». «Расширение культурного сотрудничества» и «контакты между людьми» названы одним из приоритетов сотрудничества [46].

По итогам встречи лидеров двух стран в ходе торжеств 9 Мая президент Индии П. Мукерджи поздравил В. В. Путина «с прекрасным проведением празднования Дня Победы» и заявил: «Мы знаем, насколько важную роль играл в то время Советский Союз. Именно он дал окончательный, решительный удар, сокрушил силы нацизма и фашизма» [11]. Индийские военнослужащие приняли участие в параде на Красной площади [31]. По словам президента Мукерджи, «парад был впечатляющим», а Индия, «присоединившись к этим памятным событиям, подтвердила свою приверженность миру и решимость, необходимую для того, чтобы избежать войн и конфликтов в будущем, а также солидарность с Россией» [32]. Командующий контингентом индийского полка на параде капитан Викас Сингх Сухаг и ответственный за участие индийской армии в празднованиях 70-летия Победы полковник Дигвиджай Сингх признались журналистам, что индийские солдаты готовились к параду на Красной площади «в течение восьми месяцев... Это была честь для нас среди других десяти стран принимать участие в параде, который, безусловно, стал великим событием» [Там же]. А в одной из крупнейших газет Индии, «Хиндустан Таймс», в преддверии праздника вышла большая статья «Конец фашизма. Важнейшее событие, о котором некоторые хотят забыть», посвященная решающей роли Советского Союза в разгроме фашизма и осуждению попыток пересмотра истории войны [55].

В Нью-Дели посольства Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана организовали совместный прием и серию фотовыставок [48]. Праздничные мероприятия начались задолго до юбилейной даты и также продолжались после 9 Мая: среди наиболее заметных — совместный семинар в Тричи по противодействию фальсификации истории [54]; фотовыставка в Ченнаи, посвященная Сталинградской битве [52]; выставка «Художники против войны и насилия за мир и дружбу на земле» в Калькутте [8]; кинофестиваль российских и советских фильмов в Импхале [5]; «Волгоградский концерт» в Пондишери и Ченнаи [50]; праздничные мероприятия в заповедном имении Н. К. Рериха в Гималаях [40] и в Российском центре науки и культуры в Нью-Дели [18]; вечер поэзии Великой Отечественной в Ченнаи [51]; российско-индийская фотовыставка «Мир без войны» в РЦНК в Нью-Дели, открывшаяся в августе 2015 г. [1]; научный семинар по противодействию фальсификации истории Великой Победы 15 июля в Ченнаи, организованный представительством Россотрудничества в Индии совместно с историческим факультетом Колледжа Лойола г. Ченнаи [41]; круглый стол на тему «Молодежь против фашизма», проведенный Молодежной лигой «Дружба» совместно с РЦНК (в нем приняли участие представители творческой элиты Западной Бенгалии, известные писатели Бангладеш, а также литераторы индийского происхождения из Великобритании и Канады) [9] и др.

К участию в торжествах другого важнейшего азиатского партнера России, Китая, было приковано, пожалуй, наибольшее внимание, что свидетельствует об ожидании российской стороны от него поддержки своих позиций на международной арене, хотя, как известно, при всем уважении китайского народа к исторической памяти, официальная позиция руководства КНР в оценке Великой Отечественной войны Советского Союза и Второй мировой войны в целом отличается от привычных в российской и мировой исторической науке оценок. В ней имеется немало моментов, вызывающих недоумение как у российских ветеранов Великой Отечественной войны, так и у большинства российских семей, потерявших своих родных на полях сражений в Европе и в Азии при освобождении Китая от японских захватчиков [27].

Анализируя двусторонние документы РФ и КНР, можно отметить, что заложенная в Совместном заявлении двух стран 2010 г. в связи с 65-летием окончания Второй мировой войны [44] тенденция пропаганды масштабов сотрудничества СССР и КНР в военный период и роли Китая во Второй мировой войне была продолжена в Совместном заявлении 8 мая 2015 г. [45]. В документе однозначно заявляется, что Советский Союз и Китай стали «основными театрами военных действий в Европе и Азии», а второй, наравне с Россией, «основной державой-победительницей во Второй мировой войне; основателем Организации Объединенных Наций» называется Китай, опуская роль западных союзников СССР по антигитлеровской коалиции. Надо сказать, что подобные формулировки не просто являют собой попытку внести спорные «поправки» в историческую канву событий, но работают на геополитические интересы КНР, где на памяти о Второй мировой войне в основном построена современная антияпонская риторика,

направленная на оправдание наращивания китайского военного потенциала в соперничестве за абсолютное военное и экономическое лидерство в Азии. А Россия, таким образом, собственноручно оформляет разрыв с общим с западными союзниками во Второй мировой войне историческим прошлым. И есть риск, что Китай может использовать охлаждение отношений России и Запада в своих целях. Не случайно в связи с празднованием Дня Победы в китайской прессе особо отмечался факт «бойкота» западными лидерами парада в Москве [57].

Использование же партийным и государственным руководством КНР термина «Вторая мировая война» (и конкретно в данном заявлении, и в целом), отчасти перекрывающего понятие Великой Отечественной войны советского народа и 70-летие Победы в ней, т. е. собственно сам повод для заявления, для праздничных мероприятий и визита Си Цзиньпина в Москву, стало непреложным правилом в политике КНР. Именно сочетание «70-летие победы в мировой войне», без выделения термина «Великая Отечественная война», употреблялось при освещении майских праздничных событий в центральных китайских СМИ, как государственных (отметим также, что у многих из них существуют версии на русском языке, т. е. предназначенные для аудитории в России и СНГ) [30], так и международных [56].

Даже в опубликованной в «Российской газете» 6 мая 2015 г. статье «Помнить историю, открывать будущее» председатель КНР один абзац посвятил Великой Отечественной войне советского народа, еще один — советской помощи Китаю в освобождении от японских захватчиков, а основное внимание уделил роли Китая во Второй мировой, помощи Китая СССР (перечислен «внушительный» список китайских участников «борьбы против немецкого фашизма», включающий «старшего сына председателя Мао Цзэдуна как политрука танковой роты 1-го Белорусского фронта», «китайского летчика Тан До» и китайскую журналистку Ху Цзибан). Также Си Цзиньпин упоминает о трудовой деятельности воспитанников Ивановской международной школы-интерната, констатирует общий факт «непримиримой борьбы между справедливостью и злом, светом и тьмой, свободой и порабощением» «всех народов вместе» и говорит о своем участии в памятных мероприятиях в России и «уроках Второй мировой войны» [42]. Наверное, излишне говорить, что российские ветераны Великой Отечественной помнят о взаимодействии с китайцами разве что в боях за освобождение Китая при разгроме Квантунской армии.

Тем не менее можно констатировать, что совместное празднование прошло с размахом: присутствие Си Цзиньпина на трибуне на Красной площади рядом с В. В. Путиным, многочисленные культурные мероприятия российских диппредставительств в Китае и китайских — в России. Среди наиболее ярких можно назвать следующие: выставка «Роль СССР в победе над фашизмом и освобождении Дальнего Востока», проводившаяся в столице саммитов ШОС и БРИКС 2015 г. в Уфе и одновременно в Пекине [10]; молодежный выставочный проект «Победе посвящаем» [21]; памятные церемонии в регионах освобожденного советскими солдатами от японской оккупации Северо-Восточного Китая [28, 47]; праздничный концерт «Эхо Победы» в Российском культурном центре в Пекине [7];

российско-китайская конференция в Шанхайской академии общественных наук, посвященная проблеме борьбы с фальсификацией истории [49], и многие другие. Кроме того, в Москве Институтом Дальнего Востока РАН, Обществами дружбы России и Китая, Академией общественных наук КНР и другими российскими и китайскими научными и ветеранскими организациями была проведена международная научная конференция «Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне» [38]. Различные совместные инициативы воплощались и после юбилея Победы: например, российско-китайский кинофестиваль «Вечный огонь», показы которого проходили сначала в КНР [6], а затем в России [20]; выход в свет фотоальбома «Помнить историю, защищать мир. В честь 70-й годовщины Победы над фашизмом», изданного при поддержке правительств двух стран [39].

В описании в китайских СМИ мероприятий в честь 70-летия Победы над фашизмом даже читателям с самым непредвзятым взглядом бросаются в глаза две особенности: практически любые подобные совместные с Россией инициативы Пекин использовал для решения двух политических задач: обличения милитаризации современной Японии как своего главного соперника в Азии и пропаганды своей собственной роли во Второй мировой войне. Признавая роль СССР в достижении Победы, руководство КНР при этом пропагандирует заслуги китайских военных, причем речь идет о заслугах не только в освободительной Антияпонской войне, но и в мировом масштабе. В рамках конференции в ИДВ РАН, например, темы докладов китайских участников звучали так: «Роль шоссе Дянь-Мянь в мировой победе над фашизмом», «Антияпонская война и спасение человеческой цивилизации», «Неоценимая роль борьбы китайского народа против японских захватчиков в истории мирового антифашистского движения» и т. д.

В ходе празднования годовщины Победы КНР также придерживалась несколько странной манеры проводить «раздельное» празднование и пытаться четко разграничить «роли» в Победе каждого из народов бывшего СССР по отдельности. Например, всего лишь спустя два дня после майского визита в Москву Си Цзиньпин уже был в Минске, где встречался с белорусскими ветеранами (как написала «Жэньминь жибао», «белорусскими ветеранами Второй мировой войны»), и заявил, что «в войне против фашизма и милитаризма белорусский и китайский народы боролись плечом к плечу и кровью скрепили гордую дружбу» [34]. А накануне визита в Россию лидер КНР побывал в Казахстане, где было заявлено, что «народы Казахстана и Китая едины в том, что только уважительная память о Великой Победе над фашизмом, передаваемая из поколения в поколение, может служить надежной гарантией недопущения новых войн и способствовать укреплению мира, стабильности и доверия между народами». Президент Н. А. Назарбаев получил приглашение присутствовать на параде в Пекине 3 сентября [19]. Подобная тенденция была заметна и ранее [27]. Как представляется, это отнюдь не способствует международному единению и сохранению общей исторической памяти народов бывшего СССР в современных исторических условиях, когда лидеры бывших союзных республик и так не раз давали оценки событиям Великой Отечественной войны, отличные от российских [23].

Наконец, более чем непонятным было отсутствие показа в Китае прямой трансляции московского парада в честь 70-летия Победы. Как отмечает И. Е. Денисов (Центр исследований Восточной Азии и Шанхайской организации сотрудничества МГИМО), причиной этому могло послужить двойственное отношение китайского руководства к конфликту России и Запада, а также то, что оно «посчитало лишним тратить эфирное время на рассказ о российском оружии», на рекламу российского ВПК, с одной стороны, и с другой — на тот материал, который западные наблюдатели могут посчитать совсем не нужной официальному Пекину в его отношениях с Западом демонстрацией военно-политического взаимодействия с Россией [16]. К слову, в индийских СМИ, например, напротив, появились восторженные отзывы о представленной на параде новой военной технике [53]. Однако свою политическую задачу Китай выполнил: продемонстрировав в целом поддержку празднования Победы, получил «бонус» в виде симметричного участия российской делегации в торжествах по поводу 70-летия окончания Антияпонской войны в Пекине 3 сентября 2015 г., присутствия российского президента на параде в Пекине, проведенном впервые в истории с поистине международным размахом.

Что касается еще одного восточно-азиатского государства, Монголии, то совместные с ним памятные исторические мероприятия начались еще в 2014 г., когда две страны вместе отмечали 75-летие победы в битве на реке Халхин-Гол, к чему был приурочен государственный визит в Монголию президента РФ. Как заявил президент Монголии Ц. Элбэгдорж, «дружба и сотрудничество, скрепленные боевым братством, и в мирное время продолжают в виде созидания и строительства» [17]. В мае 2015 г. состоялся ответный визит монгольского президента в Россию по приглашению В. В. Путина [14], а представители вооруженных сил Монголии приняли участие в параде на Красной площади [31]. Торжественные мероприятия прошли по всей Монголии, а парламент Монголии в полном составе присоединился к акции «Георгиевская лента» [33]. Как сообщает ТАСС, в годы Великой Отечественной войны Монголия передала СССР 500 тыс. лошадей, танковую колонну и авиационную эскадрилью, сформированные на добровольные пожертвования граждан, девять эшелонов с продовольствием, обмундированием и подарками красноармейцам. Также осуществлялись поставки мяса и шерсти [Там же].

Подводя итог, хотелось бы привести следующие выводы.

Без сомнения, 70-летие Победы стало одним из важнейших событий в гуманитарном сотрудничестве России с ее партнерами в АТР в 2015 г. Это связано прежде всего с огромной ролью данного исторического события в коллективной памяти россиян, в культуре и цивилизационном развитии нашей страны. Значение празднования 9 Мая позволяет исследователям даже относить это событие к «основополагающим ритуалам» для россиян, в том числе в связи с тем, что «важнейшую часть национального самосознания составляют мифы и символы, относящиеся к войне». Кроме того, «война и связанные с ней чувства гордости и победы, а также страдание и горечь потерь являются важным ценностным элементом мифологии, культуры и истории нации» [2, 17, 14]. В зарубежном же

сотрудничестве празднование годовщин Победы, по сути, как мы видим, составляет целое направление гуманитарных связей.

Отдельно следовало бы отметить в контексте нашего исследования индийское направление политического и гуманитарного сотрудничества РФ. Сотрудничество с Республикой Индия часто не получает достаточного освещения в СМИ РФ и должной оценки в российских научных кругах; внимание большинства политиков, политологов и журналистов обращено исключительно на взаимодействие России с Китаем. Однако мы должны отметить чрезвычайно высокую значимость гуманитарных связей с Индией, высокую степень взаимопонимания и, что самое главное, равноценность, равнозначность подходов российской и индийской сторон к рассматриваемой проблеме.

Рассмотренный вопрос выводит нас также на еще более важную и широкую проблему: каким образом Россия способна наращивать, развивать и применять «мягкую силу» в современных политических условиях, используя свой колоссальный культурный и исторический потенциал и общую память с дружественными странами для формирования имеющих прочную социальную базу альянсов на международной арене? Представляется, что эта способность должна со стороны РФ развиваться и стать предметом скоординированной серьезной стратегической работы с четкими задачами и инструментарием, осуществляемой совместными усилиями государственных органов и агентств, общества, СМИ и, разумеется, экспертов-страноведов. Но пока, например, в тех же отношениях РФ и СРВ, по мнению специалистов, «культура, игравшая базовую роль в поддержании атмосферы дружбы и взаимопомощи народов двух стран в советский период, почти не используется новой Россией в качестве инструмента сближения» [24]. Некоторые политические просчеты Россией были допущены и в ходе возобновления активных политических и экономических связей в начале XXI в. с Монголией [37], что усугублялось сокращением контактов между россиянами и гражданами Монголии и распространением в монгольском обществе негативных стереотипов в отношении России [36]. Однако все эти проблемы представляются решаемыми в случае принятия нашей страной подходящей стратегии для развития гуманитарной дипломатии и наращивания своей «мягкой силы».

Кроме того, нельзя не отметить необходимость дальнейшего развития в России исследований периода Великой Отечественной и ее итогов. Хотя объем работ по тому же разгрому советскими войсками Японии, как отмечают специалисты, уже достаточно велик [15, 7] и появляются новые актуальные материалы [3], остается еще множество направлений для исследований, «белых пятен».

Но главное условие успеха применения «мягкой силы» и успеха взаимодействия — наличие движения навстречу со стороны партнеров. В случае с политикой рассмотренных государств такое встречное движение, хоть и в разной мере, но, безусловно, имеется, что дает надежду на выстраивание столь важных курсов сотрудничества в будущем.

1. 5-я ежегодная российско-индийская фотовыставка «Мир без войны» в РЦНК в Нью-Дели // Представительство Россотрудничества в Республике Индия. 12.08.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://ind.rs.gov.ru/node/13133> (дата обращения: 03.01.2016).

2. *Арсланова (Михайленко) Е. Б.* Великая Победа 1945 года как основополагающий ритуал России (в контексте национальной идентичности) // Изв. Урал. федер. ун-та. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2011. Т. 86, № 1. С. 13–25.

3. *Брилев С.* Советский солдат освободил Корею. И точка! // Российский совет по международным делам. 24.02.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5331#top (дата обращения: 28.02.2015).

4. В День Победы во Вьетнаме почтили память павших советских, российских и вьетнамских воинов // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 2015. 9 мая.

5. В Импхале состоялось торжественное открытие Кинофестиваля российских и советских фильмов, посвященного 70-летию Победы // Представительство Россотрудничества в Республике Индия. 16.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://ind.rs.gov.ru/node/12295> (дата обращения: 03.01.2016).

6. В Китае пройдет I ретроспективный кинофестиваль советских фильмов о Великой Отечественной войне «Вечный огонь» // Информационное агентство «ДВ-Росс». 16.08.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://trud-ost.ru/?p=373264> (дата обращения: 08.01.2016).

7. В Российском культурном центре в Пекине состоялся праздничный концерт «Эхо Победы»: официальный сайт Россотрудничества. 25.04.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://rs.gov.ru/press/news/8659> (дата обращения: 08.01.2016).

8. В РЦНК в Калькутте открылась выставка картин 70 художников, посвященная 70-летию Победы в Великой Отечественной войне // Представительство Россотрудничества в Республике Индия. 27.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://ind.rs.gov.ru/node/12395> (дата обращения: 03.01.2016).

9. В РЦНК состоялся круглый стол, посвященный 74-й годовщине начала Великой Отечественной войны // Представительство Россотрудничества в Республике Индия. 15.07.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://ind.rs.gov.ru/node/12856> (дата обращения: 03.01.2016).

10. В Уфе и Пекине открывается выставка о победе над фашизмом и освобождении Дальнего Востока // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 2015. 5 мая.

11. Владимир Путин встретился с президентом Индии Пранабом Мукерджи : официальный сайт Президента РФ. 9.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49443> (дата обращения: 03.01.2016).

12. Во Вьетнаме прошел праздничный концерт, посвященный 70-летию Победы // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 2015. 5 мая.

13. Встреча с президентом Вьетнама Чыонг Тан Шангом : официальный сайт Президента РФ. 9.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49444> (дата обращения: 05.01.2016).

14. Встреча с президентом Монголии Цахиагийн Элбэгдоржем : официальный сайт Президента РФ. 07.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49429> (дата обращения: 05.01.2016).

15. *Галлямова Л. И.* Финал Второй мировой войны на Дальнем Востоке (дискуссионные вопросы современной отечественной историографии) // Россия и АТР. 2015. № 3. С. 5–20.

16. *Денисов И. Е.* Сигнал без трансляции: почему в Китае не показали московский парад // МГИМО-Университет. 14.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document271156.phtml> (дата обращения: 08.01.2016).

17. Заявления для прессы по итогам российско-монгольских переговоров : официальный сайт Президента РФ. 03.09.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/46552> (дата обращения: 05.01.2016).

18. К юбилею Великой Победы — выставка картин Н. К. Рериха : официальный сайт Посольства РФ в Республике Индия. 25.04.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://rusembindia.com/>

rus/glavnaya/novosti-posolstva/166-novosti-posolstva-2/7246-k-yubileyu-velikoj-pobedy-vystavka-kartin-n-k-erikha (дата обращения: 03.01.2016).

19. Казахстан и Китай призывают к уважению памяти о Великой Победе для недопущения новых войн // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 2015. 7 мая.

20. Кинофестиваль военных фильмов «Вечный огонь»: из Китая в Россию»: официальный сайт администрации Санкт-Петербурга. 30.11.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://gov.spb.ru/gov/otrasl/c_culture/news/77788/ (дата обращения: 08.01.2016).

21. Китайские и российские студенты нарисовали Победу // Жэньминь жибао-онлайн. 11.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0511/c31519-8890331.html> (дата обращения: 08.01.2016).

22. Концепция внешней политики РФ от 12.02.2013 / Министерство иностранных дел РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f> (дата обращения: 09.12.2013).

23. Лямзин А. В. Великая Отечественная война в риторике лидеров стран СНГ // Изв. Урал. федер. ун-та. Серия 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2011. Т. 86, № 1. С. 84–90.

24. Мазырин В. М., Кобелев Е. В. Россия — Вьетнам: 20 предложений по повышению эффективности всеобъемлющего стратегического партнерства / гл. ред. И. С. Иванов. М., 2015. С. 27, 28.

25. Мосяков Д. В. Роль СССР в отражении агрессии Китая против Вьетнама в 1979 г. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 22. С. 128–135.

26. Мосяков Д. В., Астафьева Е. М. Научно-практический семинар «Перспективы развития российско-вьетнамских отношений на новом этапе» (краткий обзор) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 25. С. 5–10.

27. Муратшина К. Г. Россия — КНР: китайский взгляд на историю Второй мировой, Великой Отечественной и Антияпонской войн на современном этапе // Изв. Урал. федер. ун-та. Серия 3 : Общественные науки. 2015. Т. 137, № 1. С. 112–127.

28. На севере Китая дипломаты возложили венки к памятнику советским и монгольским солдатам // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 2015. 4 мая.

29. О праздновании в Ханое 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Посольство РФ в СРВ. 07.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vietnam.mid.ru/press/582.html> (дата обращения: 05.01.2016).

30. Обзор: память о Второй мировой — миссия ради мира // Жэньминь жибао-онлайн. 10.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0510/c31519-8889912.html> (дата обращения: 08.01.2016).

31. Парад в честь 70-летия Великой Победы: официальный сайт Президента РФ. 09.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49437> (дата обращения: 03.01.2016).

32. Парад Победы в Москве произвел впечатление на президента Индии // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 2015. 11 мая.

33. Парламент Монголии в честь 70-летия Победы присоединился к акции «Георгиевская лента» // Там же. 8 мая.

34. Председатель КНР Си Цзиньпин встретился с представителями белорусских ветеранов Второй мировой войны // Жэньминь жибао онлайн. 11.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/china/2015-05/11/c_134229857.htm (дата обращения: 08.01.2016)

35. Президент Вьетнама в интервью ТАСС: человечество благодарно СССР за освобождение мира от нацизма // Посольство РФ в СРВ. 07.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vietnam.mid.ru/press/584.html> (дата обращения: 05.01.2016).

36. Родионов В. А. Политические образы России в дискурсивных практиках СМИ Монголии (2000–2013 гг.) // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2014. № 8-1. С. 152–155.

37. Родионов В. А., Бадмацыренов Т. Б., Шурхуу Д. «Возвращение» России в Монголию: проблема выбора стратегии // Ойкумена: Регионоведческие исследования. 2012. № 4. С. 112–119.

38. Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне : тез. докл. рос.-китайс. науч. конф., Москва, 5–6 мая 2015 г. М., 2015.

39. Россия и Китай выпустили совместный фотоальбом в честь 70-летия Победы // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 2015. 3 дек.

40. «Священная весна Победы» у Рерихов в Гималаях : официальный сайт Посольства РФ в Республике Индия. 03.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://rusembindia.com/rus/glavnaya/novosti-posolstva/179-obshchaya-novosti-posolstva-i-nasledie-rerikhov/7249-svyashchennaya-vesna-pobedy-u-rerikhov-v-gimalayakh> (дата обращения: 03.01.2016).

41. Семинар по противодействию фальсификации истории Великой Победы прошел в Лойола колледже в Ченнаи // Представительство Россотрудничества в Республике Индия. 15.07.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://ind.rs.gov.ru/ru/node/12798> (дата обращения: 03.01.2016).

42. *Си Цзиньпин*. Помнить историю, открывать будущее // Рос. газета. 2015. 6 мая.

43. Совместное заявление о поступательном продвижении всеобъемлющего стратегического партнерства между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам : официальный сайт Президента России. 25.11.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4785> (дата обращения: 05.01.2016).

44. Совместное заявление Президента РФ Д. А. Медведева и Председателя КНР Ху Цзиньтао в связи с 65-летием окончания Второй мировой войны : официальный сайт Министерства иностранных дел КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/gb/t757133.htm> (дата обращения: 23.12.2012).

45. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества : официальный сайт Президента РФ. 08.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4969> (дата обращения: 08.01.2016).

46. Совместное российско-индийское заявление по итогам официального визита в Российскую Федерацию премьер-министра Республики Индия Н. Моды «Через доверительные отношения к новым горизонтам сотрудничества» : официальный сайт Президента РФ. 24.12.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5050> (дата обращения: 03.01.2016).

47. Торжественная церемония возложения венков к монументу советским воинам в Люйшуне (Порт-Артур) : официальный сайт Россотрудничества. 25.04.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://rs.gov.ru/press/news/8660> (дата обращения: 08.01.2016).

48. Торжественный прием в честь 70-летия Великой Победы : официальный сайт Посольства РФ в Республике Индия. 09.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://rusembindia.com/rus/glavnaya/novosti-posolstva/166-novosti-posolstva-2/7261-torzhestvennyj-prijom-v-chest-70-letiya-velikoj-pobedy> (дата обращения: 03.01.2016).

49. Ученые из РФ и КНР высказались против попыток пересмотра итогов Второй мировой войны // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 2015. 5 мая.

50. Great holiday — Victory Day celebrated in Chennai on 01.05.2015 // Russian Centre of Science and Culture in Chennai, India. 01.05.2015. [Electronic resource]. URL: <http://www.rcsc.in/content/great-holiday-victory-day-celebrated-chennai> (accessed: 03.01.2016).

51. Literary-musical evening “Poetry born out of war” was held at the RCSC in Chennai on 18.05.2015 // Russian Centre of Science and Culture in Chennai, India. 18.05.2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.rcsc.in/content/literary-musical-evening-%E2%80%9Cpoetry-born-out-war%E2%80%9D-was-held-rcsc-chennai> (accessed: 03.01.2016).

52. Photo exhibition “The Battle of Stalingrad” on 06.02.2015 // Russian Centre of Science and Culture in Chennai, India. 6.02.2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.rcsc.in/content/photo-exhibition-%E2%80%9Cbattle-stalingrad%E2%80%9D> (accessed: 03.01.2016).

53. President Putin takes swipe at US as Russia celebrates victory day // The Hindustan Times. 9.05.2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.hindustantimes.com/world/president-putin-takes-swipe-at-us-as-russia-celebrates-victory-day/story-Md7j2kbx7sAsIA2EcDbuN.html> (accessed: 08.01.2016).

54. Seminars on “Combating against Falsification of the History of the Great Victory” in the city — Trichy (South India) on 24.02.2015 // Russian Centre of Science and Culture in Chennai, India. 24.02.2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.rcsc.in/content/>

seminars-%E2%80%9Ccombating-against-falsification-history-great-victory%E2%80%9D-city-%E2%80%93-trichy-south-india (accessed: 03.01.2016).

55. Sitaram Yechury. The end of fascism: A momentous event some wish to forget // The Hindustan Times. 5.05.2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.hindustantimes.com/columns/the-end-of-fascism-a-momentous-event-some-wish-to-forget/story-IXf6qXQkOdwEZwwJIyeFхK.html> (accessed: 08.01.2016)

56. Xi visits Moscow for WWII parade // Global Times. 9.05.2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/920669.shtml> (accessed: 08.01.2016).

57. Дэ мэй: Москэ юэбин фэнле оучжоу сифан дичжи ши дуй э чэнфа // Хуаньцю шибао. 1.04.2015 [Electronic resource]. URL: <http://mil.huanqiu.com/world/2015-04/6066564.html> (accessed: 08.01.2016)

Рукопись поступила в редакцию 1 февраля 2016 г.

УДК 327.7 + 327.81 + 339.52 + 341.35

А. Р. Папоян

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ АРМЕНИЕЙ И ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ

В статье описывается развитие сотрудничества между Арменией и Европейским союзом с момента обретения страной независимости в 1991 г. до настоящего времени. Рассматривается включение Армении в программу Европейской политики соседства, разработанную ЕС с целью укрепления связей между ЕС и странами Южного Кавказа, Восточной Европы и Средиземноморья. Особое внимание уделяется роли торговых отношений Армении со странами ЕС.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Европейский союз, Армения, ТАСИС, СНГ, Европейская политика соседства, торговые отношения.

С момента обретения независимости в 1991 г. Армения открыла двери к развитию сотрудничества на международном уровне. К 2015 г. страна имеет дипломатические отношения со 150 государствами и 50 международными организациями.

После распада СССР Армения сохранила давние дружеские отношения с Россией и присоединилась к Содружеству Независимых Государств (СНГ), как и многие другие бывшие советские республики. Одновременно с этим Армения стала членом ООН.

В это же время Армения стала активно развивать отношения с европейскими государствами и организациями. К началу XXI в. Армения стала членом Совета Европы, но перед этим страна начала вести сотрудничество с Европейским союзом (ЕС).

Сотрудничество с ЕС является одним из самых важных шагов участия Армении в международных делах и способствует развитию торговли, укреплению демократии и борьбе за права человека.

Актуальность темы данной статьи обусловлена тем, что к началу нового тысячелетия отношения ЕС и Армении начали укрепляться в рамках программы Европейской политики соседства (ЕПС). Исследование опирается на доклады Еврокомиссии по Армении 2005 и 2014 гг., в которых описывается прогресс страны в политике, экономике и социальных слоях населения за каждый год, а также на документ о развитии торговли ЕС с Арменией на 2014 г.

В статистических ежегодниках Армении особое внимание уделяется развитию внешнеэкономических отношений Армении как со странами ЕС, так и со странами СНГ.

Изучаемой проблеме посвящены исследования армянских исследователей С. Минасяна, Т. Мкртчяна и Н. Казаряна. С. Минасян в своей работе особое внимание уделяет, помимо истории установления сотрудничества ЕС и Армении, перспективам укрепления сотрудничества по конкретным направлениям в рамках Плана действий ЕПС. Т. Мкртчян выделяет несколько факторов установления и препятствия регионального сотрудничества и интеграции Армении с ЕС. Н. Казарян описывает историю установления и развития отношений ЕС с Южным Кавказом до и после реализации ЕПС.

По данной теме использованы также работы европейских экспертов по Кавказу Лоры Делькур (Laure Delcour), Юбера Дюхо (Hubert Duhot) и Личинии Симао (Lícinia Simão). Личиния Симао в своей работе рассматривает ЕПС как способ укрепления безопасности на Европейском континенте и в странах, участвовавших в программе ЕПС. Работа Лоры Делькур и Юбера Дюхо поднимает те же вопросы, что и работы С. Минасяна и Н. Казаряна.

Три фактора привели Армению к политике ориентации на Европу. Во-первых, с момента успешного завершения расширения Европейского союза армянские политические элиты констатировали, что участие ЕС в регионе и развитие близких отношений с Арменией могут стать гарантией для демократического и безопасного будущего Армении. Второй фактор связан с перспективами развития экономики. В-третьих, Армения расположена в геополитически сложном регионе, который является объектом интересов конкурирующих цивилизаций и политических союзов. Армянская общественность давно ощущает себя частью более широкой европейской цивилизации. Страна имеет богатое историческое прошлое, характеризующееся непрерывными контактами с европейскими державами (эллинистический мир, Римская республика и империя, Византийская империя). Армения была первым государством, принявшим христианство в качестве государственной религии в 301 г. н. э. Армянское общество, таким образом, чувствует себя носителем европейских ценностей, даже если оно в настоящее время отдалено от европейского ядра.

Сотрудничество между ЕС и Арменией делится на два этапа. На первом этапе были установлены двусторонние отношения между сторонами, но отсутствовала единая общеевропейская стратегия в отношении Кавказского региона до конца 1990-х гг.

Армения подписала Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС) с Европейским союзом в 1996 г. Три года спустя, в 1999 г., это соглашение вступило

в силу и остается основополагающей договорно-правовой базой отношений ЕС и Армении.

В рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве создан и действует соответствующий Совет ЕС — Армения, в котором Евросоюз представляют члены его Совета и Еврокомиссии, а Армению — члены ее правительства. Налаживание процедур и механизмов регулярного политического диалога между Арменией и ЕС осуществляется и путем консультаций на уровне экспертов. Кроме того, образован Комитет парламентского сотрудничества ЕС — Армения, координирующий связи Национального собрания Республики Армении с Европарламентом и с парламентами государств-членов ЕС. Указом президента Армении создана Межведомственная комиссия по вопросам европейской интеграции и сотрудничества между европейскими региональными организациями и Республикой Армения. Данная структура, работающая под эгидой Министерства торговли и экономического развития, — ответственный орган по имплементации данного договора и релевантных соглашений со стороны Армении [1, 82].

После обретения независимости в 1991 г. Армения была вовлечена в двусторонние и многосторонние проекты ЕС в рамках нескольких программ. Сюда включается национальная программа ТАСИС (Техническая помощь государствам СНГ), программа продовольственной безопасности, программа EIDHR (Европейский инструмент в поддержку демократии и прав человека), а также региональная программа (INOGATE — Межгосударственная транспортировка нефти и газа в Европу и ТРАСЕКА — транспортный коридор Европа — Кавказ — Азия). Европейский союз также обеспечивал поддержку Армении в институциональных, правовых и административных реформах.

Начало нового тысячелетия ознаменовало второй этап отношений, когда ЕС осознал свои интересы в Кавказском регионе и выразил желание более активно участвовать и разработать всеобъемлющую политику в отношении региона. Это отражает интересы безопасности ЕС. Также этот период включает в себя формирование ЕПС и единой внешней политики для укрепления дипломатического сотрудничества между ЕС и некоторыми странами СНГ, включая Армению.

Отношения между ЕС и странами Южного Кавказа сосредоточены на трех основных вопросах: содействие политическому и экономическому процессам переходного периода; разрешение конфликтов; поддержка развития энергетического потенциала региона. Эти вопросы были определены в качестве приоритетных для ЕС и государств региона и находятся в центре Плана действий ЕПС [11, 47].

Европейская политика соседства была разработана в ответ на новую политическую обстановку, возникшую в результате двух последних раундов расширения ЕС, и в качестве потенциального средства для решения «дилеммы включения-исключения». Это уникальная политика, которая объединяет отдельные географические и политические регионы внутри единой структуры внешних отношений ЕС. Самой главной чертой ЕПС в международной политике ЕС является региональное измерение. Основным критерием для стран, которые будут участвовать в ЕПС, является их географическое положение вблизи ЕС. Европейская политика

соседства охватывает такие регионы, как Восточная Европа, Южный Кавказ и Средиземноморье, с каждым из которых у ЕС имеются отдельные условия сотрудничества [8, 223].

Как и другие постсоветские республики, Армения переживала трудный политический и экономический трансформационный период в результате демонтажа Советского Союза. Кроме того, она столкнулась с последствиями конфликтов в Нагорном Карабахе, Южной Осетии и Абхазии, которые разразились в начале 1990-х гг. и вызвали политическую и экономическую нестабильность в Армении, Грузии, Азербайджане, а также миграцию населения этих стран из зон конфликтов.

Помощь была основным инструментом деятельности ЕС на Южном Кавказе в первое десятилетие после распада СССР. Европейский союз оказывал Армении и другим странам Южного Кавказа помощь, используя конкретные механизмы, такие как программы обеспечения безопасности пищевых продуктов (для Армении или Грузии) или гуманитарной помощи под руководством Европейской комиссии. Эта помощь была связана с внутренними проблемами, вставшими перед странами Южного Кавказа, в то время как программа ТАСИС была предназначена для поддержки общего экономического и политического переходных процессов во всех странах СНГ. В целом ЕС выделил более 1 млрд евро Азербайджану, Грузии и Армении в период с 1991 по 2000 г.

Оказывая гуманитарную помощь государствам Южного Кавказа, ЕС не был в то же время непосредственно вовлечен в решение вопросов безопасности и разрешение конфликтов, которые были центральными в 1990-х гг. Это объясняется как внешними, так и внутренними факторами. В начале 1990-х гг. была установлена общая внешняя политика ЕС, но до конца 1990-х гг. не была полностью сформирована общая политика безопасности. В то время только Россия являлась главным участником в урегулировании трех основных региональных конфликтов (Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах), в проведении переговоров по каждому из них. В переговорах также участвовали Организация Объединенных Наций (группа ООН в Абхазии) и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (Минская группа ОБСЕ в Южной Осетии и Нагорном Карабахе). Европейский союз с начала 1990-х гг. присутствовал в переговорных процессах своими отдельными государствами-членами [5, 5–7].

Отношение ЕС к Кавказскому региону стало меняться только с начала XXI в. В феврале 2001 г. ЕС подтвердил свою готовность играть более активную политическую роль в регионе, в частности с целью содействия в разрешении конфликтов, и участвовать в постконфликтном восстановлении. Отношение ЕС к региону изменилось в связи с его активным участием в территориальных проблемах региона (в частности, путем поддержки пограничного контроля в Грузии и направления в страну миссии верховенства закона) и с назначением специального представителя ЕС на Южном Кавказе в 2003 г.

Несмотря на то что на заседании Совета по общим делам от 26 февраля 2001 г. ЕС признал свою готовность играть более активную роль в регионе Южного Кавказа, его страны не были изначально включены в ЕПС. Одним из объяснений этого может быть отсутствие каких-либо представителей ЕС в регионе, хорошо

знавших положение дел на местах. Участие в ЕПС принимали лишь западные соседи России — новые независимые государства и страны Южного Средиземноморья. Тем не менее в соответствии с рекомендацией Комиссии 14 июня 2004 г. Советом ЕС было принято решение дать Армении, Азербайджану и Грузии возможность участвовать в программе.

В июле 2003 г. Совет ЕС назначил финского посла Хейкки Талвитие первым специальным представителем ЕС по Южному Кавказу. Армения приветствовала его назначение. Основное направление его мандата заключается в оказании помощи Совету в разработке всеобъемлющей политики в отношении Южного Кавказа, внесении существенного вклада в предотвращение конфликтов и содействии механизму урегулирования конфликтов в регионе. Посол регулярно посещал Армению и обратил особое внимание на конфликт вокруг Нагорного Карабаха, который он посетил в июле 2004 г. Специальный представитель ЕС находится в постоянном контакте со странами региона, а также с другими игроками, такими как Россия, Турция и США.

После своего переизбрания президент Армении С. Кочарян посетил Брюссель в декабре 2003 г. и выразил готовность Армении углублять сотрудничество с ЕС, в том числе в области культуры и научных исследований. Он также подтвердил намерение Армении потребовать предоставления ей статуса «государства с рыночной экономикой» под антидемпинговым регулированием ЕС.

29 апреля 2004 г. правительство Армении приняло постановление «Об организации деятельности по разработке Национальной программы по реализации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с ЕС». Указом назначаются Координационный комитет, а также центр юридических консультаций в поддержку Комитета, определяется роль ЕС в финансировании армяно-европейской политики. Европейский союз предоставляет дополнительную техническую помощь, чтобы помочь Армении составить проект Национальной программы к октябрю 2005 г.

Решение Совета 14 июня 2004 г. о включении Армении (вместе с Азербайджаном и Грузией) в рамки ЕПС знаменовало собой значительный шаг вперед в отношениях между ЕС и Арменией. Армения выражала готовность в полной мере изучить открывшиеся возможности для развития экономики и демократии. За этим решением последовали визиты в Армению, Азербайджан и Грузию европейского комиссара по вопросам расширения (2004) Янеза Поточника и президента Еврокомиссии (1999–2004) Романо Проди в июле и сентябре 2004 г. соответственно. В сентябре 2004 г. Армения и Еврокомиссия подписали соглашение о преобразовании Бюро ЕС в Ереване в делегацию [7, 5–6].

В октябре 2004 г. Еврокомиссия начала подготовку докладов по странам Южного Кавказа, которые должны стать основой конкретных планов действий между ЕС и государствами региона в рамках ЕПС. Посредством принятия Плана действий ЕПС с Арменией, опубликованного 2 марта 2005 г., для Армении открылись возможности для активизации политики безопасности, экономических и культурных отношений с ЕС, укрепления регионального и трансграничного сотрудничества и общей ответственности в деле предотвращения и разрешения конфликтов.

План действий ЕПС определяет восемь приоритетных областей для сотрудничества между Арменией и Европейским союзом, из которых только седьмая и восьмая касаются региональных отношений и конфликтов. Остальные области касаются: 1) создания демократических структур и верховенства закона, проведения судебной реформы и организации борьбы с коррупцией; 2) уважения прав человека и основных свобод; 3) внимания к вопросам экономического развития и сокращения масштабов нищеты, охраны окружающей среды; 4) улучшения инвестиционного климата; 5) сходимости экономического законодательства и административной практики и 6) развития энергетической стратегии [10, 15].

К сожалению, программа ЕПС продемонстрировала свою бездеятельность в урегулировании карабахского конфликта, который до сих пор остается нерешенным, что осложняет укрепление сотрудничества ЕС с Арменией. Зато в сфере экономики и социального развития страны программа ЕПС принесла свои плоды путем финансовой поддержки. Внутреннее развитие Армении в соответствии с демократией и свободным рынком считается краеугольным камнем Плана действий ЕПС.

Финансовая помощь ЕС Армении с 1991 г. составляет более 380 млн евро. Гуманитарная помощь ЕСНО (Бюро Европейского сообщества по гуманитарной помощи) и программы «Операция по продовольственной помощи» через EAGGF/FEOGA (Европейский фонд по выработке ориентации и гарантии в области сельского хозяйства) составляет почти 120 млн евро. Помощь внесла свой вклад в устранение сложной экономической ситуации в Армении в середине 1990-х гг. Национальные ассигнования ТАСИС и Программы продовольственной безопасности составляют около 100 млн евро от каждой программы.

С обретением Арменией независимости программа ТАСИС способствовала переходу страны к рыночной экономике, в частности путем проведения нормативно-правовой реформы, приближения законодательства Армении к европейскому. Европейский союз поддерживает вступление Армении в ВТО. Программа ТАСИС способствовала также восстановлению экономики Армении путем поддержки частного сектора и малого и среднего бизнеса. Сельскохозяйственный кооперативный банк, финансируемый за счет программы ТАСИС и продовольственной помощи встречных фондов EAGGF, внес свой вклад в улучшение сельскохозяйственного производства; ТАСИС также поддержала ядерную безопасность Армении.

С момента одобрения документа о развитии стратегии страны в декабре 2001 г. помощь ТАСИС Армении в период 2002–2006 гг. фокусируется на продолжении поддержки институциональной, правовой и административной реформы. ТАСИС оказывает существенную помощь в реализации стратегии сокращения бедности Армении, утвержденной в 2003 г. Была реализована Программа действия 2002–2003 гг. (10 млн евро). Позже была согласована Программа действия 2004–2005 гг. (также 10 млн евро).

Программа продовольственной безопасности (ППБ) оказала значительную бюджетную поддержку в ключевых сельскохозяйственных и социальных секторах в Армении и таким образом сыграла важную роль в борьбе с бедностью в Армении, в частности за счет выплаты семейных пособий и пособий по уходу

за ребенком. Сочетание бюджетной поддержки и технической помощи через ППБ (с дополнительной технической помощью ТАСИС) помогло провести значительные реформы в области земельных отношений и управления государственными финансами. Реализация ППБ была очень успешной, и в дальнейшем такая поддержка была продолжена в 2005–2006 гг. (21 млн евро), что, в частности, содействовало продвижению Армении в направлении осуществления стратегии по сокращению бедности.

Программа EIDHR начала свою деятельность в поддержку общественных организаций в Армении в 2003 г. с целью поддержания и защиты прав человека и демократизации, а также предотвращения и разрешения конфликтов [7, 6–7].

С 2003 г. некоторые страны ЕС являются главными пунктами экспорта армянских товаров. Европа превратилась в основного экономического партнера Армении. Так, в 2003 г. Бельгия (18,1 % от экспорта Армении), Великобритания (6,2 %) и Германия (6,5 %) были тремя главными пунктами для армянских товаров. Экспорт в Бельгию составлял даже большую долю, чем в Россию (13,8 %). В 2004 г. Бельгия вновь была основным пунктом экспорта Армении (14,9 %), а экспорт в Германию составил 11,5 %. Бельгия и Германия в этом году превзошли Россию в качестве экспортеров (10,8 %).

В 2004 г. Россия оставалась крупнейшим источником импортных товаров (13,9 % всего импорта Армении), далее следовала Бельгия (7,6 %).

В 2005 г. увеличился экспорт из Армении в европейские страны и составил с Германией 15,6 %, Нидерландами 13,7 % и Бельгией 12,8 %. Бельгия (8,0 %) и Германия (7,8 %) являются второй и третьей странами по величине доли импорта после России (13,5 %). В 2006 г. основными пунктами экспорта в Армению по-прежнему оставались Германия (15 %), Нидерланды (12,9 %), Россия (12,3 %) и Бельгия (11 %) (табл. 1) [10, 16].

Таблица 1

**Удельный вес основных стран-партнеров
в экспорте Республики Армения, %**

Страна	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Германия	15,6	15	14,8	17,4	16,2	12,7	11,8	7,6	5,8
Бельгия	12,8	11	8,7	8,5	6,6	7	5,3	9,2	8,9
Нидерланды	13,7	12,9	13,5	12,4	7,3	9,5	8,8	5,8	4,5
Россия	12,2	12,3	17,5	19,7	15,1	15,4	16,7	20,2	22,6

В 2008 г. удельный вес Германии (17,4 %), Нидерландов (12,4 %) и Бельгии (8,5 %) в экспорте также был самым высоким [3, 480–481]. Но в последующие годы он стал понижаться. К 2013 г., помимо прежних стран-партнеров, новым пунктом экспорта армянских товаров стала Болгария (10,3 %) [4, 476].

В 2005 г. Бельгия лидировала среди стран-партнеров в импорте Армении, но в последующие годы ее обошла Германия (табл. 2).

Таблица 2

Удельный вес основных стран-партнеров в импорте Республики Армения, %

Страна	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Германия	7,8	6,6	6,8	5,8	5,3	5,6	5,9	6,2	6,4
Нидерланды	0,5	0,5	0,6	0,5	0,8	0,6	0,9	0,9	0,8
Бельгия	8	5,5	3,5	2,1	1,8	1,9	1,6	1,7	1,7
Россия	13,5	13,9	22	19,2	23,9	22,3	21,5	24,8	23,4

В 2006 г. ЕС в целом составлял 54,4 % доли экспорта Армении, 34,6 % армянского импорта приходилось на страны–члены ЕС. В абсолютном выражении в 2007 г. армянский экспорт в страны ЕС составил 563 млн долл. США (по сравнению с 355 млн в долларах США экспорта в страны СНГ, включая Россию) (табл. 3) [2, 455].

Таблица 3

Экспорт Республики Армения по странам, млн долл. США

Наименование показателя	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Страны ЕС	454,2	473,4	562,8	572,9	310,1	501,1	608,4	512,5	494,2
Страны СНГ	187,8	212,4	355,3	249,2	138,3	198,7	268	336	400,1

Стоимость импорта в Армению из стран ЕС достигли 1,135,330 долл. США (снова превысив в общей сложности импорт из государств–членов СНГ, включая Россию, составивший 1,078,699 долл. США) [10, 16–17].

В 2013 г. армянский экспорт в страны ЕС составлял 494 млн долл. США. Стоимость импорта из стран ЕС к этому времени составляла 1,159 млн долл. США (на этот раз стоимость импорта из стран СНГ превысила импорт из стран ЕС и составила 1,299 млн долл. США) (табл. 4) [4, 473].

Таблица 4

Импорт Республики Армения по странам, долл. США

Наименование показателя	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Страны ЕС	609,1 тыс.	746 тыс.	1,135 млн	1,359 млн	897,7 тыс.	1,026 млн	1,169 млн	1,127 млн	1,159 млн
Страны СНГ	521,7 тыс.	696,2 тыс.	1,078 млн	1,262 млн	1,041 млн	1,142 млн	1,208 млн	1,334 млн	1,299 млн

То, что торгово-экономические интересы способствуют росту интересов Армении в региональной политике ЕС, подтверждается словами заместителя экс-министра иностранных дел Армении Армена Байбуртяна, который отметил, что соглашение о свободной торговле с Европейским союзом может быть одним из результатов Плана действий ЕПС [10, 17].

Согласно докладу Европейской комиссии о прогрессе Армении на 2014 г. ЕС продолжает поддерживать сотрудничество с Арменией, оказывая ей финансовую помощь, развивая торговые отношения, а также проводя культурные и образовательные мероприятия.

К 2014 г. объем двусторонней торговли ЕС — Армения составил 992 млн евро (импорт ЕС — 276 млн евро, экспорт ЕС — 716 млн евро; торговый баланс ЕС — 440 млн евро) [9, 11].

Всего за 10 лет экспорт ЕС повысился на 260 млн евро, а импорт за весь период быстро понижался, но в отдельные годы медленно повышался (в 2005 г. импорт ЕС составлял 520 млн евро, а в 2014 г. — 280 млн евро) [6, 3]. Несмотря на это, ЕС остается главным торговым партнером Армении. В январе 2014 г. вступило в силу соглашение по упрощению визового режима и реадмиссии ЕС — Армении.

Армения проделала определенный путь в области продвижения к глубокой и устойчивой демократии, соблюдения прав человека и основных свобод своих граждан. План действий в области прав человека, принятый в феврале 2014 г., является важным шагом вперед в этом направлении. Тем не менее План действий пока не направлен на те сферы, которые должны стать приоритетными, такие как Конвенция ООН против пыток. Всеобъемлющее законодательство по борьбе с дискриминацией людей по-прежнему отсутствует [9, 2]. В ЕС обеспокоены нереализацией закона об обеспечении равных прав и возможностей мужчин и женщин, предложенного в 2013 г., а также ограничением прав национальных и религиозных меньшинств [Там же, 7–8].

Несмотря на оказание финансовой помощи ЕС Армении на основе нескольких программ, указанных выше, к 2014 г. Армения по-прежнему находится в тяжелом положении в связи с нерешенностью карабахского вопроса и снятием экономической блокады Армении, установленной Турцией и Азербайджаном, стремящимися препятствовать дальнейшему сотрудничеству ЕС с Арменией. Европейскому союзу следует активно участвовать в урегулировании конфликтов как в Карабахе, так и в других регионах Южного Кавказа для дальнейшего развития и укрепления сотрудничества со странами Южного Кавказа.

1. *Минасян С.* Армения и программа ЕС «Политика европейского соседства» // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 6(42). С. 80–94 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/armeniya-i-programma-es-politika-evropeyskogo-sosedstva> (дата обращения: 02.06.2015).

2. Статистический ежегодник Армении 2008. Внешнеэкономическая деятельность. Ереван, 2008. С. 421–513 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armstat.am/file/doc/99456368.pdf> (дата обращения: 02.07.2015).

3. Статистический ежегодник Армении 2011. Внешнеэкономическая деятельность. Ереван, 2011. С. 443–539 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armstat.am/file/doc/99473903.pdf> (дата обращения: 02.07.2015).

4. Статистический ежегодник Армении 2014. Внешнеэкономическая деятельность. Ереван, 2014. С. 439–547 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armstat.am/file/doc/99491328.pdf> (дата обращения: 02.07.2015).

5. *Delcour L., Duhot H.* Bringing South Caucasus Closer to Europe: Achievements and Challenges in ENP Implementation. Department of European interdisciplinary studies. // Natolin Research

Papers. 03 / March 2011. 65 p. [Electronic resource]. URL: https://www.coleurope.eu/sites/default/files/research-paper/delcour_duhot_0.pdf (accessed: 25.01.2015).

6. Directorate-General for Trade. European Union, Trade in goods with Armenia. 14-04-2016. 10 p. [Electronic resource]. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113345.pdf (accessed: 10.05.2016).

7. European Neighbourhood Policy. Country report Armenia. Commission staff working document accompanying the communication. SEC (2005) 285 final/3, 2 March 2005. 30 p. [Electronic resource]. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/georgia/documents/eu_georgia/armenia_cr_0503.pdf (accessed: 16.10.2014).

8. *Ghazaryan N.* The ENP and the Southern Caucasus: Meeting the Expectations? / The European neighbourhood policy in perspective: context, implementation and impact. Edited by Richard G. Whitman, Stefan Wolff. 2010. 274 p. [Electronic resource]. URL: <http://nashaucheba.ru/v47028/?download=1> (accessed: 24.02.2015).

9. Implementation of the European Neighbourhood Policy in Armenia Progress in 2014 and recommendations for actions. SWD (2015) 63 final, Brussels, 25.3.2015. 15 p. [Electronic resource]. URL: http://eeas.europa.eu/enp/pdf/2015/armenia-enp-report-2015_en.pdf (accessed: 25.06.2015).

10. *Mkrtchyan T.* Armenia's European Future / Tigran Mkrtchyan, Tabib Huseynov and Kakha Gogolashvili. The European Union and the South Caucasus. Three Perspectives on the Future of the European Project from the Caucasus. Europe in Dialogue 2009 | 01. P. 14–48 [Electronic resource]. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/georgia/documents/virtual_library/30_xcms_bst_dms_en.pdf (accessed: 19.11.2014).

11. *Simão L.* EU-South Caucasus Relations: Do Good Governance and Security Go Together? // Political Perspectives. 2011. Volume 5 (2). P. 33–57 [Electronic resource]. URL: http://www.academia.edu/960990/EU-South_Caucasus_Relations_Do_Good_Governance_and_Security_Go_Together (accessed: 02.03.2015).

Рукопись поступила в редакцию 24 февраля 2016 г.

УДК 342.25 + 316.647 + 323.1(55:532)

В. П. Кириченко

ПОЛИТИКА ДИСКРИМИНАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ШИИТОВ СО СТОРОНЫ ВЛАСТЕЙ В САУДОВСКОЙ АРАВИИ В НАЧАЛЕ XXI в.

Статья посвящена проблеме дискриминации, которой подвергается шиитское население Саудовской Аравии со стороны властей этой страны. Неприязненное отношение, выказываемое правящим режимом по отношению к шиитам, существенно осложняет их положение. Негласная дискриминация шиитов проявляется в фактическом запрете их участия в органах государственного управления, элитных частях вооруженных сил и органах безопасности. Автор также уделяет внимание тому, как шиитский фактор отражается на отношениях Саудовской Аравии и Ирана.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, шиизм, дискриминация, Иран.

Геополитическое противостояние между Королевством Саудовская Аравия (КСА), где правящая власть представлена исключительно суннитами, и Ираном, в котором у власти стоят шииты, уже давно накладывает отпечаток на отношение

правлящего в Саудовской Аравии режима к проживающим в стране шиитам, которые в последние годы все сильнее проявляют сепаратистские настроения.

Численность шиитского населения КСА составляет 10–15 % от 31-миллионного населения страны (т. е. 3–4 млн человек). Точное число шиитов, проживающих в стране, назвать сложно, поскольку большинство приверженцев шиизма скрывают свою религиозную принадлежность, применяя на практике один из главных принципов их веры — ат-такийа («благоразумное скрывание»). Это связано с тем, что многие религиозные практики и культы шиитов могут быть классифицированы как колдовство («сихр») и занятие оккультизмом («ширк») с точки зрения фикха ханбалитского мазхаба (официальной религиозной доктрины, принятой в КСА). А подобные преступления в КСА преследуются по закону.

Шииты проживают преимущественно в южной части Восточной провинции. Больше всего шиитов здесь сосредоточено в оазисах аль-Катиф и аль-Хаса. Восточная провинция богата нефтью, поэтому большинство местного шиитского населения занято в нефтяном секторе. Около 80 % саудовских шиитов являются *имамитами* (умеренное течение, почитающее 12 имамов). Как следствие, в этой провинции сепаратистские тенденции проявляются с меньшей интенсивностью и отношения между суннитским центральным правительством и местным шиитским населением имеют ровный характер.

Однако в юго-западной провинции Наджран, на границе с Йеменом, проживают *исмаилиты*, представляющие собой более закрытую религиозную общину численностью около полумиллиона человек. Они традиционно поддерживают тесные связи с шиитами, проживающими в Йемене (8–10 млн человек). Дело в том, что в 1920–1930-е гг. Йемен и Саудовская Аравия вели борьбу за Наджран. В 1934 г. территория этой провинции была завоевана и присоединена к КСА. С тех пор проживающие на этих землях шииты жалуются на постоянную дискриминацию со стороны центральных властей. В последнее десятилетие в Наджране нередко возникали случаи эскалации напряженности на конфессиональной почве, которые были вызваны в значительной мере дискриминационными действиями официальных властей провинции. Наивысшего напряжения ситуация достигла в 1997 г., когда губернатором провинции был назначен суннит, один из членов правящей королевской семьи, Мишааль бен Сауд. И если конфликты обычно удавалось улаживать при помощи выплат центральными властями значительных субсидий из госбюджета в пользу шиитов, то на этот раз дело закончилось вооруженным восстанием, которое было подавлено правительственными войсками. Подобные ситуации в дальнейшем повторялись не раз.

В стране есть незначительное число шиитов-зейдитов, которые населяют юго-восточную провинцию Джизан на саудовско-йеменской границе. В провинции Наджран проживают исмаилиты. Именно здесь наиболее сильны сепаратистские проявления, о чем говорит хотя бы то, что в Наджране активно действует вооруженная группировка «Ахрар ан-Наджран» («Свободные люди Наджрана»), которая встала на сторону Йемена в 2014–2015 гг., когда шиитские повстанцы-хуситы из движения «Ансар Алла» («Помощники Аллаха») совершили в Йемене

государственный переворот, в подавлении которого участвовали вооруженные силы КСА и почти всех арабских государств.

Также незначительное число шиитов — всего около 1 тыс. человек — проживает на западе Аравийского полуострова в исторической области Хиджаз [8, 2]. В 1932 г., после того как территории Неджд и Хиджаз были объединены в одно государство и было провозглашено создание Королевства Саудовская Аравия, положение проживающих здесь шиитов ухудшилось. Шииты не занимают должностей в администрации, их не привлекают к работе в силовых структурах. Периодически шиитское население поднимало восстания, однако власть их подавляла.

После иранской революции, уже в ноябре 1979 г., начались активные выступления шиитов в разных регионах КСА. Это были мирные выступления, но для их подавления были использованы отряды национальной гвардии. Наблюдатели отмечали, что столь жесткое отношение властей к демонстрациям шиитов было связано с тем, что эти события происходили почти одновременно с захватом Священной мечети в Мекке¹.

В феврале 1980 г. шииты вновь заявили о себе: рабочие, занятые в нефтедобыче (в большинстве своем — представители шиитской общины), выступили с требованием, чтобы доходы от нефти, добываемой в Восточной провинции, шли непосредственно на развитие провинции [7, 40]. Следует отметить, что шииты КСА повсеместно заняты на низкоквалифицированной работе и не имеют возможности получить доступ к более высоким стратам общества.

Последствием иранской революции стала политическая активизация шиитов на всем Ближнем Востоке. Еще в 1970–1980 гг. шииты Саудовской Аравии стали создавать религиозно-политические организации. В 1975 г. шиитский шейх Хасан ас-Саффар основал «Организацию исламской революции на Аравийском полуострове» («Муназзамат ас-саура аль-исламия фи аль-джазира аль-арабия ас-саудий»). Ее участники, отстаивая идеалы иранской революции, приняли активное участие в шиитских выступлениях в 1979–1980 гг. Однако со временем позиция организации стала более умеренной.

В 1990 г. организация стала называться «Движение за реформы» («Аль-харака аль-исляхийя»). С тех пор она занимается по большей части образовательными программами, благотворительностью, консультированием шиитов и обслуживанием мечетей. Ее наиболее видные деятели, в том числе лидер Хасан ас-Саффар, стремятся выступить в роли посредника между властями и шиитскими массами. Одной из самых примечательных заслуг ас-Саффара стало то, что шииты получили разрешение проводить памятные мероприятия в связи с ашурой².

¹ 20 ноября 1979 г. священный для мусульман город оказался в руках мятежников — суннитов. Заложниками в главной мечети Мекки оказались 6 тыс. человек. В результате штурма мечети правительственными войсками погибло более сотни военных. Из нескольких сотен террористов выжило лишь несколько десятков. Позже все террористы были казнены. Количество жертв среди паломников официально названо не было.

² Ашūra — 10 мухаррама (т. е. 10 число первого месяца мусульманского года по Хиджре), поминальный день, когда происходят специальные церемонии в память Хусейна, внука пророка, погибшего в битве при Кербеле в 680 г.

Как уже отмечалось, длительное соперничество между Ираном и Саудовской Аравией, взаимная неприязнь Тегерана и Эр-Рияда отрицательно сказываются на положении саудовских шиитов. Дело в том, что Иран пытается патронировать шиитское население арабских стран, в то время как КСА, богатейшее государство региона, претендующее на роль не только регионального лидера, но и главы всего арабского мира, рассматривает активность Ирана как вмешательство в дела арабских государств. Соперничество за лидерство в регионе с особой остротой проявилось после исламской революции 1979 г. в Иране [4] и начинает вновь проявляться сейчас, после начала процесса снятия с Ирана экономических санкций в 2015 г.

Иран и Саудовская Аравия являются членами ОПЕК, однако на нефтяном рынке они соперничают. Не последнюю роль в этом противостоянии играет и разный подход США к этим государствам, тем более что Иран выступает против политики диктата США и занимает антиизраильскую позицию.

На протяжении последних 30 лет руководство США проводило по отношению к Ирану политику международной изоляции и экономических санкций. Однако после международного решения о начале снятия санкций с Ирана может обостриться конкуренция за рынки нефти между КСА и Ираном, что, возможно, приведет к снижению цены на нефть и косвенно ужесточит вооруженный конфликт в Сирии.

В условиях нарастания недовольства шиитов политикой дискриминации саудовский режим вынужден был реагировать на усиливающуюся внутри страны напряженность. Так, в 2005 г. в Саудовской Аравии была создана Комиссия по правам человека («аль-Ляджна ли хукук аль-инсан»). Она состоит из 24 человек, но из них шиитов только двое. Комиссия рассматривает жалобы относительно судебных решений, которые можно расценивать с точки зрения фаворитизма. Однако этот орган не занимается делами, связанными с религией или толерантностью в межконфессиональных отношениях. В Меджлисе аш-Шура (Консультативном совете, подобии парламента, члены которого могут предлагать законы на рассмотрение Совету министров) в 2012 г. было лишь 5 депутатов-шиитов из 150 [8, 4]. В первом составе Меджлиса, учрежденном в 1993 г., из 60 его членов был только один шиит [11, 167]. Налицо пренебрежение правами и интересами шиитского меньшинства на протяжении уже нескольких десятков лет. Впрочем, саудовцы сами это признают: в 2006 г. посол КСА в США, принц Турки аль-Фейсал, согласился, что в королевстве существует проблема дискриминации по отношению к шиитам [6].

В 2008 г. представители шиитской общественности выдвинули «Проект шиитской интеграции в политические и национальные структуры: программа действий для решения проблемы конфессиональной дискриминации». Этот документ был направлен на рассмотрение наследному принцу Султану Бен Абдель Азизу. В него входили конкретные предложения о том, как решить проблему дискриминации шиитов по религиозным причинам. Документ остался без внимания властей.

Суннитское руководство страны традиционно с подозрением относится к шиитам, рассматривая их как потенциальных предателей. Негласная дискриминация шиитов проявляется в фактическом запрете их участия в органах государственного

управления, элитных частях вооруженных сил и органах безопасности. В средствах массовой информации шиитская проблема также не освещается. Хотя шииты на востоке страны могут использовать принципы Джафаритского мазхаба³ в решении вопросов семьи, наследства и дарения, область их реализации географически ограничена районами Аль-Катифа и Аль-Хасы. Суннитские суды Восточной провинции имеют право наложить вето на решения шиитских судов этой провинции [8, 4].

Власти КСА рассматривают паломничество шиитов к святым местам в Иране как нежелательное. Известно, что тех саудовцев, которые осмелились совершить паломничество в Иран, лишают паспорта на два года [13]. Допустимо, однако, совершать паломнические поездки в почитаемые шиитами города в Ираке — Неджеф и Кербелу. Для того чтобы подорвать иранское влияние на шиитов страны, саудовские власти периодически глушат исходящий от иранского спутника «Бадр» сигнал арабоязычного канала новостей «аль-Алям» [1].

В феврале 2009 г. между суннитами и шиитами произошли столкновения около кладбища аль-Баки и мечети Биляля⁴ в Медине, продолжавшиеся в течение пяти дней. В ходе столкновений пострадало 6 человек и были арестованы десятки паломников⁵. На инцидент отреагировали в Иране. Аятолла Насер Макарем аш-Ширази призвал МИД Ирана и мусульман по всему миру начать расследование оскорблений по отношению к саудовским шиитам со стороны сил безопасности [12].

События «арабской весны», начавшиеся в 2011 г. на Ближнем Востоке, не обошли стороной и Саудовскую Аравию. В антиправительственных акциях, прокатившихся по стране, участвовали и шииты. Протестующие сначала призывали освободить всех политзаключенных, требовали свободы слова, собраний и объединений, требовали признать их полноправными гражданами королевства. Однако позднее их требования стали более радикальными и переросли в выступления против властей. В конце концов демонстрации вылились в ожесточенные столкновения с полицией. Власти обычно не церемонятся с демонстрантами. В частности, осенью 2011 г. в результате жестокости, проявленной силами безопасности при разгоне демонстрации, было убито пятеро шиитов, множество было ранено. Однако события «арабской весны» заставили саудовских правителей принять меры по умиротворению населения. С этой целью они объявили об увеличении денежных вливаний в социальную сферу. В частности, в 2011 г. король Саудовской Аравии направил 10,7 млрд долл. на предоставление социальных гарантий госслужащим и для выплаты пособий безработным [2].

³ Джафаритский мазхаб — школа исламского права (фикха), которой следуют шииты-имамиты. Основатель джафаритского толка — имам Джафар ибн Мухаммад ас-Садик, почитаемый имамами как шестой непорочный имам.

⁴ Мечеть названа в честь Биляля Абу Абдуль-Кярима, первого муэдзина в истории ислама, сподвижника пророка.

⁵ Аль-Баки (Джаннат аль-Баки) — кладбище в Медине (Саудовская Аравия), расположено к юго-востоку от мечети Пророка. На кладбище похоронено множество родственников пророка Мухаммеда и его сподвижников.

Следует отметить, что представители шиитской общественности выдвигали инициативы, направленные на смягчение социального напряжения с начала протестов в Восточной провинции в феврале 2011 г. Эти предложения были представлены губернатору провинции. Одним из них стала «Молодежная инициатива», авторами которой была группа молодых шиитов. В документ были включены пункты, касающиеся прав человека и, в частности, религиозных меньшинств. К сожалению, эта и другие инициативы не были реализованы властями.

В области аль-Хаса шиитов нередко задерживают за публичную молитву или использование баннеров с шиитскими лозунгами. Так, в феврале 2011 г. был арестован шиитский богослов Тауфик аль-Амир, который в своей пятничной проповеди высказался за установление конституционной монархии и соблюдение прав шиитского населения [14].

Примечательно, что после того как 14 марта 2011 г. Саудовская Аравия ввела войска в Бахрейн для подавления акций протеста против правящего режима, шииты Саудовской Аравии потребовали вывода войск, продемонстрировав солидарность с бахрейнскими единоверцами.

В июле 2013 г. во время рейда по домам антиправительственных активистов в Восточной провинции силы безопасности КСА убили подростка. Инцидент произошел в деревне ат-Туби в области аль-Катиф [10].

В 2014 г. появилась информация, что к смертной казни приговорен арестованный годом ранее шиитский аятолла шейх Нимр Бакир ан-Нимр, критиковавший саудовский режим и осуждавший дискриминацию по конфессиональному признаку. Его обвинили в антигосударственной деятельности. В августе 2014 г. в регионе аль-Катиф прошли акции, участники которых требовали освободить ан-Нимра и прекратить репрессии по отношению к шиитам [9]. Справедливости ради стоит отметить, что после теракта в Восточной провинции 3 ноября 2014 г., когда группа мирных граждан была обстреляна террористами (погибло 8 человек, десятки были ранены), власти проявили солидарность с шиитской общиной. Верховный муфтий КСА был вынужден признать, что произошедшее является примером «жестокости агрессии и большой несправедливости» [5]. По данным МВД Саудовской Аравии, за терактом стояла организация «Исламское государство» [3].

В заключение хотелось бы отметить, что политика, проводимая саудовским правительством по отношению к шиитскому населению КСА, не способствует консолидации общества. Предубеждение и дискриминация со стороны властей Саудовской Аравии значительно усложняют положение шиитского меньшинства в стране. Это вызывает оправданные акции протеста и стойкое желание входящих в КСА шиитских племен выйти из состава страны. Однако в этом случае они вряд ли будут способны стать экономически и политически независимыми субъектами. Как один из сценариев развития событий, часть территорий Аль-Асир и Наджран, где проживают йеменские племена, в том числе шииты-зейдиты и исмаилиты, отойдут к Йемену. Северная часть Хиджаза может стать частью Иордании, северные районы КСА присоединятся к Ираку, а районы Восточной провинции, населенные преимущественно шиитами, расположенные рядом с Бахрейном

(где 65 % населения также шииты) и Кувейтом (где на шиитов приходится 40 % населения), могут создать шиитское государство со столицей в Даммаме.

Чтобы этого не произошло, Эр-Рияду необходимо начать проводить политику, кардинально отличающуюся от текущего курса. Удается ли это Аль Саудам, находящимся сегодня у власти, покажет время.

1. *Истомин М.* Арабский мир становится лидером спутникового глушения [Электронный ресурс]. URL: http://www.cnews.ru/articles/arabskij_mir_stanovitsya_liderom_sputnikovogo (дата обращения: 27.12.15).

2. Король Саудовской Аравии направил на социальные нужды 10,7 млрд долл. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20110223164824.shtml> (дата обращения: 27.12.15).

3. МВД Саудовской Аравии: расстрелявшие шиитов террористы связаны с ИГ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fondsk.ru/pview/2014/11/25/mvd-saudovskoj-aravii-rasstreljavshie-shiitov-terroristy-svjazany-s-ig-30588.html> (дата обращения: 27.12.15).

4. *Самсонов А.* Противостояние Ирана и Саудовской Аравии [Электронный ресурс]. URL: <http://warfiles.ru/show-6-protivostoyanie-irana-i-saudovskoj-aravii.html> (дата обращения: 27.12.15).

5. *Aarts P.* Jihadi Blowback in Saudi Arabia [Electronic resource]. URL: <http://www.hurstpublishers.com/jihadi-blowback-saudi-arabia/> (accessed: 27.12.2015).

6. *Ali M.* Saudi official acknowledges anti-Shiite discrimination in kingdom [Electronic resource]. URL: http://www.jafariyanews.com/2k6_news/oct/6Saudi_anti-Shiite_discrimination.htm (accessed: 27.12.2015).

7. *Ramazani R. K.* Revolutionary Iran Challenge and Response in the Middle East. Baltimore & London, 1987.

8. Saudi Arabia 2012 International Religious Freedom Report [Electronic resource]. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/208622.pdf> (accessed: 27.12.2015).

9. Saudis demand release Shia cleric [Electronic resource]. URL: <http://kayhan.ir/en/news/4219/saudis-demand-release-of-shia-cleric> (accessed: 27.12.2015).

10. Saudi forces kill teenage boy in Qatif [Electronic resource]. URL: <http://www.presstv.ir/detail/2013/06/22/310247/saudi-forces-kill-teenage-boy-in-qatif/> (accessed: 27.12.2015).

11. *Sukkar A. A.* Political Reform and its impact on political stability: A case study of the Kingdom of Saudi Arabia During the period from 1990 to 2010. Michigan, 2010.

12. Tehran Times, 28.02.2009.

13. U.S. Department of State Annual Report on International Religious Freedom for 1999: Saudi Arabia [Electronic resource]. URL: http://www.state.gov/www/global/human_rights/irf/irf_rpt/1999/irf_saudiara99.html (accessed: 27.12.2015).

14. World Report 2012: Saudi Arabia. [Electronic resource]. URL: <https://www.hrw.org/world-report-2012/world-report-2012-saudi-arabia> (accessed: 27.12.2015).

Рукопись поступила в редакцию 14 января 2016 г.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 111.1 + 141.32 + 159.952.1

В. А. Герт

К ОНТОЛОГИИ СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА

Все способы выхода человека «за», выделенные в философии, — сознание, общение, действие, отношение, вера и отрицание — представлены в размышлениях о свободе человека, направленность которых в истории философии осуществлялась от гносеологического освобождения к экзистенциальному. Однако во всех этих способах экзистирования присутствует выбор. Свобода выбора человека в выходах «за» является необходимостью, так как все они вероятностны. Выбор — это и свобода утверждения возможностей индивидуальности в ее со-бытии, и ограничение выбранной возможностью. Эксцентрический выход в со-отношениях со-бытия человека является необходимым условием для индивидуальности в идентификации предметного мира, других в со-бытии, самого себя и собственных выбранных смыслов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: выход «за» и субъектность, способы экзистирования и освобождения, выбор и свобода выбора, целевая и смысловая детерминация.

Свобода человека выступает как необходимость в выходе «за», это одно из условий его субъектности, обоснованное еще в XIX в. Л. Фейербахом и К. Марксом. Их позиция уже была отличной от позиции Г. В. Ф. Гегеля, который фиксирует «очевидность» сути свободы так: «Свобода состоит в том, чтобы быть в зависимости только от самого себя, определять самого себя» [3, 124]. В философии Г. В. Ф. Гегеля дух «обнаруживает себя как абсолютная отрицательность, как бесконечное утверждение самого себя...» [4, 21]. Поэтому сущность духа по форме есть свобода как наличие отношения к самому себе и независимость от некоего другого, т. е. «абсолютная отрицательность понятия как тождества с собой» [Там же, 25].

Критикуя тождество мышления и бытия в философии Гегеля, при котором процессность бытия есть процесс мышления, которое приводит к сбрасыванию предиката реальности с мысли, чтобы восстановить *в себе* отсутствие предиката как свою подлинную сущность, Л. Фейербах делает вывод: «Действительное отношение мышления к бытию таково: *бытие — субъект, мышление — предикат*» [10, 128]. Идеи Л. Фейербаха наметили другой путь разрешения «внешнего

рабства», поскольку надындивидуальная природа человека осуществляет выход не в дурную бесконечность, а в бесконечность неповторимого и уникального (конкретного и завершенного) общения с другим человеком.

В отечественной философии и психологии выход субъекта «за» свои пределы обосновывался на основе деятельностного подхода через необходимость предметно-преобразовательной деятельности; в религиозной философии во всех ее вариантах выход «за» как освобождение человека проходит при обязательном обращении к Богу (открывается тому, кто желает этого и «стучится»).

На наш взгляд, в истории философии определения и обоснования свободы человека динамично следовали за пониманием природы человека. Этапы изменения в понимании природы человека мы обозначили афористичными, но принципиальными для философских концепций выражениями об основном экзистенциале его существования:

1) «Я мыслю, следовательно, существую» (Р. Декарт). Свобода приходит через познание как познанная необходимость (Б. Спиноза, Г. В. Ф. Гегель).

2) «Я хочу, следовательно, существую» (Л. Фейербах). Свобода приходит через удовлетворение потребностей, включая свободу *от* диктатуры витальных потребностей.

3) «Я могу, следовательно, существую» (К. Маркс). Свобода приходит не через приспособление к среде, а через преобразование предметной среды и производство необходимого продукта в соответствии с потребностями человека.

4) «Я должен, следовательно, существую» (И. Кант). Свобода приходит через отношение к другому как к самому себе в соответствии с законами морали (совести, чести и достоинства) и социальными нормами (включая правовые нормы и законы общества).

5) «Я верю, следовательно, существую» (С. Кьеркегор, М. Бубер, Н. А. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов и др.). Свобода приходит через отношение к Богу и с Богом с направленностью развития духа и духовности человека.

Связь свободы человека и его потребностей осмысливается со времен Сократа и Платона. Ограничения предметами потребностей, удовлетворение влечений, желаний и страстей, жизнь в удовольствиях и пресыщении, по их мнению, это не путь достижения подлинного бытия. Свобода человека как существование в соответствии с истиной связывалась с его разумом. Наиболее последовательно эту позицию развивал и выразил Г. В. Ф. Гегель. Он считал, что в своем бытии для другого люди должны полагать и признавать себя «именно не только за природные, но и за свободные существа. Только *так* осуществляется *истинная* свобода, ибо, ввиду того что эта последняя состоит в тождестве меня с другим, я только тогда истинно свободен, если и другой также свободен и мной признается свободным. Это свобода *одного в другом* соединяет людей внутренним образом, тогда как, наоборот, *потребность* и *нужда* сводят их вместе только внешне. Люди должны поэтому стремиться к тому, чтобы найти себя друг в друге. Но это не может произойти до тех пор, пока они остаются во власти своей непосредственности, своей природности, ибо эта последняя есть как раз то, что разобщает их друг с другом и препятствует им быть друг в отношении друга свободными» [4, 241]. Переход

внешнего во внутреннее как идеализация в понятиях, которые выражают собой *знание* общего, и есть возможное освобождение человека от внешней зависимости — как от природы, так и в отношениях между людьми. Выход за пределы самого себя, своей природности человек осуществляет в процессе со-знания и познания.

По этому пути размышлений предлагал идти и М. Шелер, называя его *дереализацией* мира. Царство мыслей приближает человека к миру, позволяя знать вещь такой, какая она есть. А Н. А. Бердяев посредством *символизации* обосновывает одухотворение жизни человека, свободу его духа, выдерживая тезис «дух-субъект, бытие-предикат». Этот тезис весьма близок по сути своей всей новоевропейской философии. Ведь господство человека в природе посредством знания («знание-сила») у Ф. Бэкона, дедуктивный путь постижения истины и «Я мыслю, значит, существую» у Р. Декарта, свобода человека как познанная необходимость единой субстанции у Б. Спинозы отмечают собой не столько гносеологический оптимизм, сколько *гносеологическое освобождение* человека от мира обыденности, невежества и заблуждений. Вне гносеологической свободы человек не приближается к бесконечности мира. Человек освобождается через *со-знание и познание*.

Когда Л. Шестов выступает против философии разума, он, вслед за Л. Фейербахом, подчеркивает, что истина для разума связана с выделением общего, с идеей необходимости. Поэтому разум боится свободы, поэтому «пределы возможного и невозможного устанавливаются не разумом» [12, 395]. Редукция свободы к разумности ставит под сомнение и даже отрицает обособление и автономность индивидуальности как момент ее свободы. Тогда как же уйти от власти разума, как же достичь истинных источников бытия? Дерзновения — таков ответ Л. Шестова. В дерзновенных поступках, действиях верующий человек сам себе устанавливает пределы возможного и освобождается от покорности разуму, т. е. действие человека не всегда определяется разумом, но и *верой*. Позже, например, А. Гелен, считая возможным создание науки о человеке, предлагает за отправную точку брать *действие*. По его мнению, в действии нет «различия или различимости “внутреннего” и “внешнего”, психического и физического», во время самого действия «рефлексия неосуществима, условия ее осуществления уничтожены» [5, 160].

М. Бубер во всякой деятельности, в познавательной и преобразовательной, усматривает порабощение человека. А его освобождение, его жизнь в духе осуществляется только благодаря способности к *отношению*. «Только молчание с ТЫ, молчание всех языков, безмолвное ожидание в неоформленном, в нерасчлененном, в доязыковом слове оставляет ТЫ свободным, позволяет пребывать с ним в той затаенности, где дух не проявляет себя, но присутствует. Всякий ответ втягивает ТЫ в мир ОНО» [2, 26]. Отношение пред-послано всякой деятельности. И разум, и действие не помогают истинному сбыванию человека, ограничивают его миром познанного и определенного, миром прошлого, миром ОНО.

Преодоление противоположения бытию разума — это преодоление ситуации в метафизике, когда рефлексия рассматривается как основополагающее отношение к сущему, в которое положено бытие человека. Так считает М. Хайдеггер. С этим он связывает судьбу новоевропейской онтологии, безусловное господство человека над природой, превращение человека в субъекта, что приводит к такому

единообразие, из которого без преодоления такой метафизики нет никакого выхода. Преодоление метафизики противоположения — это преодоление «бес-событийности мира законченной метафизики» [11, 182].

М. Хайдеггер и в активности отдельного человека усматривает потерю его самости, поскольку в действии сохраняется субъект-объектное противоположение, поскольку «бытие как действительность и действие замыкают сущее от события» [Там же, 192]. Только в уничтожении «Ничто» человек утверждает себя, только «Нет» и отказ обнаруживают суть изменения бытия человека, то есть суть его событийного пути. Очевидно, что отрицательность событий определяет и негативное освобождение человека.

Все способы (социальные способности) выхода человека «за», выделенные в философии, — *сознание, общение, действие, отношение, вера и отрицание* — представлены в размышлениях о свободе человека, и со всеми с ними, на наш взгляд, можно связывать его освобождение. Однако *во всех этих способах присутствует выбор*.

Среди философских исследований нужно выделить позицию Г. С. Батищева. Он считает, что при доминантности человека на другого (других) в общении существенно возрастают его содержательность и результативность. Это обеспечивает креативную открытость беспредельному генезису человека, сохраняет у каждого в себе место для новых дарований от другого человека. Он предлагает вести поиск объяснения и понимания истинного творчества «не согласно логике саморазвертывания деятельности сферы, но по логике глубинного общения», которая «обращает нас к логике встречи между субъектами и взаимной сопричастности при соблюдении каждым *доминантности* на другого, особенно при резкой контрастности типов и уровней культур» [1, 323].

В современной отечественной психологии, например, В. А. Петровский отстаивает феноменологию активной неадаптивности человека. Он пишет: «Свободное принятие на себя ответственности за непредрешенный заранее исход действия и есть для нас показатель самопорождения человека как субъекта активности. В равной мере оно может быть описано как свободный выбор ответственности или как ответственный выбор свободы. То, что делает человека субъектом в подлинном смысле этого слова, здесь налицо: ибо он противостоит ситуации, поднимаясь над заданностью и овладевая шансом. Выход за границы предустановленного в данном случае уже не пассивное проявление неадаптивности, но действительная самотрансценденция человека, свободное полагание им себя как субъекта» [9, 74].

Если представлять мир как нечто завершенное и вечное (Абсолют, Бог, субстанция), то в нем не имеют особого смысла утверждение индивидуальности человека и его позитивная свобода. В таком мире имеет смысл сохранять позитивную свободу *для отказа* от ограничений завершенности самого мира. Если же мир и индивидуальность человека мыслятся как становящиеся бесконечности, то негативная свобода оборачивается отказом человека от участия в становлении мира. Приближение к миру может быть только позитивной свободой. В целепологающей деятельности, в преобразовательном освобождении человека суть его

позитивной свободы (по К. Марксу). В эволюционной антропологии достаточно обоснованно эпоха неолита определяется как переход от присваивающей экономики к производящей. При этом существенно интенсифицируется целеполагание индивидуальности и ее целеполагающей деятельности как одно из условий позитивной свободы и нарастания субъектности человека.

Цикличность индивидуализации человека в целостности бытия определила и определяет внутри себя формирование цикличности целеполагания преобразовательной деятельности. Два этапа целеполагания — целеобразование и целереализация — едины в цикле воспроизводства целостности бытия индивидуальности и в то же время различаются. В процессе целеобразования отношение индивидуальности к прошлому и будущему есть отношение к исторической, актуальной и потенциальной бесконечности своего индивидуального бытия. В этом процессе способности, интересы и образующаяся цель порождают определенность относительно замкнутой целостности бытия индивидуальности, причем замыкание бесконечности бытия целью в принципе несвоемерно [6].

Новая цель — это отношение к себе и к другим людям, новое отношение к своим возможностям, потребностям и способностям, интересам и целям других людей, т. е. происходит *обновление несвоемерной определенности бытия индивидуальности*. Целеобразование, таким образом, это процесс воспроизводства и развития субъектного (включая и побудительный) потенциала индивидуальности на основе использования потенциала несвоемерной всеобщности и универсальности своего со-бытия. Первичность и субъектность со-бытия индивидуальности в процессе образования цели определяются в субъектных свойствах самой индивидуальности как способностях выхода «за».

Целереализация, в свою очередь, изменяет не только предметность бытия индивидуальности, но и изменяет при выходе «за» эту предметность для бытия другой индивидуальности. В со-бытии уже меняется не только отношение к себе и к другому, как это происходит при целеобразовании, но и отношение другого к реализации моей цели и отношение к самому себе в контексте реализованного, т. е. предстает как отношение к отношению или со-отношение.

Субъектный потенциал определенности целеобразования предстает в целереализации как неповторимый путь достижения единственного варианта предметного результата. Потенциал всеобщности и универсальности целереализации индивидуальности опосредован потенциалом всеобщности и универсальности сбывания индивидуальности при целеобразовании, и наоборот. Вариативность свободы целереализации опосредована вариативностью свободы целеобразования, а единственность предметного результата при целереализации ограничивает вариативность свободы определения цели, сокращая или расширяя границы свободы целеполагания. И поэтому вопрос о свободе индивидуальности может быть поставлен в первую очередь как вопрос о воспроизводстве и развитии ее целевого потенциала (целеустремленности).

Отличие от единственности достигнутого целевого результата сами процессы целеобразования и целереализации имеют вероятностный характер. Это определяется, кроме множественности возможных вариантов реализации необходимости

удовлетворения витальных и социальных потребностей, возникающими и исчезающими возможностями в со-бытии индивидуальности, которые актуализируются *в ходе процесса и самим процессом* индивидуализации человека. Знания о возможности наступления того или иного события тоже изменяются в ходе этого процесса и самим процессом. Возможности реализации и удовлетворения доминирующих потребностей индивидуальности и их осознанное осуществление определяют вариативный путь и вариативную последовательность всего цикла процесса индивидуализации.

В этой связи необходимо отметить весьма интересный анализ соотношения необходимого и случайного, возможного и вероятного, который проведен В. И. Корякиным. Обосновывая уровневый подход в научном познании, он отстаивает идею *о неоднородности необходимости* в природе, обществе и мышлении и приходит к выводу о том, что *и возможности необходимы в разной степени*. А вероятность определяется так: «Степень необходимого в возможном и представляет, на наш взгляд, вероятность в самом общем смысле этого понятия» [8, 108].

Нам представляется такое понимание вероятности событий глубоко рациональным, поскольку оно не уравнивает необходимые связи и в природе, и в обществе, а допускает их неоднородность, т. е. допускает в качестве основы вероятностных процессов *различие возможностей*. В индивидуальности человека становление природной необходимости приобрело высшую форму многообразия с потенциалом бесконечности самой природы. И смыслоцелевая детерминация стала возможной и возможна только на основе деятельностного и исторически накапливаемого углубления уникальных отличий одного человека от другого, тем самым и возрастания ценности каждого человека в бытии другого. Необходимое для различных индивидуальностей и выделяется во взаимодействии этих индивидуальностей с различной степенью возможного, вариативно закрепляясь в смыслоцелевой цикличности воспроизводства их со-бытия.

Тогда *цель индивидуальности* предстает в целеобразовании как наиболее вероятное разрешение противоречий между необходимостью потребностей индивидуальности и возможностями ее бытия, а при целереализации — как наиболее вероятное разрешение противоречий между целевой готовностью индивидуальности и возможностями средств и предметных условий ее сбытия. Наиболее вероятный вариант воспроизводства бытия индивидуальности можно было бы назвать оптимальным, если бы весь цикл смыслоцелевой детерминации вариативно осуществлялся с созидательной направленностью «для другого». Но в реальном историческом процессе это далеко не так, хотя без доминирования созидательной направленности в индивидуализации человека представить прогресс общества невозможно.

Существенной особенностью целеобразования является *невозможность* этого процесса вне отдельного индивида. Осознанное или неосознанное признание наличия образования цели у наиндивидуальных социальных субъектов может только усиливать линию на онтологизацию потребностей вне отдельного субъекта. На первый взгляд может показаться возможным отделить цели от индивидуальности в процессе целереализации в форме программ, проектов и планов

и представить при помощи таких форм некоторое целевое единство многих людей. Да, такое выражение целевого единства людей возможно и даже необходимо. Но любые отделенные от индивидуальности цели при их реализации должны быть каким-либо образом приняты за основу предметной деятельности. Выполнение программ и планов во многом зависит от принятия их обоснованных целей в качестве своих для многих людей. *Разрыв целеобразования и целереализации по разным индивидам является основной причиной невыполнения или низкой эффективности любых программ, проектов и планов.*

Цель в процессе своего воспроизводства и развития есть и *результат* оптимизации целостности индивидуальности, и *основание* предметной деятельности индивидуальности для оптимизации целостности своего со-бытия. Целевая оптимизация бытия индивидуальности нуждается в свободе определения наиболее вероятных возможностей индивидуализации. Выбор — это и есть *свобода в смысловой и целевой детерминации*. Бегство от свободы (Э. Фромм) — это безответственный выбор.

Необходимость выбора варианта возможного сопровождает смыслоцелевую детерминацию в отношении к исторической, актуальной и потенциальной бесконечности бытия индивидуальности. Восхождение от неопределенности выбора возможностей любого вида бесконечности до утверждения в бытии выбранной возможности проходит все этапы цикла целеполагания и воспроизводства бытия индивидуальности. Выбор оптимально возможного повышает определенность как индивидуальности со стороны ее способностей, интересов, прошлых целей, так и ее бытия со стороны наличных средств и условий в реализации необходимости удовлетворения витальных и социальных потребностей [7].

Выбор — это предпочтение возможностей достижения целевого результата. Выбор — это *и свобода* утверждения возможностей индивидуальности в ее бытии, *и ограничение* выбранной возможностью. В самом процессе индивидуализации выбор необходимых и достаточных свойств и способностей индивидуальности, средств и условий бытия порождает осмысленные самоограничение, саморегулирование, самодетерминацию процесса индивидуализации актуальными возможностями этих свойств, средств и условий. Выбор порождает наиболее вероятный путь, ход и результат процесса индивидуализации, и в итоге достигается целевая оптимизация всего цикла целостности со-бытия.

Все способы (социальные способности освобождения) выхода человека «за», выделенные в философии, — сознание, общение, действие, отношение, вера и отрицание — представлены в размышлениях о свободе человека, и со всеми с ними, на наш взгляд, можно связывать его освобождение. Однако *во всех этих способах присутствует выбор*. Свобода выбора человека в выходах «за» является необходимостью, так как все они вероятностны. Свобода выбора обеспечивает соподчинение всех способов освобождения человека в единый индивидуализированный со-бытийный процесс. Выбор выражает собой два сущностных момента освобождения человека: 1) вариативность процесса сбывания и 2) утверждение индивидуальности человека в со-бытии «для другого». По существу, выбор и есть тот необходимый механизм, который обеспечивает «индивидуализацию бесконечности».

Свобода выбора возможного событийного сбывания индивидуальности устремлена к полноте со-бытия, к сопряженности бесконечности индивидуальности и бесконечности со-бытия. Выбор — это вариативный механизм реализации способов освобождения человека, чтобы оконечить бесконечность, утвердить единственный вариант универсальности со-бытия. Элементы «иррациональности» выбора — это наличие неопределенности. Посредством необходимости ее разрешения в ситуации выбора, в процессах перехода от «Я хочу» к «Я могу» и «Я должен», от «Я мыслю» к «Я могу» и наоборот индивидуальность и определяется. В реализации выбранного варианта как в сбывании индивидуальности обеспечивается целевое и смысловое единство циклов индивидуализации. Утверждение различий индивидуальностей внутри со-бытия никогда не допускает тождества свободы выбора в способах их выхода за пределы самих себя, в соподчинении этих способов внутри себя в форме потребностей и способностей, интересов и целей, знаний и ценностей, чувств и смыслов.

Выбор — это атрибутивная характеристика со-бытия индивидуальности. Свобода выбора и ограничение выбора и выбором определяются развитостью его (бытия) целостности. Кроме условий бытия и самой индивидуальности, выбор возможности ограничивается возможностями выбранного и одновременно отказом от реализации других возможностей, т. е. он всегда связан с ограничениями. Поэтому свобода выбора не может быть безграничной. Также свобода собственного выбора ограничена выбором другого и других и взаимодействие выбранных возможностей сбывания обоих учитывается как при их целеобразовании, так и при их целереализации. Свобода вне собственного выбора есть принятие выбора другого в качестве своего и реализация целей других и для других. Вне собственного выбора человек становится средством реализации возможности, выбранной другими.

Вне собственного выбора торжествует негативная свобода, и созидательная сущность бытия индивидуальности часто находит выход в потребительстве, нигилизме и разрушении. Негативная свобода индивидуальности и ее выбора означает свободу от ограничений со стороны других людей. И если доводить логику негативной свободы до конца, то можно прийти к отрицанию ограничений со стороны исторической бесконечности бытия человека, т. е. к отрицанию каких-либо ограничений со стороны родовой жизни. Тогда человек становится не историческим, не родовым и даже не предметным существом.

В самом цикле свободы выбора «от» до «для» происходит обращение как к прошлому, так и к будущему, поскольку устанавливается его со-ответствие с уже усвоенными и освоеными смыслами самой индивидуальности и ее со-бытия или с еще ею не освоеными. Преобразование и обновление смысла выбора обращено к настоящему, так как происходит со-гласование целей, отношений, действий и ответственности в самой индивидуальности и в со-бытии «здесь и сейчас». Созидание нового смысла выбора обращено с доминированием к будущему и выражает собой единство (объединение) изменений в комплексе со-отношений всей целостности со-бытия, включая индивидуальность, ее отношение с другими, наличное смысловое и предметно-вещественное пространство со-бытия. Достигается единство в синхронности их изменений во времени, что порождает

резонансные усиления вероятностных со-отношений в целостности со-бытия и, как следствие, нарастающую *изменчивость* в нем и в индивидуальностях, нарастающую *непредсказуемость* последствий создания нового смысла выбора для этих индивидуальностей. А это начало накопления *новых различий* внутри со-бытия, а значит, и новых возможностей индивидуализации. В итоге создается новая ситуация необходимости выбора или перевыбора, необходимости ответственности за реализованные смыслы. Эксцентрический выход в со-отношениях является необходимым условием идентификации предметного мира, других в со-бытии, самого себя и собственных выбранных смыслов.

Выбор «для другого» задает свободе альтернативности такую перспективу порождения всеобщности бытия человека, в которой свобода и гуманизм совпадают по своей сути, в которой такая смысловая детерминация способна удовлетворять безграничные социальные потребности в общении, в самореализации, в новом смыслообразовании. Социальные способности индивидуальности, как потенциально реализуемые ее потребности, и целеполагание индивидуальности, как относительная свобода от ее витальных потребностей, утверждают как сбывание целостности ее бытия и одновременно как ценность и предмет потребностей и интересов других людей, порождая *актуальное многообразие отношений* индивидуальностей. Выбор «для другого» воспроизводит и развивает многообразие отношений, в которых воспроизводятся и развиваются всеобщность и универсальность индивидуальностей, актуализируется познавательный, ценностный и ресурсный потенциал исторической бесконечности для освоения потенциальной (природной) бесконечности со-бытия индивидуальностей. В бесконечности со-бытия человека осуществляется одновременное деятельностное самопорождение гуманизма, которое тождественно по смыслу тезису еще XIX в. — «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

1. Батищев Г. С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М., 1969.
2. Бубер М. Я и Ты. М., 1993.
3. Гегель Г. В. Ф. Наука логики // Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1975.
4. Гегель Г. В. Ф. Философия духа // Там же. Т. 3. М., 1977.
5. Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии. М., 1988.
6. Герт В. А. К онтологии целостности человека // Изв. Урал. федер. ун-та. Серия 3: Общие науки. 2012. № 3 (106). С. 95–103.
7. Герт В. А. От потребностного детерминизма к целевой детерминации // Педагогическое образование в России / ФГБОУ ВПО «УрГПУ». Екатеринбург, 2015. № 10. С. 284–289.
8. Корюкин В. И. Концепции уровней в современном научном познании. Свердловск, 1991.
9. Петровский В. А. Человек над ситуацией. М., 2010.
10. Фейербах Л. Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1955.
11. Хайдеггер М. Преодоление метафизики // Время и бытие. М., 1993.
12. Шестов Л. К. К философии истории // Соч. : в 2 т. М., 1993.

Рукопись поступила в редакцию 14 января 2016 г.

ОНТО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СУБЪЕКТА ПРАВА В ИХ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

В статье представлена проблема взаимосвязи сущностных (онто-гносеологических) начал человеческого бытия и статуса субъекта права и отражения данной взаимосвязи в философско-правовых концепциях. Проведен сравнительный анализ онто-гносеологических оснований становления субъекта вообще и субъекта права в Античности, Средневековье и Новое время. В проведенном исследовании онто-гносеологический подход тесно связан с философско-правовым, что позволяет выявить представленность сущностных начал человека и базовых характеристик субъекта права.

К л ю ч е в ы е с л о в а: сущностные начала человеческого бытия, субъект права, онто-гносеологические основания, философско-правовой анализ.

На всем протяжении исторического развития человеческого общества существовало огромное многообразие философских концепций, описывающих сущностные начала человека, которые, в свою очередь, находили отражение в юридических концепциях, раскрывающих человека как субъект права. В рамках таких юридических учений на основе выявленных сущностных оснований человека фиксировались представления о защите прав и свобод личности. В исследовании статуса субъекта права и его прав, на наш взгляд, важным аспектом является рассмотрение данных концептов через призму онто-гносеологического подхода. Обратимся к аргументам одного из сторонников данной позиции — представителя современной философии права С. И. Максимова, который в своей монографии «Правовая реальность: опыт философского осмысления» утверждает, что «любое правопонимание опирается на концепцию природы или сущности человека» [12, 191]. Другими словами, в праве, как продукте творчества человека, воплощается духовно-интеллектуальная сущность человека. Отсюда следует важный для нашей позиции тезис: при исследовании субъекта права и его статуса необходимо учитывать, что право как объективный феномен связано не только с практической жизнью человека (в данном случае имеются в виду правоотношения субъектов), но и с развитием духовно-интеллектуальной сущности человека — со смыслом человеческого бытия.

Данную взаимосвязь обнаруживает и С. С. Алексеев в работе «Восхождение к праву», показывая, что в сфере практических взаимоотношений право является соединением разума и опыта. В результате разумной деятельности людей право объективируется, становится идеальной реальностью в отношениях между субъектами [1, 592–593], а его должностничество стремится стать актуально сущим и реализоваться в поступках субъектов права [12, 155]. В целом нужно признать, что права человека и их защита в обществе определяются уровнем развития духовно-интеллектуальной жизни общества и типом социально-экономических отношений. Приведем определение из «Большого юридического словаря»: «Права

человека — понятие, характеризующее правовой статус человека по отношению к государству, его возможности и притязания в экономической, социальной, политической и культурной сферах» [2, 408]. Как видим, под правами человека в юриспруденции понимаются права, которые задают основу правового статуса личности, в том числе признание государством его правоспособности и правосубъектности [4]. Все это значимо для анализа статуса субъекта права и прав человека, вытекающих из его духовно-интеллектуальной сущности.

Заметим, что под субъектом права необходимо понимать человека как отдельного индивида. В. С. Нерсесянц настаивает на определении субъекта права «прежде всего как свободного и независимого индивида, физического лица, а не надындивидуальных объединений, институтов, формирований» [13, 45–46], так как именно человек (как субъект права) олицетворяет правовое бытие и выступает его активным носителем и реализатором. Такой же точки зрения в определении субъекта права придерживается и С. С. Алексеев. Аргументирует он это тем, что системообразующим началом, генерирующим интеллектуальную и волевую энергию общества, является человек с его естественными потребностями и интересами, выраженными в юридических правах и обязанностях. Особый интерес представляет позиция И. А. Ильина, трактующего субъект права как духовный субъект: «Живая духовная сила нуждается в праве и творит право как свою необходимую жизненную форму, и потому эта форма должна ограждать достоинство своего творца и выражать его естественное уважение к себе» [8, 314]. Поэтому автор полагает, что развитие субъекта права связано с духовным познанием права.

Многообразие трактовок субъекта права приводит к мысли о том, что необходимо исследовать данный феномен как с точки зрения юридической науки, так и с позиций онто-гносеологического подхода, который позволяет выявить не только юридические признаки субъекта права, но и его сущность. Под сущностью (от лат. *essentia*) понимается «бытие, конденсированное в себе и свернутое в понятие» [14, 57]. В этом смысле сущность субъекта права приобретает характеристики, обусловленные правовыми отношениями, и получает специфику правовой области. Для обоснования своей позиции обратимся к учению Г. Гегеля о природе человека и смысле его существования. Немецкий философ в качестве исходного пункта саморазвития права рассматривает единичную волю субъекта, показывая этапы развития права от абстрактных форм к конкретным. Сущность человека Гегель определяет как свободный дух: «Человек в себе есть дух, разумность» [5, 256]. Деятельность духа заключается в процессе познания субъектом себя, общества и мира. По его словам, только человек способен развить дух до знания о себе, к постижению своей субъективности и своего я. Исключительно благодаря мышлению возможна реализация разума как высшей способности человека.

Комментируя работы Гегеля, В. С. Нерсесянц приходит к выводу, что «выражение индивидуальной свободы в виде правовой личности (субъекта права) выступает... как исходный пункт саморазвития понятия права от абстрактных форм его осуществления к более конкретным формам» [13, 45–46]. Из этого следует укорененность права в человеческом бытии. Поясним этот тезис: правовая

реальность обнаруживается в бытии человека, соприкасаясь с бытием других субъектов, тем самым представляя собой особый мир долженствования. Гегелевский подход может быть адекватно понят только в контексте учения И. Канта, который в качестве основной черты права выделял практические отношения; «право касается лишь внешних, и притом практических, отношений между лицами, поскольку их поступки как действия могут иметь... влияние друг на друга» [9, 181]. Гегель же, напротив, используя метод диалектики, определяет право как наличное бытие свободной воли, выражающееся в обязанностях. Деятельная природа духа есть не что иное, как влечение, развивающееся от субъективных желаний к объективному состоянию, т. е. к долженствованию. Посредством влечения, определяемого как практическое чувство, субъект не может познать абсолютную свободу. По мысли Гегеля, для того, чтобы познать абсолютную свободу, субъект должен придать влечению объективность — а именно, выявить разумное содержание своего влечения. Задача же духа и заключается в выявлении разумности содержания влечения и придании ему объективности.

Субъект в концепции Гегеля выступает деятелем, осуществляющим перевод субъективного влечения в объективное состояние. Превращая свои субъективные желания или интересы в объективные, субъект также развивает и свою волю, тем самым осуществляется само понятие воли — наполнение себя свободой. В этом смысле развитая воля содержит в себе долженствование, которое при развитии духа до абсолюта становится нравственностью, а влечения субъекта становятся правами и обязанностями. Абсолютное долженствование проявляется в действительности как дух народа. Образ мыслей индивидов, в котором проявляется «знание о тождестве всех интересов с целым; и то, что другие субъекты взаимно знают себя только в этом тождестве и действительно существуют в нем, есть доверие — подлинный, нравственный образ мыслей» [5, 340]. Такое духовное понимание деятельности субъекта в обществе пронизано доверием и любовью к этому обществу как к целому. Гегель считает, что индивиды способны образовать единство благодаря чувству любви, как в семье, так и в государстве. Анализ и исследование истинного содержания влечений становится учением о правовых, моральных и нравственных обязанностях [Там же, 321]. Так, право является личным бытием свободной воли, которое выражается в обязанностях. Подобное признание свидетельствует о том, что в сфере нравственного права и обязанности сливаются, соединяя тем самым области практических отношений субъектов права и онто-гносеологических оснований субъекта права.

Исходя из этих рассуждений, выделим те понятия, с помощью которых можно описать развитие духовно-интеллектуальной сущности человека и благодаря которым человек, как субъект права, способен к принятию правил, законов, норм и в целом права. Ключевым моментом для анализа субъекта права и прав человека является мысль М. Хайдеггера, что человек сам себе сознательно может полагать необходимое и обязывающее, что находит прямое отражение в правовой сфере. Однако следует помнить, что правопонимание в том или ином государстве коррелирует с характерной для данного исторического периода трактовкой сущности человека. А свое конкретное выражение сущность человека находит

в понимании свободы, истины и справедливости на протяжении всей истории развития человечества.

Методологическое обоснование этого тезиса обнаруживается в работах М. Хайдеггера, который отмечает изменение трактовки отношения человека и сущего. Исходя из трактовки отношения человека и сущего, Хайдеггер определяет понятия свободы и истины применительно к истории европейского общества. Ведь истина носит экзистенциальный характер, а сущность истины обретается в свободе человека. К примеру, в Античности сущее предстает как возникающее и самораскрывающееся начало, которое своим присутствием «захватывает человека», позволяя воспринять человеку «обозримый круг непотаенного» [18, 118]. Непотаенность, открытость сущего человеку, является истиной. Быть сущим в эпоху Средневековья — значит принадлежать к определенной иерархической ступени сотворенного бытия и в таком подчинении отвечать творящей первопричине [17, 49]. Творения Бога — высшей причины — становятся сущими. Мыслитель заключает, что сущее — порядок, а истина — откровение. Поэтому познать истину — значит понять Закон Божий. Ключевым элементом свободы становится связь с истиной откровения, которая и обеспечивает человеку спасение души. Благодаря вере человек может достичь истины и понять все окружающие явления. Так как истина сокрыта в Боге, то созерцание истины возможно только при условии слияния с Богом.

В Новое время человек противопоставляет себя сущему, он находит основание и опору в самом себе. Новоевропейский человек воспринимает окружающий мир, полагаясь на разум. Свобода для новоевропейского человека означает не спасение как мерило истины, а достоверность, посредством которой человек опирается на самого себя. Основываясь на методологии Хайдеггера, выявим изменения субъекта права в Античности, Средневековье и Новое время и проанализируем развитие духовно-интеллектуальной сущности человека, способной к принятию права. Как было отмечено выше, развиваясь в человеке, дух открывает в себе силы разума и любви. В этом смысле с помощью понятий «дух», «разум» и «способность любить» можно описать сущность субъекта права, выразившуюся в практических взаимоотношениях людей в правовой сфере. Философы права заявляют о необходимости поиска сущностных оснований субъекта права, на которые будут ориентироваться юристы для определения правового статуса субъекта. Именно онто-гносеологический подход способен задать такой ракурс исследования субъекта права, который обнаруживает сущностные основания данного феномена.

Если обратиться к анализу статуса субъекта права, то по объему правоспособности и кругу субъектов права в разные эпохи можно судить о том, кого из людей и в какой мере та или иная система права признает в качестве человека, имеющего права. Хорошо известно, например, что античное право, в том числе и римское право, признавало статус субъекта права не за всеми людьми. Так, рабы не признавались в качестве правомочных людей. «Раб был по своему правовому положению “вещью”, “говорящим орудием”, наряду с прочим хозяйственным инвентарем и средствами производства», — пишет в историко-правовом исследовании В. С. Нерсесянц [13, 43–44]. Это объясняется тем, что для Античности

характерной чертой обладания статусом субъекта права является гражданско-правовая правосубъектность.

Один из крупнейших отечественных исследователей Античности А. Ф. Лосев считает, что вся античная культура пронизана личностным началом [10, 163]. Личность как субстанция (для Лосева это важный культурологический концепт) предполагает нерасторжимое тождество материального и духовного. Таким тождеством, несущим в себе оба начала, является миф, поскольку в нем еще нет живой личности со своим собственным именем. Миф представляет собой реальность, и потому он объективен; мифическое сознание оперирует только с реальными объектами, с максимально конкретными и сущими явлениями. А. Ф. Лосев определяет миф как чудо, через которое устанавливаются, определяются и осмысливаются законы природы. Но это оценка чуда со стороны современного исследователя; сам же субъект права, видящий и переживающий чудо, вовсе не думает, что именно он нечто от себя привносит в понимание объекта. Этот «субъект» (носитель мифологического сознания) вполне убежден в обратном, в том, что сам он есть объект чудесного воздействия, что не от него исходит чудо, но что он сам не может не признать чудо как объективное явление, что чудо прямо врывается в его душевный мир и повелительно требует своего признания. Следовательно, миф устанавливает определенные законы и закрепляет права каждого члена общества.

Подтверждением этому становится высказывание Г. Ф. Шершеневича, известного русского правоведа конца XIX — начала XX в. о том, что воззрения древних греков на права человека держатся на мифологических представлениях о том, что полис с его законами имеет божественное происхождение и опирается на божественную справедливость [19, 112]. Так, уже в поэмах Гесиода встречается критика насилия и защита человека — его прав. Для нас здесь важно отметить, что права людей как членов полиса возводятся к божественному порядку и справедливости. Э. Кассирер отмечал, что «дикэ» как справедливость означает «порядок права», тогда как для Гераклита «дикэ» вместе с тем означает и «порядок природы», поскольку и право, и природа подчиняются одному и тому же всеобщему праву — бытию меры.

Для анализа статуса субъекта права необходимо учитывать и особенности понимания истины, и ее соотношение с правовой справедливостью в разные культурно-исторические эпохи. В текстах Солона слово «закон» имеет два значения: во-первых, закон несет в себе природное, «объективное» значение, в силу своего сакрального происхождения; во-вторых, закон является продуктом человеческой деятельности. Сравним представления о взаимосвязи права и бытия древних греков с представлениями жителей Древнего Египта и Месопотамии. Онтологическая взаимосвязь права и бытия человека обнаруживается в связи с тем, что на ранних этапах истории государств человек понимает истину и справедливость как дарование богов. Тот, кто обладал властью, обладал и правосубъектностью. Индивид находится в центре все сильнее расширяющихся кругов власти (начиная с семьи, государства и общества и заканчивая божествами и вселенной), которая ограничивает свободу действий [15, 187]. Для Месопотамии характерно представление о человеке как о рабе, состоящем на службе богов.

Представляется убедительной мысль Г. Франкфорта, который пишет о взаимосвязи власти царя со справедливым отправлением правосудия: «Власть, познание и истина — и у тебя, царь» и «язык твой — святилище справедливости» [15, 89]. Исследуя концепцию правосудия в Древнем Египте, автор замечает, что в ней на первом плане находится личное правосудие царя. Следовательно, только цари действовали как свободные личности. Стоит отметить, что правосубъектность на данном этапе исторического развития совпадает с объемом власти, которой обладает субъект. Ту же ситуацию мы встречаем в античном полисе и в Римской империи, где не все люди обладали статусом субъекта права. Как уже отмечалось, раб не являлся полноправным гражданином государства, а значит, не обладал ни статусом субъекта, ни правами и свободами. К такому же заключению приходит и А. Ф. Лосев: «В основе рабовладельческой формации лежит понимание личности как вещи: раб есть безличная вещь, способная производить целесообразную работу; и рабовладелец есть безличный интеллект, способный быть принципом формообразования для рабского труда» [10, 167].

Для древних греков управление государством перестает иметь родовой характер и не является исключительным правом определенной группы, а становится делом каждого гражданина. Человек мыслился как единичная личность, но с оговоркой: личность — это тело, принадлежащее полису [20, 276]. В этом и проявляется своеобразие античного права, оперирующего с реальными объектами и обязательствами, имеющими свое «телесное» выражение. Поскольку человек отождествляется с телом полиса, постольку статус субъекта права имеют только граждане полиса. Следовательно, чтобы быть субъектом правовых отношений, надо было быть свободным человеком — гражданином. Свобода определяется греками и римлянами как нечто природное. Причину природного основания свободы Гегель видит в том, что «греки и римляне не возвысились до понятия абсолютной свободы, ибо они не познали еще того, что человек как таковой — как разумное самосознание — имеет право на свободу» [6, 245].

Особую значимость для нас представляет идея Гегеля о том, что природа человека является одновременно интеллектуальной и моральной, в ней дух и тело человека тесно связаны между собой. Только человек, пишет Гегель, поднимается в развитии духа к «знанию о самом себе, к постижению своей субъективности, своего я» [Там же, 24]. Следуя этой логике, он определяет человека как мыслящий дух. Следовательно, развивая в себе способность мышления, человек обретает понимание свободы. Его дух способен усмотреть в себе свою субстанцию — свободу. Тем самым мы обнаруживаем тесную связь права с сущностью человека. Ведь осуществление истинной свободы возможно в случае признания тождественности себя и другого, такая свобода соединяет субъектов внутренним образом.

Свободное гражданское общество, в котором граждане государства публично высказывают свое мнение и любое политическое, экономическое решение принимается посредством дискуссии, подразумевало не только обладание статусом свободного гражданина, но и понимание истины как открывающейся свободному человеку посредством «логоса-речи» [7, 43]. Функция «логоса-речи» заключается в том, чтобы сделать любой вопрос свободным для обсуждения. Такое понимание

равноправия присуще агонистической форме общественной жизни, которая становится одной из характерных черт мышления военной аристократии в Греции, придававшей понятию власти новое содержание [3, 53]. Источником истины становится человеческое слово, а сама истина приобретает договорный характер. Оппозиция истина/мнение была снята, ибо «истинные» речи ниспровергают друг друга. Наблюдается смещение акцента и в употреблении термина «дикое». Ранее «дикое» означало божественный порядок, «объективную» справедливость и имело сакральное происхождение. В конце VI–V в. до н. э. справедливость рационализируется благодаря возникновению писаных законов. Таким образом, истина и справедливость из области божественного (как некоего внешнего по отношению к человеку) смещаются в сферу писаного, а значит, связанного с человеческими деяниями права. Вместе с тем истина становится субъективной. А справедливость признается продуктом человеческой деятельности, так называемого договора между людьми относительно того, что им нужно делать для своего блага. Истина и справедливость есть результат основанного на писаном (человеческом) законе «логоса-речи», получившем свое выражение в состязательной форме судебных процессов [7, 47].

Итак, мы видим, что вопрос о статусе субъекта права в эпоху Античности решается таким образом, что человек не признается обладателем онтологического статуса субъекта, поскольку само сущее находится в основе человеческого бытия; человек не противопоставляет себя сущему, а, наоборот, личность как субстанция понимается как нерасторжимое тождество материального и духовного. Однако дух еще не достиг в своем развитии знания о самом себе как о разумном самосознании, выражающемся в абсолютной свободе. Греки находились на стадии развития духа, когда дух рассматривал свободу, которая имеет природное основание. В соответствии с пониманием свободы, имеющей природное начало, статус субъекта права также имел природный, а именно родовой, характер. Значит, субъектом права являлся каждый гражданин полиса (рожденный от свободных родителей — граждан полиса), которого нужно было понимать как единичную личность или персону, принадлежавшую полису, ведь человек отождествлялся с телом полиса. Поэтому самым суровым наказанием за преступное деяние становилось лишение статуса персоны, что означало, по сути, лишение статуса субъекта. Такое отделение от тела полиса ведет к потере свободы. Выходит, что гражданско-правовая правосубъектность, являющаяся следствием политической, государственной правосубъектности, становится основной чертой для обладания статусом субъекта права в Античности.

В Средние века, по оценке В. С. Нерсесянца, формируется разветвленная правовая система, в которой нет прежней поляризации между правосубъектностью свободных граждан и бесправием рабов. Права человека и статус субъекта права стали определяться сословной принадлежностью. В. С. Нерсесянц утверждает, что «различные социальные статусы обуславливали разные уровни (круги) прав-привилегий людей в общей пирамиде феодальной системы права-привилегии» [13, 108]. Принцип правового равенства распространился на большее количество людей, но значительно разнился по своему объему в зависимости

от принадлежности к той или иной группе, сословию. В условиях сословного деления общества индивид признается субъектом права только в определенном круге отношений (как, например, в союзе ремесленников). Необходимо отметить, что христианская культура играет ключевую роль в развитии не только теологии и философии, но в том числе и в юриспруденции. Христианство оказало влияние как на формирование мировоззрения в целом, так и на формирование норм уголовного права в частности. Все дело в том, что христианская церковь являлась выразительницей воли Бога на земле, следовательно, чтобы быть нравственным, надо согласовать свое поведение с велениями церкви. Для спасения христианской души церковь стремилась присвоить себе карательную власть над всеми проступками человека, которые рассматриваются как греховные дела.

Обоснование стремления церкви расширить свои полномочия в сфере регулирования общественного порядка обнаруживается в трудах Августина, который настаивает на том, что истинным устройтелем общественного быта на земле может быть только церковь, но не государство: «Государство способно лишь дать церкви внешнюю силу, как орудие устройства» [19, 89]. Критические замечания о стремлении церкви утвердить общественный порядок высказывает Марсилиус Падуанский. Он считает, что если законы религии лишены принудительности, то священники могут действовать только советом, убеждением, но не принуждением [Там же, 103]. К XIV в. между правителями государств и легистами образовался союз для борьбы против папских притязаний духовной опеки граждан. У. Оккам в работе «Сон в саду» поставил перед собой цель доказать несостоятельность папского господства в отправлении правосудия: «Дело духовных увещать и наставлять, дело светской власти — принуждать, судить и наказывать» [Там же, 109]. Следует отметить, что на стороне светской власти оказались и юристы, воспитанные на обычном праве.

Важным критерием понимания становления субъекта права является трактовка свободы. Толкование свободы человека как внутренне присущей каждому исходит из идеи реформации, заключающейся в осмыслении свободы внутреннего измерения, т. е. свободы совести, свободы поступка. Данная идея переносится в правовую область, где она раскрывается как свобода совести. В XVI в. Мартин Лютер отстаивает права каждого человека на свободу совести, доказывая, что в человеке есть сторона, в которую не может вмешиваться никакая посторонняя сила [Там же, 112]. По его мнению, каждый христианин свободен, но одновременно и несет постоянную службу. Такое представление становится возможным благодаря выделению в человеке внутреннего и внешнего, а именно души и тела. М. Лютер считает, что только развитый внутренний мир человека способен дать праведность и свободу. Посредством веры человек находится в согласии со своей душой и совершает праведные поступки. С другой стороны, пребывая в бренной земной жизни, он должен влачить свое тело и общаться с людьми. Добрый человек творит добрые дела, но не через совершение множества добрых поступков мы станем добрыми и праведными. Поэтому лицо должно быть добрым и праведным прежде праведного дела, а от праведного человека пойдут и добрые поступки [11]. «Истина, как истинная жизнь христианина, по мысли М. Лютера, это жизнь среди

других людей, с которыми у него должны складываться взаимоотношения» [11]. Тем самым индивид вынужден действовать, а занимаясь делом, он и проявляет свое внутреннее начало. Все поступки и мнения индивида должны быть свободными во всех его делах. Так христианин полностью становится свободным для того, чтоб сделаться слугой своего ближнего.

Обращаясь к идеям реформации, нельзя не упомянуть воззрения Ж. Кальвина на государство, человека и право. Он уделяет большое внимание нравственно-правовым предписаниям и взаимосвязи человека и государства. Кальвин заявляет, что государство способно обуздать греховную человеческую природу посредством утверждения социального порядка, обеспечивающего нормальное существование людей. Именно через государство и его правовые нормы Бог воздействует на человека, тем самым направляя последнего к благу. Так, в правовых нормах находит свое выражение внешний порядок, а внутренни́й порядок заключается в развитии духовного мира человека. Сравнивая двух мыслителей, Лютера и Кальвина, В. А. Бачинин показывает, что для последнего характерна жесткая установка на тотальную регламентацию жизни людей и дисциплину, которая подготовит человека к переходу в вечную жизнь. Тогда как Лютер больше доверял внутреннему миру человека, дающему человеку свободу.

Перейдем к рассмотрению статуса преступника в обществе и феномена наказания за преступление. Любое преступление, совершенное в Средние века, понималось как преступление против суверена. Ведь только король олицетворяет закон, следовательно, человек, совершивший преступление, выступил против суверена, а значит, его воспринимают как личного врага государя. Кроме того, вера в чудесное устраняет из суда доказательства, взывающие к разуму. Признаются только те доказательства, в которых есть отсылка к Священному Писанию. До середины XVIII в. ведется лишь тайное следствие. Следовательно, исчезает всякая возможность участвовать в правотворчестве отдельным индивидам. Цель наказания преступника заключается не в восстановлении равновесия и справедливости, а в восстановлении власти и демонстрации ее силы. Превосходство монарха в силе обрушивается на тело противника и завладевает им, показывает его заклеянным, побежденным, сломленным. М. Фуко отмечает, что отношение «истина — власть» остается в центре карательных механизмов, где пытка — инструмент вырывания истины. По М. Фуко, слова, вырванные под пытками, считались самыми ценными и правдивыми. Словом, карательная церемония «ужасает» [16, 216]. Казнь логически вписывается в карательную систему. Стоит отметить, что публичная казнь не просто театрализованное представление — именно здесь высказывается истина. Дело в том, что когда судья выносит приговор, тогда люди становятся свидетелями истины, в этот момент они являются непосредственными участниками наказания.

Таким образом, для Средневековья характерна строгая иерархия в организации общественной жизни. Это объясняется тем, что все существующее принадлежит определенной иерархической ступени сотворенного бытия и в таком подчинении отвечает творящей первопричине — Богу. Раз все сущее выступает неким порядком со строгой иерархией, то ключевым элементом свободы становится

связь с истиной откровения, в которой человек обеспечивает спасение души. Следовательно, в рамках судебного процесса признаются только те доказательства, в которых есть отсылка к Священному Писанию, а доказательства, основанные на доводах разума, устраняются. В условиях сословного деления общества индивид признается субъектом права только в определенном круге отношений.

Освобождение от церковного авторитета, достигнутого, с одной стороны, с помощью идей реформации и, с другой стороны, благодаря усилению государственной власти, привело в итоге к новому мировоззрению, в основе которого лежит «безусловная вера в личность, в личные силы, в способность изменения мира путем личного сознания. Гуманизм все свои надежды возлагал на личное усовершенствование и толкование свободы как внутренне присущей каждому [19]». Борьба с предрассудками и опора на разум позволили воспринимать окружающий мир, не полагаясь на авторитет догматов или веры, как в Средневековье.

М. Хайдеггер отмечает радикальное изменение трактовки отношения человека и сущего в Новое время [17]. Человек противопоставляет себя сущему, тем самым исчезают абсолютная истина и верховные ценности. Новоевропейский человек находит основание и опору в самом себе, претендуя на то, чтобы постоянно устанавливать себя в статусе субъекта: «Человек становится точкой отсчета для сущего как такового» [Там же, 49]. В качестве субъекта он устанавливает и самоутверждает себя в качестве законодателя, т. е. субъект сам решает, что будет для него обязательным. Следовательно, именно человек становится свободным и ничем не ограниченным сущим. В итоге, заключает М. Хайдеггер, свобода понимается как самоуверенное самоопределение, а ее содержанием является установление закона человеком для самого себя. В целом признание за человеком его прав, а следовательно и их защита в обществе, определяется уровнем развития духовно-интеллектуальной жизни общества и типом социально-экономических отношений.

Как представитель новоевропейской философии права, И. Кант провозглашает разум законодателем объективного принципа, являющегося принудительным для воли. Веления разума выражаются в формулах категорического императива. Все императивы выражены через долженствование, и этим показано отношение объективного закона разума к такой воле, которая по своему субъективному мотиву не согласуется с ним. А если воля сообразна с разумом как с принципом ее, то человек действует в соответствии с императивом. И. Кант заявляет, что на протяжении многих веков одной из основных характеристик природы человека является неспособность человека пользоваться самостоятельно своим рассудком, без руководства каким-либо авторитетом. В эпоху Просвещения, по оценке немецкого мыслителя, распространяется дух разумной оценки собственного достоинства и признания каждого мыслить самостоятельно [9, 25]. Основной характеристикой субъекта становится использование собственного рассудка в качестве инструмента для достижения достоверного знания. С этим связано и то, что получает название рационализации образа жизни.

Полагание человека на собственный разум предопределило возможность рационализировать и юриспруденцию как науку, а также сформировать новый взгляд

на цели и меры наказания. У истоков нового понимания цели и меры наказания стоит выдающийся итальянский мыслитель Ч. Беккариа. Именно его работа «О преступлениях и наказаниях» (1764) послужила теоретической опорой для формирования нового взгляда на наказание за преступление. В данном произведении Беккариа предстает не как специалист в области уголовно-правовой науки — его идеи выражают неразрывную связь философских и правовых воззрений. Его произведение оказало влияние на западных и отечественных мыслителей, поскольку он предвосхитил многие принципы начавшейся уголовно-правовой реформы конца XVIII — начала XIX в. Беккариа приходит к выводу, что наказание должно не столько наводить ужас, сколько воспитывать и исправлять преступника. Оно должно быть не краткосрочным, а надолго сохраняться в памяти и преступника, и остальных граждан.

В Новое время нередко самые разные проявления человеческой жизни рассматриваются с точки зрения экономической выгоды. В условиях превалирования экономической составляющей жизни общества юристы приходят к осознанию того, что необходимо использовать преступника как рабочую силу: по сути дела, смертную казнь предлагают заменить принудительным трудом. Тем самым рациональная экономия власти наказывать становится мощным средством прогресса во многих сферах общественной жизни. Подтверждением тому служат те положения в уголовном кодексе, которые заменили телесные наказания продолжительной трудовой жизнью на каторге. Известный русский юрист А. Ф. Кистяковский также считал, что, оставляя преступнику неприкосновенными тело и жизнь, можно извлечь из наказания за преступление выгоду.

Представляется убедительной идея о том, что реформы в уголовном праве можно объяснить видоизменением права в соответствии с общим уровнем образования, нравами, особенностями экономической жизни, политического устройства государства в ту или иную эпоху. Кроме того, на становление статуса субъекта права влияет и развитие его духовной способности к принятию права. Так, в Новое время человек обретает онтологический статус субъекта, что позволяет ему утвердить себя как точку отсчета во всех сферах жизни, т. е. как основание всякого представления о сущем и его истине. Полагание человека на собственный разум предопределило возможность рационализировать и меру наказания за виновные деяния. Реформы юристов были продиктованы изменением во взглядах людей: человек стал уповать на свой разум и рационально подходить к разрешению любого вопроса, в том числе и уголовного наказания.

Завершая рассмотрение заявленной темы, хотелось бы обратить внимание на то, что онто-гносеологический подход позволяет выявить сущность субъекта вообще и субъекта права в особенности. Сущность субъекта права совпадает с сущностью человека, но определяет в соответствии со сферой бытия права. Такие понятия, как «дух», «разум», «любовь», показывают взаимосвязь человеческого бытия и права, поскольку, благодаря развитию в себе способности мышления, духовного принятия права, ответственности за другого, субъект права формирует свою правовую культуру и развивается по пути к правовой свободе и справедливости. Отметим и то, что субъект права не может быть определен как пассивный

толкователь юридических норм. Становясь субъектом права, человек осваивает правовую форму жизни. Таким образом, именно онто-гносеологический подход способен задать такой ракурс исследования субъекта права, который выявляет изменения на различных этапах исторического развития в толковании свободы, истины и справедливости, получившим свое выражение в правах человека.

1. *Алексеев С. С.* Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001.
2. Большой юридический словарь / В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова М., 2001.
3. *Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли : пер. с фр. / общ. ред. Ф. Х. Кессиди, А. П. Юшкевича ; послесл. Ф. К. Кессиди. М., 1988.
4. Всеобщая декларация прав человека. Принята и провозглашена резолюцией 217А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 г. // Международные акты о правах человека : сб. док. М., 1998.
5. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 3 : Философия духа. М., 1977.
6. *Гегель Г. В. Ф.* Философия религии. Т. 2. М., 1977.
7. *Гущев В. Е., Александров А. С.* Народное обвинение в уголовном суде. Н. Новгород, 1999.
8. *Ильин И. А.* О сущности правосознания / подготовка текста и вступ. ст. И. Н. Смирнова. М., 1993.
9. *Кант И.* Соч. : в 6 т. Т. 3 / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана ; пер. Б. А. Фохта ; АН СССР, Ин-т философии. М., 1964.
10. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития : в 2 кн. Кн. 2. М., 1994.
11. *Лутер М.* О свободе христианина [Электронный ресурс]. URL: http://www.agym.spbu.ru/lib/Luter_2.doc (дата обращения: 22.11.2015).
12. *Максимов С. И.* Правовая реальность: опыт философского осмысления : моногр. Харьков, 2002.
13. *Нерсесянц В. С.* Философия права. М., 1997.
14. *Пивоваров Д. В.* Категории онтологии : учеб. пособие / Д. В. Пивоваров ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2016.
15. *Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т.* В преддверии философии. Духовные искания древнего человека / пер. с англ. Т. Н. Толстой. М., 1984.
16. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / под ред. И. Борисова ; пер. с фр. В. Наумова. М., 1999.
17. *Хайдеггер М.* Время картины мира // Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Библихина. М., 1993.
18. *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Там же.
19. *Шершеневич Г. Ф.* История философии права. СПб., 1907.
20. *Шпенглер О.* Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории : [в 2 т.]. Т. 2 : Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. М., 2003.

Рукопись поступила в редакцию 29 декабря 2015 г.

ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 7.011.3 + 304.42 + 008 + 7.036.1(47 + 57)

Т. А. Круглова

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЗАЦИИ ИСКУССТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ (СОВЕТСКИЙ ОПЫТ)

В статье представлены итоги работы международного исследовательского коллектива, изучавшего в течение 2013–2015 гг. трансформации левой идеи в поле художественной культуры СССР и Франции в период 1920-е — середина 1950-х гг. Исследование велось в рамках теоретических подходов, разработанных французскими социологами культуры — представителями структуралистской и прагматистской теорий, а также на материале «человеческих документов» советской эпохи. Анализ процессов политизации искусства осуществляется в контексте сталинской культурной политики и доминирования соцреализма в поле советского искусства.

Ключевые слова: структуралистская теория культуры, прагматистская теория культуры, поле литературы, политическое в искусстве, советское левое искусство, соцреализм, сталинская культурная политика.

Проблема отношений политики, эстетического и художественного еще сравнительно недавно представлялась историкам и теоретикам в основном решенной в рамках философии и социологии искусства, развивавшихся в недрах марксистских взглядов на духовное производство. Пожалуй, наибольшую известность в отечественной эстетике имели размышления на тему политического в искусстве представителей Франкфуртской школы (Т. Адорно, В. Беньямин), чьи труды в Советском Союзе и России всегда пользовались большим авторитетом. Интерес к отношениям политики и искусства ушел на периферию гуманитарного знания еще и потому, что в контексте постмодернистской культуры, то есть культуры последней трети XX в., сложилось устойчивое представление о том, что наступило время конца политического. Но вывод об «окончательном решении» вопроса о политическом и художественном является поспешным, так как основывается во многом на неосведомленности о других интеллектуальных традициях трактовки этой проблемы. Например, тема политического

и эстетического является одной из магистральных во французской философии и социологии культуры. Философско-эстетическая концептуализация проблемы политического и эстетического, поиска их онтологических оснований представлена взглядами современных французских мыслителей Ж. Рансьера и А. Бадью, чьи идеи определяют сегодня уровень интеллектуальной рефлексии темы политического в искусстве. В центре их внимания оказывается идентификация субъектов политического и эстетического действия и интерпретация искусства сквозь призму трансформаций субъективности. В новой для духовной культуры ситуации, когда эстетическое утратило свой коррелят с трансцендентным, поиски универсальной системы значений происходят на пересечении со сферой коллективной чувственности — то есть сферой политического.

В широком потоке французской интеллектуальной мысли о проблеме политического мы сосредоточились на направлении социологии культуры. В рамках международного сотрудничества с Европейским центром социологии и политической науки Высшей школы социальных наук (CESSP EHES) (Париж, Франция) в течение 2013–2015 гг. был осуществлен проект «Трансформации в литературных полях СССР и Франции: циркуляция „левой идеи” в период с середины 1920-х до середины 1950-х годов» (грант РГНФ № 13-23-08002). Руководитель научного коллектива с российской стороны — профессор Т. А. Круглова, исполнители — профессор М. А. Литовская, доценты Н. В. Суслов, Т. В. Платонова, ассистент Е. П. Неменко, аспирант Г. А. Тарасов, все — сотрудники Уральского федерального университета. Руководитель с французской стороны — Жизель Сапиро, профессор Высшей школы социальных наук, Париж.

Набор задач, поставленных международным исследовательским коллективом, был довольно внушительным: проанализировать устройство поля советского искусства при сталинизме в условиях доминирования политического фактора в сфере культуры; проследить изменения в соотношении автономии и гетерономии в поле художественной культуры; описать смену позиций художников и весь спектр стратегий поведения, обеспечивающих успех в поле; определить степень и характер влияния символического капитала западного «левого» сообщества на советское поле искусства; выявить зоны пересечений советских и французских интеллектуалов на почве циркуляции «левой идеи». В данной статье мы остановимся только на тех аспектах исследования, которые касаются политизации советского искусства.

В анализе взаимосвязей политики и искусства мы исходили из понимания культуры, предложенного П. Бурдьё [2] и его последователями: бытие культуры можно представить в виде символического пространства, организованного специализированными полями. Между полями и внутри каждого поля происходит борьба, возникает напряжение между полюсами. Речь идет о гетерономном и автономном полях. Автономное поле определяется собственной логикой и правилами, отличными от логики и правил, устанавливаемых политической, экономической и религиозной видами власти. «Автономизация литературного поля — результат появления особого корпуса производителей, правомочных выносить эстетическое

суждение о продуктах художественного творчества и определять их символическую ценность» [18, 126].

Ж. Сапиро, основываясь на разработанной П. Бурдьё теории поля и на эмпирических исследованиях о писателях во Франции, разрабатывает принципы структурирования французского поля литературы с конца XIX в. до начала 1970-х гг. Суть созданной ею объемной модели в том, что структура французского поля литературы выстраивается вокруг двух основных оппозиций, ориентированных по вертикали — «господствующие» против «подчиненных» и по горизонтали — «автономия» против «гетерономии». Пересечение этих двух оппозиций позволяет обозначить группы писателей, различающихся как по своим концепциям литературы, так и по местам своей социализации и формам политической ангажированности [17]. Ж. Сапиро и ее коллеги проводят исследования поля французской литературы, будучи приверженцами структуралистской, или критической, теории социологии культуры. Продуктивность избранной методологии применительно к сфере искусства заключается в том, что отношения между художественной сферой (автономия) и сферой политики (гетерономия) раскрываются через процессы конвертации символического капитала. Иначе говоря, в описываемый период политические позиции агентов непосредственно влияют на их творческие стратегии, на пути перемещения по оси успеха, на характер популярности и степень допуска к распоряжению ресурсами культуры.

Работа началась с процедур сопоставления истории и статуса политических идентификаций в России и на Западе. Для западноевропейской (особенно для французской) культуры основными маркерами политических позиций стали понятия «левого» и «правого». Анализ Ж. Сапиро показывает, как с конца XIX в. оппозиция левого/правого стала переноситься из парламентской области в сферу литературных дебатов, постепенно определяя ведущие траектории издательской политики, влияя на статус литературных премий и в конечном счете на формирование аудитории читателей [17]. Но в России понятия «левого» и «правого» не получили статуса фундаментальных категорий описания процессов в культуре, можно говорить об их универсализации только в пределах небольшого временного промежутка: в 1910–1920-х гг. До Октябрьской революции широко использовались другие понятия: «революционно-демократическое», «либеральное» и «консервативное» направления. Риторика «левое/правое» пришла вместе с футуризмом из Западной Европы во время Первой мировой войны. Октябрьская революция, затем Гражданская война ввели в оборот сначала оппозицию «революционное/контрреволюционное», внутри которой важное место занимала оппозиция «пролетарское/мелкобуржуазное», затем постепенно сложились оппозиции «советское/несоветское/антисоветское», а ближе ко Второй мировой войне — крайне размытые понятия «прогрессивного/реакционного», «передового/отсталого». Но все вышеперечисленные концепты, несомненно, имеют ярко выраженную политизированную семантику. Освоение работ представителей французской исторической социологии культуры [2, 17, 18] и сравнительный анализ ситуации в поле литературы в СССР и во Франции показали, что публичная риторика манифестов и художественной критики периода между мировыми

войнами и в России, и в Западной Европе активно использовала политический дискурс [17]. *Политические классификации накладывались на исходную модель поля, приводя ее к различным модификациям.*

Сравнение положения дел в СССР с западной ситуацией этого периода опиралось на выявление особого статуса политики в поле искусства. В европейской традиции процесс политизации культуры, независимо от полюса — «левого» или «правого», всегда обязательно связан с публичной сферой: только в ней развивается, ею питается, ее функцией и институтом является. После 1917 г. ситуации на Западе и в СССР оказались совершенно различными. В анализе риторики советской художественной критики мы опирались на фундаментальный труд международного коллектива авторов «История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи» [6]. Авторы исходят из того обстоятельства, что магистральный вектор трансформации литературного поля при сталинизме — слом традиционного для России хода «догоняющего Запад развития», возникновение уникальной социокультурной ситуации реформирования границ автономного поля, появление новых доминирующих сил в лице государственной административно-бюрократической и партийной системы.

С распылением и гибелью прежних культурных элит *исчезла и сформировавшаяся в России публичная сфера*. Пришли новые писатели, новые читатели, а с ними — новые позиции в поле. Специфика советской ситуации, считает Е. Добренко, в особом статусе политики: с одной стороны, она вся сконцентрирована на вершине власти, так что все социальные поля фактически «обесточены», лишены власти; с другой стороны, именно в силу этой концентрации политика ищет новые пути для реализации, проявляя себя в сферах, в которых традиционно ее роль довольно мала. *Литературно-политическая борьба имеет постоянным и единственным коррелятом вершину власти*. Государственно-партийная власть — единственное поле, где политика могла присутствовать [4, 5–36]. Таким образом, на Западе и в СССР образовались совершенно различные наполнения политического дискурса и поведения: полем выражения политических позиций на Западе является публичная сфера («общественность»), в СССР — вертикаль государственной власти.

Но, установив различия в сфере политизации искусства в СССР и во Франции, мы увидели также и сходные признаки, позволяющие сделать вывод об общих векторах развития культурных процессов в период между мировыми войнами. Общая динамика нарастания процесса политизации и доминирования политических идентификаций в поле искусства в обеих странах совпадает в основных точках — от начала установления политических идентификаций в поле до полного доминирования (выход на поверхность, оформление — 1923 г., переломная точка — 1929 г., сращение с партийностью — 1932 г., политика окончательно определяется как способ идентификации и разграничений в литературном поле до конце 1940-х гг.). Анализ трансформаций «левой» идеи во французском поле философии и литературы выявил взаимосвязь между семантикой концепта «левое» и организацией границ между автономией и гетерономией. В период между мировыми войнами и в России, и на Западе художественное поле само

вырабатывало новые способы классификации позиций и стратегий успеха, и эта новизна была напрямую связана с политическими дифференциациями деятелей искусства.

Итак, на первом этапе исследования необходимо было описать *структуру и динамику советского поля литературы в 1920–1950-е гг.* Предмет исследования был разделен на три этапа.

Первый этап — 1920-е — рубеж 1930-х гг. Поле было относительно автономно и не сводилось к обслуживанию революционного государства. В стране сформировались довольно сложная сеть институтов медиа и разнообразный рынок печатной продукции, конкуренция в котором за читателя, с одной стороны, и за расположение партии, с другой, была очень жесткой, но в целом проходила по собственным правилам. Политические категории накладываются на уже существующие оппозиции в поле и не всегда являются решающими.

Второй этап — 1930-е гг. Процесс, который запустил «тотализацию» культуры и полную утрату литературой автономии, самими писателями переживался как обретение подлинной свободы творчества. Создание Союза советских писателей было формой сделки власти и интеллигенции, т. е. двусторонним соглашением. Отныне в культуре, как и в других областях, стал цениться профессионализм. В результате процессов «пролетаризации» художественной деятельности в 1920-е гг. литература представлялась многим как один из самых доступных каналов социальной мобильности: профессия писателя была наименее кодифицированной, для реализации в ней требовались умение грамотно писать, жизненный опыт, и она давала приоритет перед многими видами тяжелого физического труда. В начале 1930-х гг. возникает новая конфигурация автономного поля, которая характеризуется тем, что автономное советское писательское сообщество взяло на себя бюрократические функции. «Пролетаризация» литературы постоянно ставила под вопрос специфическую ценность литературного труда и в итоге сформировала соответствующий тип писателя — государственного служащего, ничем не отличавшегося от любых других «работников социалистического производства».

Итак, проект соцреализма отсекал любые крайние радикальные позиции и задавал неопределенные рамки творчества и самоидентификации. Власть культивировала срединные, компромиссные позиции. Весь процесс изменения структуры поля состоял в выработке этого базового компромисса, снимающего поляризацию в поле и объединяющего разрозненные литературные группы в унифицированный лагерь советских писателей. Происходило постоянное стирание, размазывание различий и границ поля. Анализ советского поля литературы в терминах «автономии / гетерономии» позволяет заключить, что тяготение поля к гетерономии соответствует международным модернизационным процессам между двумя мировыми войнами.

Третий этап — 1940-е — начало 1950-х гг. Проанализированы параметры культурной политики позднего сталинизма в контексте «консервативной революции». Программа «возвращения к истокам» создавалась властными структурами в союзе с творческой интеллигенцией. Это было конструирование нормативного

образа новой, советской общности на базе обоснования ее гегемонистской исключительности. Национальная традиция, воплощенная в редуцированной классике, встраивается в антизападную и антимодернистскую программу культурного развития. Выявлены стратегии и направления работы с традицией: прошлое как объект творчества, утилизация классического наследия, советский неоклассицизм.

Следующий шаг был продиктован необходимостью выяснения, как динамика политических идентификаций и классификаций советских художников вписывалась в магистральный культурный тренд на рубеже 1920–1930-х гг. Мы трактуем его как «реставраторский» поворот, как имитацию возвращения к домодернистской картине мира: классическому нарративу и традиционалистской поэтике. *Закономерностью культурной динамики рубежа 1920–1930-х гг. можно считать достаточно массовое «превращение» «левых» в «правых», новаторов — в традиционалистов.* Участники методологических семинаров «„Левая идея” в поле советского искусства» (УрФУ, май 2013), «Трансформации „левой идеи” в художественной культуре СССР и Франции» (УрФУ, май 2014) и «Художник в ситуации смены идеологии» (УрФУ, февраль 2014) поставили проблему превращения «левых» художников в «правые» в центр дискуссии [7]. Доклады были посвящены тем авторам, которые, имея различный габитус и место в поле, как бы «изменили себе», иногда публично заявляя об этом, переходя из условно «революционного», левого лагеря в условно «консервативный», правый. В качестве объектов анализа были выбраны поэты-авангардисты, архитекторы-конструктивисты [5], С. Эйзенштейн, С. Прокофьев. Внутренние мотивации перехода на более консервативную платформу интерпретировались на фоне нарастающего доминирования государственного заказа, который открывал новые перспективы перераспределения символического капитала.

Основная тенденция трансформаций поля искусства в этот период — совмещение требований социального заказа, коммерческой эффективности и эстетических требований. Анализ проводился на нескольких уровнях: институциональном (деятельность Главреперткома, общественно-политических советских и международных организаций писателей), биографическом (дневники М. Пришвина, автобиографическая книга работницы А. Коревановой, переписка участников артели «Палех»), текстологическом (анализ поэтики Ю. Олеси, Б. Пастернака [9], П. Бажова [13], В. Катаева [14]).

Изменившиеся правила поведения в пространстве советской культуры на протяжении 1930-х гг., смена доминирующих групп и иерархии в поле искусства, использование в новом контексте прежних риторических фигур («левое», «революционное», «авангардное») породило двусмысленность художественных посланий. Анализ конкретных творческих биографий и траекторий обнаружил важную роль адаптационных, приспособительных практик, направленных, с одной стороны, на удерживание творцов в границах автономии (сохранение профессионализма), а с другой стороны, на удовлетворение социального заказа гетерономного поля [8, 12]. Кроме того, это позволило установить связь между импульсами, посылаемыми властью, и эстетико-социальными программами, генерированными изнутри автономного поля.

Участники проекта пришли к выводам о парадоксальном семантическом сдвиге в содержании «левой идеи» в искусстве при сталинизме, о ее прагматическом наполнении, о конформистской составляющей «левой» ориентации [7], о функциональной переменчивости творчества в зависимости от смены правил поведения в поле. Выявлены своего рода мутация «левой идеи», преобразившейся в «прогрессивное» искусство, отказ от деления на «левых» и «правых» на уровне официальной риторики и маркировки правил внутри советского поля и за его пределами.

Методология структуралистской социологии культуры, примененная к полю культуры сталинского периода, оказалась плодотворной, так как позволила вписать советский опыт в мировой культурный контекст и интерпретировать процессы политизации искусства с точки зрения общих структурных трансформаций культуры в период между мировыми войнами. Важным вкладом в прояснение вопроса о политической вовлеченности советских деятелей культуры стала разработки французскими коллегами *концепции ангажированности искусства в культуре модерна* (на примере Франции XIX–XX вв.). Е. П. Неменко описала проблемное поле, возникающее вокруг понятия ангажированности искусства, и провела сравнительный анализ двух теоретических подходов к проблеме социальной и политической вовлеченности художника в модерне — структуралистского и прагматистского [15].

Социально-политическая ангажированность (вовлеченность) включает в себя следующие тематизации: соотношение типов социальной и художественной репрезентаций автора; характер субъективации авторской ответственности; способы согласования ценностей сингулярности с требованиями демократизации культурного производства и потребления [16]. Эта модель была частично опробована на советском материале: формы субъективации авторской ответственности были осмыслены применительно к П. П. Бажову [13], В. Катаеву [14], С. Прокофьеву [11]. Соотношение типов социальной и художественной репрезентации автора было раскрыто в типологии способов вхождения в соцреализм художников с различным габитусом (классические реалисты, модернисты, авангардисты) [8, 9]. Изучение практик ангажированности писателей как серий ситуаций морального выбора имеет принципиальную методологическую важность в контексте сравнения в рамках одного исторического периода. Обнаружено многообразие способов вовлеченности советских писателей в эстетико-политический проект власти, что позволило понять границы социальной ангажированности искусства в условиях сталинской модернизации.

Апробация результатов исследования и обсуждение с французскими коллегами произошли на двух семинарах в Париже, в Европейском центре социологии и политической науки Высшей школы социальных наук: «Литература и политика во Франции и в СССР: сравнения и циркуляции» (сентябрь, 2013) и «Писатель и художник в контексте культурной истории сталинизма» (ноябрь, 2014).

Тем не менее анализ исторических реалий и дискуссии на совместных семинарах обнаружили *ограничения теории полей и в целом структуралистского подхода*. Методология П. Бурдьё работает применительно к тем типам социального

пространства, где четко проведены границы между специализированными полями, прозрачно определены правила поведения в поле (концепт «социальной игры»). В отношении организации советского пространства говорить о подобных параметрах в высшей степени затруднительно. Проблемным местом в методологии описания поля советской литературы является дискуссия о жестком или, напротив, неопределенном месседже власти. Практически всеми исследователями, работающими в этом направлении, отмечается близость художественной системы соцреализма к ритуальному комплексу и невозможность анализировать соцреалистические произведения методами классической эстетики, разработанными для понимания автономных художественных миров. Жесткие структурные оппозиции, сформулированные в официальных документах, оказываются подвижными и изменчивыми в ситуации из конкретного применения, например в обсуждениях на художественных советах. В действительности агенты, выстраивая стратегию поведения, опираются не только на то, что официально провозглашено, но и на «теневые» правила, постоянно лавируя между разрешенным и незапрещенным. Опираясь лишь на официальные послания власти, чрезвычайно сложно выделить структуру поля, поскольку их содержание каждый раз наполняется новым смыслом и не отражает реального распределения позиций агентов.

Таким образом, с одной стороны, наличие очевидных жестких правил и специфических границ в поле литературы позволяет применять к нему структуральный анализ и описывать сталинскую культурную парадигму в терминах распределения и циркуляции разных видов капитала; с другой стороны, гибкость и подвижность мировоззренческих категорий и запутанность критериев отбора канонических произведений искусства формируют у агентов прагматическое мышление и заставляют ставить вопрос о границах структурального анализа в исследованиях сталинской культуры и об обращении к методам прагматистской социологии.

Французская *прагматическая социология культуры* вводит в исследование культуры модерна понятие «ценностных режимов», позволяющих ответить на вопросы: зачем субъектам нужно активно вовлекаться в капиталистическое существование? в чем их интерес и мотивация? какие надежды они связывают со своими действиями внутри этой системы? почему, несмотря на отсутствие гарантии прямых выгод от «игры по правилам», люди продолжают действовать? Л. Болтански и Э. Кьяпелло формулируют концепцию «духа капитализма», представляющего собой сочетание режимов критики и оправдания [2]. На наш взгляд, применение прагматического методологического инструментария к сталинской культуре может способствовать прояснению процессов трансформации политических позиций, если мы вышеперечисленные вопросы адресуем советским деятелям искусства.

Доминирование соцреализма свидетельствует о том, что оно было обеспечено не только системой государственного насилия, но и работой определенных ценностных режимов. Используя это понятие применительно к советскому полю искусства, под *режимом оправдания* мы понимаем, во-первых, установку на согласие с порядком наличного социального бытия, его ценностями, и работу по их утверждению и продвижению; во-вторых, установку на сотрудничество

с влиятельными внешними по отношению к миру искусства силами; в-третьих, стремление доказать свою нужность в глазах этих сил, предъявить аргументы в пользу права на существование собственного варианта творчества. Теснейшим образом с режимом оправдания связана позитивность, понимаемая как ориентация на сложившийся порядок вещей [9].

Предложена и доказана гипотеза о том, что советские интеллектуалы, прежде всего в сфере литературной деятельности, формировали *режим духа социализма*, оправдывающий приверженность ему, делая его привлекательным [10]. Истоки разворота от критики как социальной и эстетической процедуры (отрицание, разрушение, очищение от старого) к утверждению позитивности общественных перемен и отражающего этот процесс искусства (созидательности) историки советской культуры находят уже в русском левом авангарде. Желание сотрудничать с властью проявили именно левые, которые понимали произведение в целом как своего рода транслятор идеологических посланий [3, 81]. В результате применения прагматического подхода выявлен *парадокс социального функционирования «левого» авангарда*: требование демократизации согласуется с конструированием автономной эстетической ценности авангардного искусства [16]. В «левом» интеллектуале этический разворот к действительности не противоречит радикальному эстетическому поиску. «Левое» искусство сделало беспрецедентную попытку приручить политику, не обедняя, а развивая художественный акт, придавая новую энергию эстетическому жесту и высказыванию.

-
1. Болтански Л., Кьятелло Эв. Новый дух капитализма // Логос. 2011. № 1. С. 76–102.
 2. Бурдые П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.
 3. Деготь Е. Русское искусство XX века. М., 2000.
 4. Добренко Е. А. Русская литературная критика: история и метадискурс // История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М., 2011. С. 5–36.
 5. Ильченко М. С. Советские архитекторы и институты власти в 1930–1950-х гг: стратегия взаимодействия // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2013. Вып. 2(22). С. 87–96.
 6. История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи.
 7. Круглова Т. А. «Левая идея» в искусстве: сопротивление или конформизм? // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2013. Вып. 2(22). С. 63–69.
 8. Круглова Т. А. Конформизм как поведенческая стратегия советского художника: генезис на фоне трансформаций литературного поля // Хронологія радянської культури: константи й трансформації. Studia Sovietica. Вип. 3 / отв. ред. В. Хархун. Киев; Нежин, 2014. С. 21–32.
 9. Круглова Т. А. Соблазны соцреализма, попытки «зависти», упоение причастностью: о советском художественном конформизме // Неприкосновенный запас. 2014. № 4(96).
 10. Круглова Т. А. Ценностный режим оправдания и дискурс позитивности в теории, художественной критике и искусстве социалистического реализма // Toronto Slavic Quarterly. 2015. № 53. С. 241–261.
 11. Круглова Т. А. «Искреннее приношение свободного художника на алтарь брачного союза с трудовым государством»: случай Сергея Прокофьева // Лабиринт. 2013. 1(6) [Электронный ресурс]. URL: <http://journal-labirint.com> (дата обращения: 25.04.2016).
 12. Круглова Т. А., Литовская М. А. Советский мир: конформизм и конформисты // Вестн. Перм. гос. ун-та. Сер. История. 2015. Вып. 3(30). С. 67–73.

13. Литовская М. А. «Фабульные крючочки и петельки»: поэтика компромисса в творчестве П. П. Бажова // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2014. № 2 (127). С. 8–17.
14. Литовская М. А. «Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен»: случай Валентина Катаева // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2013. Вып. 2 (22). С. 70–76.
15. Неменко Е. П. Интеллектуалы и общество в современной французской социологии: к истории концепта ангажированности // Там же. 2015. Вып. 3(30). С. 81–86.
16. Неменко Е. П. Левая идея как ценность и условие легитимности в искусстве авангарда // Политизация поля искусства: исторические версии, теоретические подходы, эстетическая специфика : моногр. / сост. и науч. ред. Т. А. Круглова. Екатеринбург, 2015. С. 67–76.
17. Сатино Ж. О применении категорий «правые» и «левые» в литературном поле // Респу-блика словесности. М., 2010. С. 295–333.
18. Сатино Ж. Французское поле литературы: структура, динамика и формы политизации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7, № 5. С. 126–143.

Рукопись поступила в редакцию 4 февраля 2016 г.

УДК 7.035.5 + 316.74:7 + 7.05

Е. Н. Устюгова

БИДЕРМАЙЕР КАК КУЛЬТУРНО-СТИЛЕВОЙ ФЕНОМЕН

Статья посвящена исследованию бидермайера как взаимосвязи стиля искусства, стиля культуры и стиля жизни с использованием комплексной методологии исследования: философско-теоретической, культурологической, историко-культурной, искусствоведческой. Источниками являются работы по методологии историко-культурологического анализа, философской теории стиля, исследованию культуры первой трети XIX в. Автор приходит к выводу, что бидермайер относится к культуре переходного типа, что его художественный язык отражает поиск своего культурного образа поколением буржуазного сообщества на основе присущего ему стиля жизни, ориентированного на жизненную практику.

К л ю ч е в ы е с л о в а: стиль, культура, искусство, идентичность, переходность, ментальность, коммуникация, жизненный мир, полистилистика, стилизация, адаптация, образ, исторический контекст.

Стилевая панорама европейского искусства отмечена последовательностью стилей, имеющих осмысленную идейно-эстетическую программу, в которой выражены четкие представления о художественных идеалах и принципах отмежевания от предшествующих стилей; таковы были соотношение барокко с ренессансом, романтизма с классицизмом, символизма с реализмом. На этом фоне особое место занимает стиль бидермайер, который возник в период «между» большими программными стилями как выражение переходности стиливых тенденций. В силу этого он впитал в себя влияние разных стилей, выразивших основные позиции этого переходного периода (а именно сентиментализма, рококо, ампира, романтизма и реализма), чем объясняются присущие ему черты эпигонства и полистилистики. В этом смысле он являлся провозвестником грядущей эклектики,

соединявшей признаки разных исторических стилей, воспринимавшихся как костюмы «исторической костюмерной», которые может примерить на себя современность, чтобы обозначить свое участие в общеисторическом культурном процессе и показать в то же время свое отличие.

Переходный характер этого периода культурного развития состоял в выработке нового понимания культуры на пути от объективистской риторической парадигмы к новому мировоззрению, в центре которого был новый субъект становящегося буржуазного сообщества, искавший язык выражения своего места в жизни и культурном пространстве, чем определялось, в частности, его отношение к культурному наследию прошлого. Суть этой культурной направленности состояла в наполнении современного практицизма и функционализма духовно-эстетической значимостью исторически авторитетных ценностей, в выявлении формы своего отличия без разрыва с предшествующей историей культуры. Но если бидермайер был ориентирован на адаптацию культурных течений прошлого к жизненному миру, то эклектика в первую очередь обрабатывала стилевой язык в контексте историко-культурных соотношений. В отличие от полистилистичного бидермайера эклектику, с ее ярко выраженным культурно-историческим интересом, стилевой осознанностью, можно считать поздней фазой периода стилевой переходности в культуре XIX в., за ней последовали эстетизм и модерн, уверенно завершающие стилевые поиски постриторической культуры XIX в.

Основным методом стилетворчества в эклектике была стилизация на темы различных архитектурных стилей, распространявшаяся как в архитектуре, так и в других областях предметного творчества в образах неоготики, неоренессанса, необарокко, неоклассицизма, стилизованных национальных форм. Стилизации создавали пространство, в котором укреплял свои позиции субъект утверждавшейся буржуазной культуры, представитель массового потребительского общества, особо нуждавшийся в культурно-авторитетных опорах. Вместе с тем отсутствие какой-либо содержательной связи стилизованной формы с оригинальным стилем, с одной стороны, и с функцией предмета, с другой стороны, привело к активизации игрового начала, выразившегося в чисто эстетической, декоративной разработке формы-прообраза. Оригинальность и совершенство стилизации оценивались по степени мастерства, игровой фантазии и эстетического вкуса стилизатора, в связи с чем возросла цена искусственности и искусности.

В отличие от эклектики ценности, лежавшие в основе бидермайера, были жизненно укорененными и позитивно настроенными. Внешняя декоративность и ориентация на производимое эстетическое впечатление еще не слишком занимали его. В нем чувствовалась переключка с чувствительностью сентиментализма, игривостью рококо и лаконичностью ампира, романтической мечтательностью, то есть подчеркивалась восприимчивость к ним, а не отличие. Поэтому стилевой поиск бидермайера характеризуется в большей степени полистилистичностью, временами эпигонством, а в меньшей степени формально-эстетической стилизацией. И бидермайер, и эклектика в известной мере представляют собой стилевой парадокс, поскольку, не имея осознанной творческой стилевой программы, а также

пользуясь языком смешения стилевых форм, оба этих явления обладают стилиевой определенностью, позволяющей видеть и их своеобразие, и отличие от таких программных и ведущих стилей и направлений культуры XIX в., как романтизм, реализм, символизм, эстетизм и модерн.

Местоположение бидермайера в культуре первой половины XIX в. прежде всего определяется в системе координат между романтизмом и реализмом, но именно между ними, а не в их круге. Поэтому встречающиеся в искусствоведческой литературе его характеристики как «реало-романтизма», «одомашненного романтизма» или протореализма представляются неточными.

Реализм, заявивший о себе в 50–60-е гг. XIX столетия, обращался к реальности гораздо более натуральной, даже физиологичной, материально весомой, но и социально определенной, объективной и сложной, что требовало усиления аналитического начала. Представленный в реализме образ реальности пугал своей подчеркнутой неэстетизированностью, обострявшей отношение между человеком и реальным миром. Искусством бидермайера, напротив, создавалось впечатление эстетически гармоничного соотношения человека и реальности. Мироощущению, лежавшему в основе бидермайера, было свойственно не трактовать действительность в категориях бытия, не нагружать ее метафизически смысловой или подражательно антикизированной образностью, а придавать ей черты обыденной бытовой жизни, с которой человек был связан простыми и практически понятными отношениями, материально и функционально проявленными.

Сравнивая образ вещи в реализме середины XIX в. и в бидермайере, А. В. Михайлов отмечал, что, хотя в реализме вещь предстает в своей конкретной материальной предметности, она принадлежит органичности целого, которая перерастает границы вещи, сливая все воедино, благодаря чему вещь существует в пространственно-бытийной вертикали [7, 52]. В отличие от реализма в бидермайере «...вещам, взятым как именно вещи, — не во что превращаться и некуда, потому что у каждой из них уже отнято направление "вверх", ко все большей духовности ее смысла...», поэтому вещи размещаются по горизонтальной оси координат пространства, не синтезировано, а рядоположенно и обособленно [7]. В связи с этим возрастает предметность вещей, которые «расположены, расставлены — прочно... они — каждая сама по себе» [Там же, 55–56]. Отсюда такая детальная подробность, отдельность и функциональная конкретность (вещность) изображаемых вещей, каждая из которых имеет свое устойчивое место. Части и детали материально-предметного мира бидермайера связаны между собой посредством человеческой меры, целесообразно упорядочивающей окружающую среду повседневной жизни человека. Практицизм был характерен и для интерьеров бидермайера, и для мебели, для костюма и прикладного искусства, лишенных рафинированности стилизованной программности ампира и вообще каких-либо символических коннотаций, — они просты, удобны и обаятельны с их функциональными формами и простодушно-поэтичной декоративностью.

Вместе с тем мир бидермайера окрашен собственной поэтичностью с интонацией сентиментальности, навеянной романтизированными настроениями, при

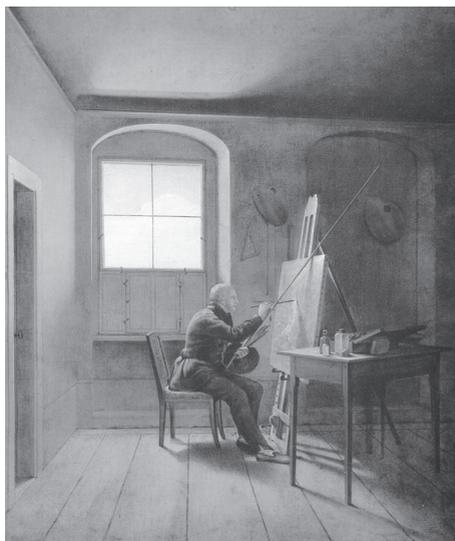
помощи которых бидермайер пытался адаптировать к реальной жизни высокие идеалы Романтизма. Он воплощал склонность к романтической поэтизации жизни, искренности чувств, мечтательности, жизненной конкретности, придавая им иное звучание. Влечение к поэтизации мира было присуще и ему, но только если романтики полагали, что поэзия мира может открыться благодаря творческим усилиям духа, прежде всего в искусстве, то для бидермайера поэтичностью обладала сама эмпирическая реальность как естественная среда жизни человека, что соответствовало, впрочем, мировоззренческим установкам XIX в. (от позитивизма до философии жизни), предпочитавшим конкретность явления абстрактным понятиям.

Романтизм, в особенности немецкий, с его философичностью и мировоззренческой объемностью, был наиболее идейно выраженным духовно элитарным явлением. Он обозначал апогей духовных исканий времени и в этом качестве выступал как противоположность бидермайера, который именно в Германии и Австрии достиг статуса самостоятельного стиля. Несмотря на их параллельное сосуществование во времени и некоторые черты сходства, нельзя не видеть принципиальных различий в их духовно-эстетических ориентациях. Романтики утверждали приоритет личности, свободы творчества субъекта, мировоззренческого универсализма, несовпадения одухотворенного универсума с эмпирической обыденной реальностью. В бидермайере, напротив, эстетизировались повседневная действительность и погруженный в ее течение обыкновенный человек, по сути обыватель. Художественный опыт романтизма опирался на философско-эстетическую идеалистическую идеологию, он был проникнут энтузиастической верой в истинность духовных идеалов. А бидермайер, не имея собственной идеологической платформы, исходил из позитивистского мышления, обращенного к эмпирическому, а не метафизическому миру.

Образ непредставимого, рожденный романтическим сознанием, являлся особой репрезентацией сложного внутреннего мира творческого субъекта как медиума между жизненной реальностью, человеком и универсумом — главного героя искусства Романтизма. Высшим духовным наслаждением для личности романтика было состояние волнения от чувства взаимопроникновения с миром, радости ощущения в себе духа жизни. Героем же искусства бидермайера был обыкновенный заурядный человек, жизнь которого протекает в реальной действительности, приспособлена к повседневному быту, предметной среде. Образ человека искусства, в котором романтики видели одержимого духом художественного Творца, приобретал в бидермайере черты человека, занятого своими профессиональными занятиями. Когда художник бидермайера обращается к образу человека, для него важно показать не личность с ее сложным внутренним миром, а изобразить его за обычными занятиями, даже если героем картины оказывается человек искусства. Так, на картине Г. Кёрстинга мы видим великого немецкого пейзажиста-романтика Каспара Давида Фридриха в интерьере его мастерской, отгороженной от природы глухими стенами (ил. 1). Любопытно сопоставить два изображения скрипача-виртуоза Паганини. На картине Эжена Делакруа музыкант словно застигнут в момент экстатической самозабвенной игры. Во всей его

фигуре чувствуется излом, нервные импульсы сливаются воедино музыку и тело музыканта. Несомненно, что главным в этой картине было передать взаимодействие человека и музыки в момент творчества. Иной Паганини предстает на портрете Георга Кёрстинга, на котором мы видим музыканта в спокойной позе меланхолично водящего смычком по струнам, это скрипач, занимающийся своим обычным делом — игрой на скрипке (ил. 2, 3).

Вот как описывает свой идеал существования человека в поэтизированной реальности герой рассказа «Полевые цветы» (1840) австрийского писателя Альберта Штифтера: «Два старинных желания оживают в моем сердце. Мне хотелось бы жить в квартире из двух больших комнат, с хорошо навоощенными полами, на которых бы не лежало ни пылинки; стены нежно-зеленые или перламутровые, у стен новая мебель, благородная массивная, простая в духе античности, с острыми углами, сверкающая; на окнах занавеси из серого шелка, словно матовое стекло, натянутые так, чтобы образовались тонкие мелкие складки, их надо было бы задерживать с краев к середине. В одной комнате были бы

Ил. 1. Георг Кёрстинг. К. Д.Фридрих в своей мастерской

Ил. 2. Эжен Делакруа. Портрет Паганини

Ил. 3. Георг Кёрстинг. Портрет Паганини

широкие окна, чтобы целыми потоками вливался в нее свет, и с занавесями, как они описаны выше, для вечернего уюта. Полукругом возле меня располагались бы целые заросли цветов, а в центре сидел бы я сам перед мольбертом и пытался бы запечатлеть на полотне краски, что вечно живут в моей душе и призрачным светом своим достигают меня в сновидениях... На стенах висели бы — Рейсдаль, тот или другой, или Клод, кроткий Гвидо, или же детские личики кисти Мурильо. На такой Пафос или же в Эльдorado я всякий раз вступал бы с душой наивиннейшей, светлой, — тут я рисовал бы либо задавал себе праздника Поэзии. А если бы между тропическими растениями с их темной листвой стояли бы две или три белоснежные, покойные мраморные статуи древних времен, то тогда был бы достигнут самый предел удовольствия!» [6, 551–552].

В этом отрывке образ поэтичности мира представлен в камерных интонациях уже данной, предельно конкретной визуальности. Поэтичность для романтиков состояла в том, чтобы мыслить о неопределенном, переживать неосуществляемое, то есть погружаться в глубины сознания, обнаруживая там все новые оттенки чувствований и темы для вдохновения — в этой сладкой муке жизни духа романтики видели смысл существования. Они не считали стремление к счастью достойной целью человека. Критикуя романтическое мировоззрение, Гегель называл «романтическую душу» «несчастной прекрасной душой» [2, 359]. Для языка образов бидермайера, напротив, характерны воплощенность и договоренность, это реальность ставшего, пребывающего, самодостаточного мира. Романтики считали творческий процесс откровением, таинством преобразования материального в идеальное, а художник бидермайера стремился к покою и удовольствию от соответствия видимого мира собственному душевному настрою. Творческим продуктом такого соответствия была не идеализированная картина бытия, а идиллическая картина полной гармонии внутреннего и внешнего.

В изобразительном искусстве главный интерес художника-романтика перемещался с события на переживания героя, на выражение его внутренней энергии. Так, Делакруа говорил, что ему интересно отобразить не саблю, но ее блеск в момент удара, не коней, но их схватку, не музыканта, но его музыку. В его картинах преодолевается все, что статично, завершено, ради передачи напряженного динамизма, — в них чувствуется мощь цветовых контрастов и красочных взаимопереходов, контуры рисунка размываются, линия становится темпераментной. Художники бидермайера предпочитали изображать жанровые картины человека в занятиях и повседневных ситуациях. В их живописи человек предстает не перед лицом таинственно-тревожного мира Природы, а в простом, знакомом и понятном интерьере, создающем ощущение покоя, уюта и защищенности. В этом смысле можно сравнить две картины со сходной композицией К. Д. Фридриха и М. фон Швиндта (ил. 4 и 5). В картине Фридриха «Женщина у окна» главное то, что за окном, — возвышенная, метафизическая бескрайняя чистота небесного пространства, а в картине Швиндта — обстановка спальни с подробной передачей находящихся в ней предметов. Девушка просто выглядывает в окно, но полностью принадлежит своему домашнему миру. Здесь главным героем картины является именно интерьер комнаты, а не распахнувшийся перед девушкой простор мироздания.

Ил. 4. Каспар Давид Фридрих.
Женщина у окна

Ил. 5. Мориц фон Швиндт. Утро

Во всех произведениях романтиков заключена большая концептуальная идея. Так, одной из значимых тем для них был образ детства как начала жизни и мерила ее совершенства, ребенка, воплощающего гармонию природного, духовного и душевного. Особенно выразительно образ детства запечатлен на картинах Ф. О. Рунге. В его программном произведении «Большое утро» младенец изображен в ореоле божественного свечения, как образ христианского просветления, надежды на пришествие царства истины и совершенства. На портретах дети изображены (ил. 6) как мудрые маленькие великаны, серьезно вззирающие на человечество с высоты всепонимания. На картинах художников бидермайера дети предстают в образе вызывающих умиление прелестных, наивно чистых созданий, написанных в традициях сентиментализма без какой-либо концептуально-содержательной нагрузки (ил. 7).

Ил. 6. Отто Филипп Рунге.
Дети семьи Хюльзенбек

Ил. 7. Фердинанд Георг Вальдмюлер. Дети

Свое понимание объективного и непреодолимого разрыва между идеалом и реальностью, абсолютом и любой окончательностью романтики вкладывают в понятие иронии. Ирония в романтическом сознании имеет два смысловых оттенка: в раннем романтизме она носит общемировоззренческий характер — «вся полнота мировой жизни в иронии и через иронию держит свой суд над ущербными явлениями, от нее оторвавшимися и притязающими на самостоятельность» [1, 84]. В поздний период развития ирония действует в поле самосознания личности, выполняя роль ее психологической и интеллектуальной самозащиты перед лицом трагического понимания невыполнимости универсалистских задач.

Ироническая интонация присуща и некоторым произведениям художников бидермайера. Даже в самом происхождении названия стиля бидермайер была изначально заложена ироническая интонация: известно, что под именем Готлиба Бидермайера, придуманного немецким поэтом Л. Айхродтом, выходила серия стихотворений, пародирующих любительское творчество некоего сельского учителя, воспевающего идиллическую гармонию мира обывательских радостей мещанина-графомана. В целом ряде произведений бидермайера человек, занимающийся духовной деятельностью, искусством, предстает не в образе трагического героя, а скорее милого, «не от мира сего» чудака (ил. 8), что говорит о восприятии образа поэта окружающими, в глазах которых пафос романтического художника уже выглядит нелепо. Так бидермайер одновременно хочет внести в свой образ мира романтическую возвышенность и поэтичность и вместе с тем понимает, что жить в реальной действительности по меркам высоких идеалов романтизма невозможно.

Ил. 8. Карл Шпицвег. Бедный поэт

В 30–40-е гг. XIX в. романтическое движение в Германии переживает кризис, который выразился в том, что патетика идейной целеустремленности стала сменяться настроениями пессимизма, трагичности, отчуждения от реальности.

Добровольно возложенное на себя романтиками бремя стремления постоянно соответствовать идеалу и ежесекундно творить его, оказалось объективно непосильным, что не могло не привести к разочарованиям, трагическому ощущению невоплотимости идеала и невозможности самореализации. Планка духовной напряженности была столь высока, что контраст с реальной жизнью обыкновенного человека, не способного существовать в состоянии трагического одиночества и разочарования жизнью, был очевиден. В каком-то смысле компенсацией этого культурного разрыва стало образование некоей переходной сферы существования человека, надеющегося на вступление с действительностью в реальные, а не воображаемые гармоничные отношения.

Время бидермайера было временем постепенного затухания ореола творческого духовного прорыва ярких индивидуальностей, выдающихся личностей, рождавших идеи и гениальные произведения. Взлеты по вертикали культуры теперь сменились распространением ауры достижений гениев в горизонтальную плоскость. Этот уровень функционирования культуры определяется не творцами, а публикой, пытающейся адаптировать высокие смыслы к своему пониманию, низвести гения до уровня вкуса. Вкусы публики, с одной стороны, были обращены к великой культурной эпохе XVIII — начала XIX в. (не только классицизма и романтизма, но и сентиментализма и рококо), а с другой стороны, соответствовали духовному кругозору современной социальной среды, основу которой составляло мелкобуржуазное городское общество, средний класс того времени. Этот перелом от аристократической к демократической культуре изменил вектор интереса к искусству — с идейно-эстетического к потребительскому.

Хотя духовно-ценностный авторитет искусства был велик, его следовало приспособить к жизненным обстоятельствам естественного течения жизни человека, популяризировать, упростить. Запросы публики во многом определяли не только общий характер художественной культуры, но и язык и стиливые особенности искусства. Так, наиболее востребованным оказалось искусство малых камерных форм: жанровая живопись, лирические стихотворения и новеллы, песни, романсы и камерные инструментальные произведения. Такое искусство могло войти непосредственно в дом человека, украсить его, эстетизировать обыденную жизнь. Вкусы публики не определялись какими-то стиливыми пристрастиями, они были достаточно широки в том смысле, что принимали различные стиливые мотивы и были готовы к смешению ампира и сентиментализма, рококо и романтизма. Но все же предпочтение отдавалось изяществу форм и мастерству исполнения. Запросы публики соответствующим образом стимулировали и деятельность художников, ориентировавшихся на уже известные образцы жанров и стилей, побуждая к эпигонству и стилизациям. Поэтому художественные создания бидермайера и не отличались яркими новаторскими формами и смыслами. Его эстетика была скорее эстетикой изящного вкуса, но не творческих прорывов, она была полистилистична, поскольку, не имея конструктивного центра формообразования, складывалась из множества разнородных форм, которые можно было сопоставлять, оценивать в контексте салонных разговоров, демонстрируя свою осведомленность, но не побуждая к глубоким переживаниям и размышлениям.

«...Вся эта эпоха стремилась к усреднению и робости... почти все смелое в ней, своеобразно преломляясь, одомашнивалось... официальная культурная политика тоже направлена была на укрощение страстей и на проповедь “покоя как первой гражданской добродетели”... массовый вкус мещанской публики требовал умеренности и если даже пикантности, то тоже в умеренных и благопристойных дозах...» [5, 338].

В истории культуры существовали разные варианты стилеобразования. В возникновении стиля бидермайер главную роль сыграли не идейные концепции, а то, что представителями школы «Анналов» Ж. Ле Гоффом, Ж. Дюби, Р. Шартье и другими предлагалось считать ментальными представлениями. Представления — это матрицы, конституирующие и мысли, и поступки людей, рождающиеся из потребности участников данного сообщества сделать «мир для себя» более доступным восприятию. По мнению Ж. Ле Гоффа, ментальная история — это история неявного, имплицитного, это собственно человеческое измерение истории, ее антропологический ритм и границы» [3, 30].

Такой подход ориентирован на глубинные формы интегрированности человека, в которых переживания, ощущения, мысли и поступки не могут рассматриваться независимо друг от друга и идейный мир оказывается неразрывно связанным с повседневностью. Исследователи подчеркивают, что анализ исторической ментальности освещает прежде всего массовое сознание и поведение, в основе которых лежат так называемые ментальные стереотипы. Сторонники «ново-исторической науки» активно использовали понятие ментальности, которое являлось для них основанием исторической типологизации культуры, одной из основополагающих категорий которой стало понятие «стиль жизни».

Понятие «стиль жизни» вошло в гуманитарное познание как целостная характеристика особенностей человека в единстве его ментальных, рациональных, духовных и душевных качеств, глубинных пластов его психики, сознания и поведения. Отсюда пошла традиция именовать целостность человеческих типов, проявляющуюся в действии, стилем жизни. При этом «жизнь» — комплексная актуализация духовно-душевной и телесной целостности человека, а стиль — ее выразительная структурная модель, константная в разных проявлениях.

В философской антропологии второй половины XX в. становится доминирующим толкование стиля как спонтанного выражения человеческой природы, ментальной структуры субъекта, характеризующегося бессознательностью и неустойчивостью связей. В стилевом выражении смысложизненная интенция человека рационально не отрефлектирована, не имеет очевидной (нравственной, религиозной, идеологической) мотивации — человек предстает в стиле как деятельный субъект «жизненного мира». Такая трактовка стиля привела к тому, что именно стиль жизни стали считать определяющим все стилевые формы, то есть стиль искусства, стиль мышления, стиль культуры. Согласно такому пониманию стиль жизни выполняет функцию интеграции теории и практики, как форма жизни, охватывающая всего человека, приводящая опыт к целостности переживающего мир субъекта. Формы переживания реальности, первичные для стиля жизни, преобразуются в смысложизненные ценности, на основе которых

строится модель реальности и складываются формы мышления, а затем формируются различные аспекты активности человека, в том числе стиля поведения, стиля искусства и т. п.

На тех этапах жизни культуры, которые называют переходными, в силу того, что еще не оформились осознанные доминанты и векторы дальнейшего пути культуры, что в ней на равных присутствуют тенденции, идущие от прошлого, и ростки новых смыслов, жизнь в культуре переживается как плюральная, децентрированная целостность, не имеющая доминантных векторов. В таких случаях стиль жизни оказывается одним из немногих сохранившихся видов устойчивости в процессе поиска национальной, исторической, социальной, индивидуальной идентичности, ядром процесса самоопределения субъекта, из жизни которого прорастают его культурные формы.

В значительной мере неосознанная стилевая самоорганизация осуществляется благодаря интенсивности коммуникативных связей в языковом поле социокультурного сообщества. Стиль жизни, выступающий как выражение жизненной ориентации субъекта, осуществляемое через маневрирование внутри символической культурной практики общества, трактуется как способ и форма самоорганизации процесса жизни, как соразмерность и соотношенность форм жизни в контексте культурных смыслов. Таким образом, стиль жизни, не являясь свойством субъекта, показывает «кто» есть «кто» для «кого» и в какой ситуации. Стилиевые характеристики, варьирующиеся в диапазоне коммуникативных ожиданий сообщества, фиксируют взаимодействие жизненного и культурного мира, способствуя структурированию коммуникативного сообщества.

В современной культурантропологии, акцентирующей антропологическую составляющую историко-культурного процесса, даже понятие «стиль культуры» становится производным от понятия «стиль жизни». Такая точка зрения обосновывается тем, что, поскольку состояние современной культуры предопределено характером ее субъекта, утрачивающего качества цельности и твердой структурированности во всех своих проявлениях, органической средой жизнедеятельности такого субъекта оказывается не поле культурных свершений, а повседневная жизнь и коммуникация, поэтому не культура задает стиль жизни, а стиль жизни задает стиль культуры. В соответствии с таким пониманием сами культуры трактуются как стили жизни, способы жизненного поведения человеческих общностей.

Таким образом, понятие «стиль жизни» оказывается важным в постмодернистской трактовке культуры, согласно которой задача культурологии состоит в конструировании действительности опыта, различного у разных субъектов. В этом случае высшей ценностью становится сама повседневная жизнь как живая практика человеческого опыта, а стили культурной деятельности оказываются формой выражения стилей жизни и выводятся за пределы ее собственных культурных детерминант в область практической жизнедеятельности.

В искусствознании и эстетике второй половины XX в. понимание стиля также смещается в сферу спонтанной жизнедеятельности. Но если не считать стиль продуктом и ценностью художественного творчества, если отказаться от анализа

стиля художественного произведения и стиля автора, заменяя их понятием «стиль жизни», то получается, что художественный стиль возникает за границей сферы искусства и оказывается выражением «эстетики жизненной позиции». Такой подход, разумеется, не является универсальным для анализа стиля культуры и искусства, но тем не менее он может оказаться плодотворным для исследования таких переходных типов культуры, которые характеризуются вариативностью и неструктурированностью культурных ценностей, состоянием неустойчивых и неуравновешенных соотношений жизненных, культурных и социальных ориентаций. Стиль жизни оказывается одним из немногих параметров, фиксирующих тип организации и интегрированности подобных систем [8].

Стиль бидермайер относится именно к такому типу стилеобразования. О нем можно говорить как о стиле, несмотря на его полистилистичность и эпигонские тенденции, потому что в его основе заложен определенный стиль жизни. Если для классицизма стиль являлся выражением осознанной идейной программы, опирающейся на устойчивые ценностно-смысловые максимы риторической культуры, а для романтизма стиль индивидуальности воплощал точку схождения духа Универсума с творческим потенциалом личности, то стиль бидермайер определялся смутными интенциями зарождавшейся демократической культуры и сообщества людей, ищущего, но пока не нашедшего свои смысловые ориентиры и отчетливый язык культурных форм.

Социальная идентификация вступающей в реальную силу буржуазии, социальные координаты и жизненно-практические ценности которой уже вполне определились, осуществлялась на базе и через посредство практического жизненного опыта. Не удивительно, что именно он свидетельствовал о наличии определенного жизненного порядка, который надлежало сохранять и укреплять. А вот культурный образ идентичности еще не был найден, собственно, путь к этому культурному образу и определял смысловой проект бидермайера.

Пока позиция избирательности, ясного осмысления границ и их обработки, что является основанием большого культурного стиля, еще не созрела, единственным устойчивым базисом самоидентификации субъекта культуры оказывался сам жизненный процесс. В этой непосредственной процессуальности как бы самопроизвольно, подобно естественному отбору, перерабатывался прежний материал уже состоявшейся культуры. Принималось все, что могло войти в жизненный контекст, и отсекалось то, что казалось с ним несовместимым, чрезмерным, отсюда плюрализм и усредненность, ставшие принципом избирательности и организующим началом стиля бидермайер. Этот стиль не обладал ни свободой и уверенностью самодетерминированности, ни ответственностью избирательной позиции, но его несамостоятельность компенсировалась коллективным коммуникативным самонастраиванием сообщества, интуитивно пытавшегося все же почувствовать свою цельность и самость.

Социальная общность укрепляется коллективными интересами и коммуникативными связями, особенно на том этапе, когда ее цели и средства не обрели идеологического осмысления. Здесь важны не индивидуальные творческие проекты и свершения, придающие динамику и задающие импульсы развития процесса,

а эффективные формы стабилизации становящейся качественной определенности. Поэтому в это время утверждается авторитет ценностей демократической культуры, которая хотя и интуитивно, но уже вполне определенно противопоставляет себя элитарной культуре духовного аристократизма. В истории культуры Новейшего времени возникали разные варианты сближения и расхождения элитарной и массовой культуры. В первой трети XIX в. на примере соотношения романтизма и бидермайера мы видим несмелую попытку их сближения; затем с возникновением концепции «искусства для искусства», перелившейся позднее в эстетизм, их расхождение стало очевидным; в «модерне» элитарное и массовое пришли к согласию, чтобы снова разойтись во времена модернизма и сблизиться в постмодернизме. По-видимому, когда «эстетическое» утрачивает метафизическую составляющую своего содержания и в нем начинает доминировать чувственное, материально-предметное, декоративное, оно становится более доступным для распространения по горизонтальной оси координат жизни и культуры, тогда начинается активная эстетизация пространства жизненной реальности. Субъект здесь является прежде всего человеком в среде, а не личностью в культуре. Его связь со средой обеспечивается «дизайном» повседневности, а не духовно-ценностными отношениями — так поле массовой культуры становится определяющей сферой его существования.

Идеал совершенства и дидактизм культуры Просвещения, романтический культ творчества и ожидание гениальности творческой личности — все это было несовместимо с практицизмом и позитивизмом коллективного человеческого сообщества времен бидермайера. Высокие ценностные устремления принимались им только в той степени, в какой они могли совмещаться с жизненными реалиями и содействовать сплочению коллективного образа жизни. Адаптация пафоса Просвещения и Романтизма к жизненному горизонту повседневности не могла не обернуться профанацией высших смыслов и образов: поэзия мира превращалась в поэтичность, тоска по идеалу — в мечтательность, этическая патетика — в добропорядочность, красота — в красоту, но зато эти трактовки становились достоянием массового культурного сознания и в известной степени определяли его вкусы, на основе которых формировалась мода. Модными становились не только фасоны, оформление интерьеров, альбомы барышень, но и модели поведения, мимикрирующие под романтические образы.

Культурно-коммуникативная вкусовая среда характеризовалась многословностью и поверхностностью, присущей салонным разговорам о красоте, об искусстве, о нравственности, не выходящим за рамки общепринятого, но и не претендующим на строгую нормативность суждений. Вместе с тем, при всей кажущейся зыбкости культурных и художественных позиций бидермайера, его утверждающей основой являлась сама жизненная практика, которая существовала, функционировала, была разнообразной, объединяла частных индивидуумов в сообщество, составляющее уже реальную силу нарождающейся социокультурной действительности. Ее субъект постепенно обретал лицо в процессе культивирования своих вкусовых и поведенческих привычек и начинал ощущать свою идентичность не только в социальном, но и в культурном

мире. Так обнаруживается взаимодействие социальных и культурных связей, поскольку выработка форм социальной идентичности сообщества и личностной причастности к ней осуществляется через каналы культуры: традиции, обычаи, ментальности, мотивацию поведения и вкусовых пристрастий, семантику символических форм, в том числе стилевых ориентаций [4]. М. Фуко называл стиль жизни самопроизводством, самотехнологией субъекта, полагая, что стиль жизни обладает творческим потенциалом, производя конструирование целостного (ценностно-поведенческого) образа человека, творящего свой стиль как свой жизненный проект. В этом смысле поколение буржуазного общества 30–40-х гг. XIX в. в процессе поиска образа своей культурной идентичности сумело нащупать и выстроить свой стиль жизни, обладавший своеобразными чертами стиля культуры и стиля искусства, благодаря чему бидермайер занял свое особое место в культуре первой половины XIX столетия.

-
1. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л., 1973.
 2. Гегель Г. Феноменология духа. СПб., 1999.
 3. Ле Гофф Ж. С небес на землю // Одиссей. Культурно-антропологическая история сегодня. М., 1991.
 4. Закс Л. А. Социально-организующая культура и ее роль в историко-культурных исследованиях // Альманах кафедры эстетики и философии культуры СПбГУ. № 3 : Юбилейн. вып. / Санкт-Петербург. филос. общество. СПб., 2012.
 5. Михайлов А. В. Гоголь в своей литературной эпохе // Михайлов А. В. Обратный перевод. М., 2000.
 6. Михайлов А. В. Идеал античности и изменчивость культуры // Михайлов А. В. Языки культуры. М., 1997.
 7. Михайлов А. В. Судьба вещей и натюрморт // Михайлов А. В. Обратный перевод.
 8. Устюгова Е. Н. Стиль и культура. Опыт построения общей теории стиля. СПб., 2006.

Рукопись поступила в редакцию 18 января 2016 г.

УДК 111.1 + 159.937.3 + 17.026.4

О. М. Мухутдинов

О МНИМОМ ПРАВЕ ЛГАТЬ И ПРАВЕ СКРЫВАТЬ ПРАВДУ

В статье обсуждается знаменитый вопрос о мнимом праве лгать из человеколюбия. Анализируются этические и юридические аргументы, посредством которых Кант стремится обосновать тезис о недопустимости лжи. Феномен лжи рассматривается с точки зрения онтологии практического существования человека в мире. Возможность постановки вопроса о праве лгать из человеколюбия связывается с обстоятельствами ситуации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Кант, этика, право лгать, мир, горизонт, онтология практического существования.

В сентябре 1797 г. в журнале «Берлинский вестник» семидесятитрехлетний Кант, уже завершивший к тому времени построение системы критики разума и универсальной теории морали, публикует небольшую заметку под названием «О мнимом праве лгать из человеколюбия». В академическом издании собрания сочинений Канта эта заметка занимает шесть страниц. Основной тезис кантовского рассуждения заключается в том, что существует «священная, безусловно повелевающая и никакими внешними требованиями не ограничиваемая заповедь разума: во всех показаниях быть правдивым (честным)» [6, 294]. Утверждение Канта провоцирует возникновение нового скандала в философии, поскольку в данной конкретной заметке оно применяется к ситуации, в которой нам приходится принимать решение о том, следует ли сообщать злоумышленнику правду о местонахождении преследуемого им нашего друга. Эта ситуация связана с возникновением внешних обязательств в отношении других людей. Поэтому она должна регулироваться не этическим, а юридическим законодательством. Последнее же требует безусловной правдивости в показаниях. Следовательно, единственно возможное решение проблемы, с точки зрения Канта, заключается в том, чтобы сообщить злоумышленнику требуемые им сведения.

С этого момента занимающиеся кантоведением исследователи разделяются на две группы. Сторонники Канта не сомневаются в обоснованности его аргументов. Противники Канта не признают эти аргументы убедительными. Исходя из

представления о невозможности тотального заблуждения, можно резонно предположить, что ни одна из участвующих в полемике сторон не является совершенно неправой. Но все же предрассудки, свойственные всякой односторонне занятой позиции, вряд ли способны содействовать разрешению столь принципиального для Канта вопроса. Цель настоящей статьи состоит поэтому не в обсуждении существующих точек зрения, но в поиске иных возможностей исследования кантовской проблемы. Для того чтобы показать, что такие возможности действительно существуют, необходимо прежде всего рассмотреть внутренние мотивы, определяющие отношение Канта к вопросу о праве лгать из человеколюбия. Далее, следует обсудить ключевые моменты, возникающие в связи с применением принципа правдивости к указанному случаю. Результатом этого исследования должно стать взвешенное представление о возможных путях разрешения знаменитой проблемы Канта–Констана.

Для того чтобы получить ясное и отчетливое представление об отношении Канта к феномену лжи, достаточно обратиться к примерам, которые сам Кант приводит в своих этических сочинениях. Кант утверждает, в частности, что никто не имеет права давать ложные обещания, поскольку высший принцип нравственности требует в таких случаях быть честным. Кант пишет: «Чтобы прийти кратчайшим и вместе с тем верным путем к ответу на вопрос, сообразно ли с долгом ложное обещание, я спрашиваю самого себя: был бы я доволен, если бы моя максима (выйти из затруднительного положения посредством ложного обещания) имела силу всеобщего закона (и для меня, и для других)? И мог бы я сказать самому себе: пусть каждый дает ложное обещание, если он находится в затруднительном положении, выйти из которого он не может другим способом? Поставив так вопрос, я скоро пришел бы к убеждению, что хотя я и могу желать лжи, но вовсе не хочу общего для всех закона — лгать; ведь при наличии такого закона не было бы, собственно говоря, никакого обещания, потому что было бы напрасно объявлять мою волю в отношении будущих поступков другим людям, которые этому объявлению не верят или, если бы они недобродушно сделали это, отплатили бы мне той же монетой» [7, 239]. В «Критике практического разума» Кант еще раз возвращается к данной теме: «Если кому-нибудь говорят, что он никогда не должен давать ложных обещаний, то это есть правило, касающееся только его воли, все равно, будут ли им достигнуты те цели, которые он может иметь, или нет; чистое воление есть то, что должно быть определено посредством указанного правила совершенно a priori. Если же окажется, что это правило практически верно, то оно закон, так как оно — категорический императив» [2, 333].

Этот принцип распространяется не только на обещания, но и на все высказывания, цель которых заключается в том, чтобы преднамеренно ввести в заблуждение другого человека. Субъективное основание определения воли, действующее в содержащих ложь суждениях, ни при каких обстоятельствах не может стать принципом всеобщего законодательства. Практический же закон выражает идею абсолютной необходимости. Из этого следует, что «заповедь *не лги* действительно не только для людей, как будто другие разумные существа не должны обращать

на нее внимания» [7, 223]. Таким образом, с морально-этической точки зрения ложь является недопустимой, и это правило не предполагает никаких исключений.

В системе метафизики нравственности ложь рассматривается как порок, который противопоставляется долгу человека перед самим собой. Сущность человека выражается в идее моральной личности. Под моральной личностью понимается способность определять волю к поступку посредством одного только разума. Практический разум есть автономно действующая воля. Высшая максима применения человеческого разума заключается в отношении всех конечных субъективных целей к предельной цели человеческого существования. Представление о такой предельной цели Кант дает в одной из формулировок категорического императива, которая гласит: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [7, 270]. Принцип долга требует в таком случае, чтобы в ситуации морального выбора между правдой и ложью предельной целью нашей максимы была универсальная идея человечества. Максима, лежащая в основании заведомо ложных утверждений, приводит к тому, что человечество в лице конкретного человека рассматривается как средство, но не как цель. Поэтому «ложь есть унижение и вместе с тем уничтожение человеческого достоинства в себе» [5, 367].

Это морально-этическое обоснование принципа правдивости тем не менее не является решающим доводом в полемике Канта против «французского философа» Константа. В своем рассуждении Кант становится на формально-правовую точку зрения, в соответствии с которой «правдивость в показаниях, которых никак нельзя избежать, есть формальный долг человека по отношению ко всякому, как бы ни был велик вред, который произойдет отсюда для него или для кого другого» [6, 293]. Другими словами, во всех случаях, когда нам приходится делать выбор между правдой и ложью, мы должны руководствоваться правовой обязанностью «говорить правду, только правду и ничего, кроме правды». Определяющим аргументом для Канта становится утверждение о разрушительном действии лжи на права, основанные на договорах. В силу этого ложь как «умышленно неверное показание против другого человека» наносит ущерб «если не отдельному человеку, то человечеству вообще, ибо она делает негодным к употреблению самый источник права» [Там же].

Кант, таким образом, совершенно игнорирует различие между ложью как преднамеренным введением в заблуждение и так называемой «ложью во спасение», т. е. такой ложью, цель которой заключается в том, чтобы воспрепятствовать совершению преступления. Тем самым Кант исключает применение этико-правового аргумента, настаивающего на позволительности такой необходимой лжи [10, 131–133]. По этой причине попытки разрешить вопрос о правомерности лжи из человеколюбия указанием на то, что в ранних лекциях Кант допускает использование необходимой лжи в целях самозащиты, нельзя считать убедительными. Ибо здесь речь идет не о том, чтобы противопоставить Канту его собственные высказывания и таким образом постараться сгладить возникающее противоречие между очевидностью здравого смысла и строгостью юридического аргумента,

а о том, чтобы понять причину, по которой Кант занимает позицию абсолютной нетерпимости в отношении к мнимому праву лгать из человеколюбия.

Указанное противоречие действительно присутствует в кантовском рассуждении: «Добродушная ложь вследствие какой-нибудь случайности может подлежать наказанию и по гражданским законам; а то, что только в силу случайности избегает наказания, может быть рассматриваемо и публичными законами как правонарушение. Например, если ты своей ложью помешал замышляющему убийство исполнить его намерение, то ты несешь юридическую ответственность за все могущие произойти последствия. Но если ты остался в пределах строгой истины, публичное правосудие ни к чему не может придраться, каковы бы ни были непредвиденные последствия твоего поступка» [6, 293–294].

Кант утверждает, что человек, придерживающийся принципа правдивости, не несет юридической ответственности за свои действия в силу того, что все последствия его поступка носят случайный эмпирический характер. Именно этот аргумент представляется в высшей степени проблематичным. Тот, кто говорит правду, может, конечно, надеяться на то, что его друг воспользуется благоприятными обстоятельствами и избежит встречи со злоумышленником. Он может надеяться, что подоспеет помощь и угроза жизни друга будет ликвидирована. Он может также надеяться на внезапное раскаяние, которое снизойдет на злоумышленника в самый последний момент. Однако совесть такого человека вряд ли останется чистой, если сообщенные им правдивые сведения будут использованы злоумышленником для совершения преступления. Такому «честному» человеку следовало бы с самого начала честно заявить о том, что в его доме никто не может рассчитывать найти укрытие от грозящей опасности. В противном случае, т. е. в случае молчаливого согласия на предоставление такого укрытия и последующего раскрытия информации о месте, в котором прячется предполагаемая жертва преступления, публичное законодательство, исходящее из представления о последствиях совершенного поступка, может расценить эти действия как содействие злоумышленнику.

По всей видимости, для того, чтобы преодолеть противоречие, возникающее между моралью здравого смысла и выдвигаемым системой права безусловным требованием правдивости в утверждениях, следует рассмотреть проблему с иной точки зрения. Мораль и право суть исторически обусловленные способы существования идеи свободы в действительности. Идея свободы, таким образом, неразрывно связана с феноменом существования человека в мире. В рукописном наследии Канта присутствует следующая запись: «Человек (существо в мире) есть вместе с тем существо, обладающее свободой — свойством, которое целиком находится вне каузальных принципов мира и тем не менее присуще человеку» [1, 552]. В трансцендентальной философии Канта феномен мира понимается в качестве универсальной формы, охватывающей взаимосвязь всего сущего. В феноменологической философии эта идея выражается в понятии горизонта¹.

¹ Представление о мире как о горизонте существования используется в неявном виде уже в ранних лекциях М. Хайдеггера. В «Кризисе европейских наук и трансцендентальной феноменологии» Э. Гуссерль вводит понятие «горизонта мира» (Welthorizont) [9, 141] как горизонта совокупного предметного опыта. Это понятие играет важную роль в дальнейших феноменологических исследованиях.

Феноменологический анализ позволяет тематизировать существование человека в универсальном горизонте всемирности мира. В применении к области практической философии эта тематизация позволяет осуществить переход от формальной этики долга к содержательной интерпретации феномена бытия в мире.

С точки зрения онтологии бытия в мире феномен мира мыслится в качестве универсального горизонта взаимосвязи действий в коммуникативном пространстве. Действия, обладающие моральной значимостью, называются поступками. В основании всякого поступка находится некий определяющий волю принцип. Субъективный принцип определения воли, или максима, есть принцип, лежащий в основании организации системы ценностей конкретного личного мира. Применение такой субъективной максимы в поступке дает возможность тематизировать горизонты мира индивидуального существования. Движение исторической жизни осуществляется как взаимодействие горизонтов различных личных миров. В лекциях по логике Кант предостерегает от попыток определения горизонтов, определяющих существование других людей².

Замечания Канта «служат своего рода дополнением к кантовской идее совершенлетия и непосредственно вводят нас в самую сердцевину его философии и образа жизни, однако не его трансцендентальной философии, а именно его просвещенческой философии» [8, 51]. Тем не менее в § 40 «Критики способности суждения» Кант рассматривает максимум широкого образа мысли, которая заключается в том, чтобы «мысленно ставить себя на место каждого другого» [3, 307], что предполагает возможность выявления горизонта личного мира другого человека, с одной стороны, и вместе с тем общего горизонта мира совместного существования — с другой. Задача практического закона как принципа объективного определения воли заключается в тематизации универсального горизонта всемирности мира, охватывающего взаимосвязь всех возможных личных миров разумных существ. В акте тематизации универсального горизонта осуществляется идея свободы.

Ложь как преднамеренное введение в заблуждение другого человека с целью извлечения выгоды для конкретного лица или для группы лиц может быть содержанием субъективной максимы и свидетельствовать о наличии границ мира личного или совместного существования, но она не может рассматриваться в качестве условия обнаружения горизонта всемирности. Ложь аморальна. Если система этики или система права допускают существование лжи, то тем самым они разрушают свое собственное основание.

Однако в ситуации, вокруг которой разворачивается полемика Канта–Констана, речь удивительным образом идет совсем не о лжи. Речь идет о необходимости предоставить укрытие человеку, жизни которого угрожает злоумышленник. И если такое укрытие предоставляется на деле, то оно должно быть подтверждено и словом. Ибо слово должно рассматриваться здесь как поступок. Я утверждаю, что проблема, которую обсуждали Кант, Констан и их предшественники,

² «Было бы дерзко пытаться определить горизонт другим, ибо отчасти способности, отчасти цели других недостаточно известны» [4, 350].

заключается не в том, имеем ли мы право лгать из человеколюбия или не имеем. Проблема кроется прежде всего в некорректной постановке самого вопроса. Если мы не будем пользоваться высоким понятием истины или противоположным ему понятием лжи, а переформулируем вопрос иным способом, ответ будет вполне очевидным. Поэтому я спрашиваю: имеем ли мы право не сообщать злоумышленнику информацию о местонахождении разыскиваемого им человека? Вне всякого сомнения. Наш ответ в этом случае может быть ложным высказыванием, но он не будет ложью.

Почему же Кант так резко отреагировал на статью г-на Констанана? Можно предположить, что Кант заподозрил в рассуждении «французского философа» присутствие некоего рода софизма. Пресловутое человеколюбие могло оказаться уловкой, которой поспешили бы воспользоваться недобросовестные люди для осуществления своих замыслов. При этом принцип «не лги» утратил бы всякий смысл. Между тем значимость этого положения для этики и права не вызвала у Канта никаких сомнений. Однако стремление подтвердить безусловный статус моральной заповеди, отвергающей право лгать, привело в результате к появлению шокирующей заметки Канта. Но, возможно, если бы Кант уделил этой проблеме чуть больше времени, он пришел бы к заключению, что вопрос о праве лгать из человеколюбия принадлежит той же области, что и печально знаменитый вопрос «Что есть истина?».

-
1. *Кант И.* Из рукописного наследия. М., 2000.
 2. *Кант И.* Критика практического разума // Соч. : в 6 т. Т. 4, ч. 1. М., 1965.
 3. *Кант И.* Критика способности суждения // Там же. Т. 5. М., 1966.
 4. *Кант И.* Логика // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980.
 5. *Кант И.* Метафизика нравов // Соч. : в 6 т. Т. 4, ч. 2. М., 1965.
 6. *Кант И.* О мнимом праве лгать из человеколюбия // Кант И. Трактаты и письма. С. 292–297.
 7. *Кант И.* Основоположения метафизики нравственности // Соч. : в 6 т. Т. 4, ч. 1.
 8. *Хинске Н.* Между Просвещением и критикой разума: этюды о корпусе логических работ Канта. М., 2007.
 9. *Husserl E.* Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie // Hua VI. Haag, 1962.
 10. *Stolzenberg J.* Kant und das Recht der Lüge // Классический разум и вызовы современной цивилизации : материалы междунар. конф. : в 2 ч. Ч. 1. Калининград, 2010. С. 122–133.

Рукопись поступила в редакцию 10 марта 2016 г.

АВТОРЫ НОМЕРА

БАТЮТА Екатерина Анатольевна — заведующая кафедрой психологии Института по профессиональной переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Уральского федерального университета, доцент кафедры философской антропологии департамента философии Института социальных и политических наук этого же университета, кандидат философских наук. E-mail: yekaterina-anat@mail.ru

ВАЛИАХМЕТОВА Гульнара Ниловна — профессор кафедры востоковедения департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор исторических наук. E-mail: vglunara@mail.ru

ГЕРТ Валерий Александрович — декан факультета социологии Уральского государственного педагогического университета, доцент кафедры социологии и политологии этого же факультета, кандидат философских наук. E-mail: valeragert@gmail.com

ДАВЛЕТШИНА Анна Маратовна — аспирант кафедры онтологии и теории познания департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: davletshina.anna@gmail.com

КЕРИМОВ Александр Алиевич — заведующий кафедрой теории и истории политической науки департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат политических наук. E-mail: Kerimov68@mail.ru

КИРИЧЕНКО Владимир Павлович — младший научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения Российской академии наук (Москва). E-mail: black-whit@yandex.ru

КЛЁЦКИН Михаил Васильевич — старший преподаватель кафедры истории и философии науки Социально-гуманитарного института Самарского национального исследовательского университета, кандидат философских наук. E-mail: samkoms@mail.ru

КРУГЛОВА Татьяна Анатольевна — профессор кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: tkruglowa@mail.ru

МЕЛЬНИК Наталья Борисовна — доцент кафедры философской антропологии департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: eco_nataly@mail.ru

МОСИЕНКО Лилия Ивановна — доцент кафедры философии и социальных коммуникаций факультета гуманитарного образования Омского государственного технического университета, кандидат философских наук. E-mail: mosienko_liliya@mail.ru

МУРАТШИНА Ксения Геннадьевна — ассистент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: ksenia-kgm@mail.ru

МУХАМЕТОВ Руслан Салихович — доцент кафедры теории и истории политической науки департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат политических наук. E-mail: muhametov.ru@mail.ru

МУХУТДИНОВ Олег Мухтарович — доцент кафедры истории философии и философии образования департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: gornostaev_oleg@list.ru

ПАПОЯН Айваз Рафикович — аспирант кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: aivaz-papoyan@mail.ru

ПАЦЮКОВА Юлия Андреевна — магистрант кафедры философской антропологии департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: julia.patsyukova@yandex.ru

ПЫРИНА Мария Владимировна — ассистент кафедры онтологии и теории познания департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: 2_maria@mail.ru

УСТЮГОВА Елена Николаевна — профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. E-mail: Elena.ust@gmail.com

ЦИПЛАКОВА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА — доцент кафедры философской антропологии, доцент кафедры истории философии и философии образования департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: j.ceplakova@gmail.com

ЧЕРЕПАНОВА Екатерина Сергеевна — директор Института по профессиональной переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Уральского федерального университета, заведующая кафедрой философской антропологии департамента философии Института социальных и политических наук этого же университета, профессор, доктор философских наук. E-mail: director.ippk@yandex.ru

ЧЕРНЯЕВА Наталья Анатольевна — доцент кафедры философской антропологии департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: n.a.cherniaeva@urfu.ru

ШЛАПЕКО Екатерина Андреевна — научный сотрудник отдела региональной экономической политики Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск), кандидат политических наук. E-mail: shlapeko_kate@mail.ru

SUMMARY

PHILOSOPHY OF CONFLICT: TOPICAL ISSUES

- Cherepanova E. S., Tsiplakova Y. V.* Conflict as a Condition of Historical and Personal Development in the Context of German Lebensphilosophie5

The article explores the theme of conflict in German Lebensphilosophie in the period between the second half of the 19th to the early 20th century. It describes historical and philosophical factors such as transformation of philosophical research, transition from metaphysical stance to social philosophy approaches, which contributed to the emergence of conflict problematique in philosophy. The conflict in Nietzsche's philosophy, the struggle of worldviews in Dilthey's philosophy, conflict between individuals, communities, social groups, nations in Simmel's theory are considered in greater detail.

Key words: Lebensphilosophie, struggle, conflict, life, antagonism, competition, culture, personality, world view, social groups.

- Davletshina A. M., Melnik N. B.* Pedagogical Conflict: A Philosophical and Legal Analysis20

In this article, the authors consider specific character and peculiarities of the pedagogical conflict and its mechanisms. The article reveals the problem of transition from pedagogical conflict to juridical conflict. The authors highlight the fact that pedagogical conflict could be legal but not juridical at the same time. Moreover, they state that the conflict transition from pedagogical to juridical form is undesirable, and nowadays the conflictological standard of pedagogical activity serves as a limiting mechanism of this process. The authors come to the conclusion that clarification of these concepts and definition of conflict resolution standards for pedagogical activity should help the education system in the period of social transformations.

Key words: conflict, pedagogical conflict, juridical conflict, conflictological standard of pedagogical activities.

- Batyuta Y. A.* Media Representations of Social Conflicts through the Prism of Illusory Democracy32

The article highlights the peculiarities of contemporary conflict representations in media environment. The author demonstrates that these representations are produced mainly by cultural and social illusions of democracy as well as clarifies methods and techniques of conflict media representations, and identifies the specific features of social network representations of conflicts.

Key words: media reality, conflict, conflict representations, social illusion, media representation, network democracy.

- Patsiukova Y. A., Chernyaeva N. A.* The Right to Look and the Right to Be Visible: Conflicts of Visuality40

The paper focuses on yet unexplored problem in modern conflictology — the conflicts of visibility, which result in what some scholars call the uneven distribution of the “right to visibility.” Having drawn on a comparative analysis of two scholarly traditions, i.e. of Visual studies and of Political philosophy and particularly the Theory of recognition, the authors claim that visibility constitutes not just a form of representation, but an essential part of any social conflict. As social regimes based on inequality produce an uneven access to public visibility, the fundamental right of everyone to look and to be seen enters into a conflict with the existing regimes of visual production, or what Nicholas Mirzoeff calls the “complexes of visibility.”

Key words: Visual Studies, paradigm of recognition, Nicholas Mirzoeff, Axel Honneth, “right to visibility,” gaze, visibility.

PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

Kletskin M. V. Value Relation in Scientific Cognition49

This article deals with comprehension of “value relation” category in the structure of scientific cognition. It analyses the relationship among such categories as significance, causality, scientific cognition, and suggests praxeological model of their association. The research illustrate that knowledge is always significant and expresses the value relation of the individual cognition. The purpose of the article is to argue that the implementation of the value relation in the process of cognition occurs through differentiation, in which each element is compared with the others, and as the truth is for a researcher always in use perspective.

Key words: value relation, significance, sense, differentiation, scientific cognition, causality, truth.

SOCIAL THEORY AND SOCIOLOGY

Mosienko L. I. “Mother-Heroine”: Motherhood in the Context of Heroic Discourse60

The article argues that the notion of “mother-heroine” should be considered not only in ideological, but also in philosophical discourse. The author believes that mothering many children can actually be regarded as a form of heroism. Analysis of motherhood in the context of heroic discourse existing in modern Russian society allows us to take a fresh look at the demographic situation in Russia, to see the normative foundations of depopulation.

Key words: depopulation, values, motherhood, discourse, heroism.

POLITICAL THEORY, POLITICAL SCIENCE AND POLICY ANALYSIS

Kerimov A. A. Electoral System: Problems of Choice for Modern Russia70

This paper aims to analyze the factors influencing the formation of electoral system and to identify the most appropriate model for modern Russia. This model should lead to the creation of self-reproducing electoral rules with competition for public offices and with eventual development of strong political parties.

Key words: electoral process, electoral system, proportional system, a majoritarian system offset system, political power, the party system.

Mukhametov R. S. Evolution of Regional Government Election System in Russia80

The article analyzes evolution of the system of election of the heads of Russian regions. It is shown that in the first stage there was no uniform system of formation of the regional authorities. The author discusses the reasons for the introduction of direct elections of governors. The author believes that the subsequent abolition of direct gubernatorial elections was caused by the federal center’s intention to build the “vertical of executive power.” The article describes the main reasons for inauguration procedures of the gubernatorial officeholders. The motives of the return of direct gubernatorial elections in 2012 are established.

Key words: head of the region, the governor, elections, regional policy, the regional authorities.

INTERNATIONAL RELATIONS

Valiakhmetova G. N. Ensuring National Cyber Security In Virtual Wars of the 21st Century: The Case of Islamic Republic of Iran87

The article highlights the specificity of Iranian cyber security system. In digital age, the Middle East becomes the area of large scale information wars between the “old” and “new” centers of global and regional power. Iran’s quest for regional leadership involved inevitably this new regional “heavyweight” in global cyber wars. This dynamically developing country had to join the global “cyber arms race” due to lack of effective international mechanisms for countering cyber threats. However, during the construction of a national cyber defense system, Iran has become the one of the top cyber powers that is able to challenge the United States in the global information superiority. The research methodology is based on interdisciplinary approach.

Key words: Iran, the Middle East, information space, cyber security, cyberthreats, cyber war, cyber strategy, hackers, Internet censorship.

Shlapenko E. A. Region Building in Northern Europe: A View from Paradiplomacy and Constructivism Approaches..... 98

This paper analyses approaches to studying interregional cooperation and mechanisms of regional community construction in Northern Europe in order to understand the importance of region-building for the development of border regions. Postulates of constructivist approach supplement paradiplomatic research in regard with formation and evolution of cross-border cooperation. The majority of cross-border regions in Northern Europe are functional regions whose components initially were not similar to each other, while their creation aimed at achieving regional complementarity through integration.

Key words: trans-border cooperation, constructivism, paradiplomacy, Northern Europe.

Muratshina K. G. Russia's Asian Partners and the 70th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War 104

The author analyses how one of the most important events in 2015, the 70th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War (1941–1945) effected Russia's political and humanitarian cooperation with its partners in Asia Pacific. In the current international political situation, these states express certain political support for Russia; however, their views and opinions on this event vary at the closer look. The research involved the analysis of political and humanitarian cooperation of Russia with the Socialist Republic of Vietnam, the Republic of India, the People's Republic of China, and Mongolia.

Key words: Russia, 70th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War, foreign policy, international cooperation, the Socialist Republic of Vietnam, the Republic of India, the People's Republic of China, Mongolia.

Papoyan A. R. Political and Economic Cooperation between Armenia and the European Union 115

The article describes the development of cooperation between Armenia and the European Union since Armenia's independence in 1991 to the present. The author discusses the inclusion of Armenia in the program of the European Neighborhood Policy, which was launched by the EU with the view to strengthen relations between the EU and countries of Southern Caucasus, Eastern Europe and Mediterranean region. The role of trade relations between Armenia and the EU's countries is analyzed.

Key words: the European Union, Armenia, the TACIS, the CIS, the European Neighborhood Policy, trade relations.

Kirichenko V. P. Kingdom of Saudi Arabia's Discrimination Policy against the Shiites..... 124

The article discusses the discrimination suffered by the Shiite population of Saudi Arabia for which the authorities of that country are responsible. Hostile attitude of the regime to Shiites exacerbates their unenviable position in the kingdom. The unspoken discrimination against Shiites is manifested in the banning of their participation in government, the elite units of the armed forces and security agencies. The author also pays attention to the way the Shiite factor affects the relations of Saudi Arabia and Iran.

Key words: Saudi Arabia, Shia, discrimination, Iran.

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

Gert V. A. To Ontology of Human Freedom 131

All ways of exiting "out" for a human being, which were identified in philosophy such as consciousness, communication, action, relation, belief, and negation, are represented in reflections on human freedom. These reflections evolved from epistemological liberation to existential emancipation in the history of philosophy. However, all these ways of existing involve making choices. Freedom of choice in the ways "out" is a necessity and all of them are probabilistic. The choice is both freedom of actualizing individuality in its co-existence and limitation by the chosen course. Eccentric way "out" in co-relations of co-existence is a necessary condition for individuality to identify objects of the world, the others in co-existence, and itself.

Key words: way "out" and subjectivity, ways of existence and liberation, choice and freedom of choice, target and notional determination.

Pyrina M. V. Ontological and Gnoseological Bases of the Subject of Law in Their Historical Development 140

The article discusses the problem of dependence between the essential (onto-epistemological) characteristics of the human being and the subject of law; and their reflection in the philosophical and legal theories. The article offers a brief comparison of the onto-epistemological status of the human being and the legal status of the subject of law in the ancient, medieval and modern eras. The philosophical and legal analysis allows to reveal the essential characteristics of human rights as a subject of the historical development. Furthermore, it reveals their reflection not only in the philosophical conceptions, but at the same time in the legal acts.

Key words: the subject of law, the onto-epistemological status of the human being, the legal status of the subject of law, philosophical and legal analysis.

AESTHETICS AND PHILOSOPHY OF CULTURE

Kruglova T. A. Politicization of Art: Theoretical Approaches and Historical Versions (the Soviet case) 152

In this article, the international group presents the results of their research (2013–2015) on how the left idea evolved in the field of artistic culture in two countries, the USSR and France in the period between 1920s — mid1950s. The study was based on French structuralist and pragmatic sociologies of culture and focused primarily on personal documents and materials of the Soviet era. The politicization of art is analyzed in the context of Stalinist cultural politics and dominant socialist realism.

Key words: structuralist theory of culture, pragmatic theory of culture, the field of literature, the political in art, left the Soviet art, socialist realism, Stalinist cultural policy.

Ustiugova E. N. Biedermeier as the cultural-style phenomenon 161

The article is devoted to Biedermeier style as interrelation of artistic, cultural and life styles. Research methodology included such approaches as theoretical philosophy, culturology, culture history, art criticism. The works on methodology of historical cultural analysis, philosophical theory of style, research of culture of the first third of the 19th century were used. The author comes to a conclusion that Biedermeier relates to the culture of transitional type and that its art language reflects the bourgeois generation's search for its own cultural image based on their practical and familiar life style.

Key words: style, culture, art, identity, transitivity, mentality, communications, the vital world, polystylistics, stylization, adaptation, image, historical context.

HISTORY OF PHILOSOPHY

Mukhutdinov O. M. On the Alleged Right to Lie and the Right to Conceal the Truth 175

The article discusses the famous question of the alleged right to lie from philanthropy. The main topic of analysis is the ethical and legal argument by which Kant seeks to justify the thesis of inadmissibility of lie. The phenomenon of lie is considered from the point of view of practical ontology of human existence in the world. Possibility of raising the issue of the right to lie from philanthropy is associated with the circumstances of the situation.

Key words: Kant, ethics, right to lie, world, horizon, ontology of practical existence.

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 3
Общественные науки
2016
№ 2 (152)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-48321 от 27.01.2012.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 17.06.2016. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 15,5. Усл.-печ. л. 15,4. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 247.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13. Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press.info@usu.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

*Уважаемые авторы и читатели журнала
«Известия Уральского федерального университета.
Серия 3. Общественные науки»!*

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27 января 2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 13 июня 2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227–2291;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по **филологии, социологии, политологии** Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;
- включен в Объединенный подписной каталог «Пресса России». Подписной индекс 43144.

Библиографические сведения и информация о статьях в журнале размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки (РУНЭБ).

Полнотекстовая версия журнала размещается на портале университета (<http://urfu.ru/science/scientific-publications/izvestija-urfu/>), на собственном сайте журнала (<http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia3>) и на платформе РУНЭБ.

О порядке предоставления рукописей

1. В редакцию по электронной почте (izvestia_3@urfu.ru), по почте или лично автором предоставляются текст статьи (в двух экземплярах) (см. ниже требования к оригиналу) и анкета статьи.
2. В редакцию по почте или лично автором представляется официально заверенная внешняя рецензия (делается специалистом соответствующей отрасли знаний, не работающим в одном вузе, или на одном факультете, или на одной кафедре с автором статьи).
3. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.
4. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.
5. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Правила рецензирования статей

1. Автором статья предоставляется в редакцию вместе с положительной внешней (по отношению к месту работы автора и по отношению к журналу) рецензией.
2. После прочтения материала главным редактором текст, при условии, что он удовлетворяет основным требованиям к содержанию и оформлению научных статей, направляется для оценки внутреннему (журнальному) рецензенту.
3. На основании заключения рецензента главный редактор или редколлегия выносит решение о публикации статьи, о необходимости доработки материала или о его отклонении.
4. О принятом решении ответственный секретарь журнала извещает автора по электронной почте. При этом, при принятии решения о необходимости доработки текста или его отклонении, к извещению прилагается копия или подробное изложение рецензии.

5. Журнал использует так называемое одностороннее анонимное рецензирование, при котором личность автора становится известна рецензенту, а автору персональные данные рецензента не сообщаются.

6. В исключительных случаях, а именно при наличии у автора очень серьезных и достаточно убедительных для редакции возражений против тех критических замечаний рецензента, на основании которых статья была отклонена журналом, текст по решению главного редактора или редколлегии может быть направлен на дополнительное рецензирование другому специалисту.

7. Все рецензии на статьи хранятся в архиве редакции в течение 5 лет.

8. Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

- а) шрифт — Times New Roman, кегль — 14, интервал — 1,5. Поля — все по 2 см;
- б) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в том числе сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук — философских, социологических, политологических, культурологических или экономических — они выступают соискателями ученого звания;

- в) инициалы и фамилия автора на русском языке;
- г) заголовок статьи на русском языке;
- д) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТ 7.9–95).

Аннотация необходима для упрощения поиска в электронных научно-информационных базах, среди миллионов других доступных источников. Именно благодаря аннотации статья может заслужить внимание читателя, поэтому четкая краткая характеристика основного содержания статьи является важнейшим элементом поискового образа документа (ПОД), наряду с самим названием, ключевыми словами и кодами. Объем аннотации — не менее 500 и не более 800 знаков без пробелов.

В аннотации должны быть указаны:

- конкретная научная проблема (предмет), анализу которой посвящена статья, сформулированная таким образом, чтобы выявить ее актуальность;
- научное направление, школа или научный подход, в рамках которого проведено исследование;
- основные этапы анализа или аргументации;
- главные результаты (выводы) проведенного исследования, сформулированные таким образом, чтобы выявить новизну.

Аннотация и ключевые слова должны отражать специфику работы и быть максимально конкретными;

- е) ключевые слова по исследуемой проблеме (должны повторяться либо в названии статьи, либо в аннотации);
- ж) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;
- з) основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники;
- и) затекстовый список цитируемой литературы (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

Автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила оформления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 02.02.2007).

3. *Герцен А. И.* С того берега // Герцен А. И. Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.

.....

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. СПб. ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbк.ru> (дата обращения: 15.10.2013).

.....

21. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках. Например:

[1] — означает общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;

[1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются;

в) ссылки на архивные материалы располагаются непосредственно в тексте, в квадратных скобках. Название архива, если оно не является общеизвестным, приводят в сокращенном варианте, а затем расшифровывают в круглых скобках. Например:

[ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

3. **Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды (предоставленные только в наше издание) объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.**

4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319.

Философский факультет.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки».

Главному редактору *Суслову Николаю Владимировичу.*

Рукописи принимаются в редакции: пр. Ленина, 51, к. 319

(член редколлегии *Ковалева Екатерина Сергеевна.* Телефон для справок (343) 350-59-20).

Электронный адрес: urgufo2005@yandex.ru